

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 30 (163)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2009

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 6

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., проф., академик РАО **Асмолов А.Г.**,
д.пс.н., проф. **Батулин Н.А.** (*отв. редактор*),
к.м.н., доц. **Беребин М.А.** (*отв. секретарь*),
д.пс.н., проф. **Грязева-Добшинская В.Г.**,
д.пс.н., проф. **Доценко Е.Л.**,
д.пс.н., проф. **Зинченко Ю.П.**,
д.пс.н., проф. **Знаков В.В.**,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО **Малых С.Б.**,
д.пс.н. доц. **Солдатова Е.Л.**,
д.пс.н. **Ушаков Д.В.**

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Психодиагностика

БАТУРИН Н.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Технология разработки тестов: часть I	4
НАУМЕНКО А.С. Эффективность использования результатов тестирования специалистами по подбору персонала	15
РЫЛЬСКАЯ Е.А. Типы жизнеспособности человека	24
ШМЕЛЕВ А.Г., НАУМЕНКО А.С. Интернет-сообщество психодиагностов как инструмент профессиональной интеграции и охраны профессиональной тайны	31

Психология развития, акмеология

ВАСИЛЬЕВА Н.Л., ИВАНОВА В.Ю., СКОЧИЛОВ Р.В., ПОЛЯКОВА М.А. Психолого-социальное сопровождение личностного развития как технология	46
ТИШЕВСКОЙ И.А. Модели психологической работы по увеличению распространенности грудного вскармливания	52

Специальная психология

КОНЕВА О.Б. Психологические особенности социально-эмоциональных нарушений личности детей-сирот	59
РЫЧКОВА Л.С., СУПРУН С.А., ГУЗАНОВА Д.Ю. Возрастные особенности систематики дезадаптационных расстройств у детей-сирот с легкой умственной отсталостью ...	66

Клиническая (медицинская) психология

БЕРЕБИН М.А. Концепция отношений В.Н. Мясищева и теория психической адаптации личности в медицинской психологии (часть II)	70
ШТРАХОВА А.В. Психосемантика боли в структуре внутренней картины болезни у неврологических больных	76

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

ГЛУХОВА О.В. Анализ подходов к изучению профессионального самоопределения в диссертационных исследованиях	83
ГУРЬЯНОВА В.С. Исследование возможностей применения метафорического материала для диагностики социального интеллекта	89

Научная жизнь

БОРМОТОВ А.А., ЮСУПОВА Ю.Л. Одиннадцатый европейский конгресс по психологии (ЕСР 2009, Норвегия, Осло, 2009)	95
--	----

Abstracts and keywords	98
-------------------------------------	----

CONTENTS

Psychodiagnostics

- BATURIN N.A., MELNIKOVA N.N. Technology of test development: part I 4
- NAUMENKO A.S. How effectively recruitment specialists use test results 15
- RYLSKAYA E.A. The types of person's resilience 24
- SHMELYOV A.G., NAUMENKO A.S. Internet community of test developers as a way
to professional integration and protection of professional confidentiality 31

Psychology of the development, acmeology

- VASILYEVA N.L., IVANOVA V.Y., SKOCHILOV R.V., POLYAKOVA M.A.
Psycho-social escort of personality development as a technology 46
- TISHEVSKOY I.A. Models of psychological work on increasing of prevalence
of breast feeding 52

Special psychology

- KONEVA O.B. Psychological peculiarities of social-emotional personality disorder
of orphaned children 59
- RYCHKOVA L.S., SUPRUN S.A., GUZANOVA D.Y. Age-related peculiarities
of disadaptation disorders systematics of orphaned children with mild mental defectiveness ... 66

Clinical (medical) psychology

- BEREBIN M.A. Myasishev's conception of personality' attitude and the theory of psychic
adaptation of personality in medical psychology (part II) 70
- SHTRAHOVA A.V. Psychosemantics of pain in the structure of the internal picture of disease
in neurological patients 76

Scientific works of students, masters and post-graduate students

- GLUHOVA O.V. Analysis of approaches to studying of professional self-determination
in dissertational researches 83
- GURYANOVA V.S. Research of possibilities of application of a metaphorical material
for diagnostics of social intelligence 89

Scientific life

- BORMOTOV A.A., YUSUPOVA J.L. The 11th European Congress of Psychology
(ECP 2009, Norway, Oslo, 2009) 95

- Abstracts and keywords** 98

Психодиагностика

УДК 159.9
ББК Ю937

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ТЕСТОВ: ЧАСТЬ I

Н.А. Батури́н, Н.Н. Мельникова

Впервые в отечественной психодиагностике описан универсальный процесс создания психодиагностической методики любого типа. Процесс состоит из 14 шагов, сгруппированных в 8 этапов. Реализация задач каждого шага является необходимым условием разработки методики. Пропуск шагов или несвоевременное выполнение соответствующих им задач отразится на качестве методики и не сократит, а увеличит затраты времени и средств. Изложение материала разделено на части. В первой части статьи описаны первые два начальных этапа: организационный и содержательный. Эти этапы – фундамент создания любой методики. При их описании выделены наиболее существенные и мало освещенные проблемы разработки психодиагностических методик.

Ключевые слова: психодиагностические методики, процесс разработки методик, пошаговая технология, планирование теста, содержание теста.

Введение

По мнению большинства авторитетных специалистов, в настоящее время отечественная психодиагностика переживает системный кризис (см. Н.А. Батури́н, 2008). Одна из причин кризиса – малое количество отечественных тестов, удовлетворяющих современным международным требованиям (стандарты тестов APA, BPS, EFPA). Главная причина этого, на наш взгляд, заключается в слабой подготовке отечественных разработчиков в недостаточной освоенности технологий создания тестов. Достаточно сказать, что за всю историю психодиагностики в России было издано только одно детальное «Руководство по конструированию тестов» (П. Клайн, 1994), которое в настоящее время несколько устарело.

Разработка тестов в России – это удел одиночек (реже небольших групп), которые, как правило, создают методику «для себя», чтобы провести задуманное исследование (чаще всего в рамках работы над диссертацией). На серьезную работу по созданию диагностического инструментария для использования его другими, не хватает ни времени, ни сил, ни средств.

За рубежом уже давно тесты разрабатываются в исследовательских центрах, корпорациях издателей, большой группой разработчиков с разделением функций, фактически «на потоке» или конвейере. Поэтому многие

из тестов не имеют авторов, а только указание на фирму-разработчика (например, у знаменитого OPQ 32 автор – SHL group). Естественно, что за рубежом уже разработана подробная технология создания тестов. В огромных томах каждой детали разработки посвящены главы и даже книги (см., например, Handbook, 2006). В отечественной психодиагностике принцип поэтапной разработки тестов предложен достаточно давно, и, в частности, был реализован в одной из работ автора 8 лет назад (Батури́н, Курганский, 2001).

Создание в Лаборатории психодиагностики ЮУрГУ первого в России Компендиума психодиагностических методик показало, что за прошедшие 100 лет в СССР и России было разработано всего около 700 методик, как сугубо исследовательских, так и психодиагностических (Н.А. Батури́н, А.В. Пичугова, 2008). Это ничтожно мало по сравнению с существующими потребностями и масштабными разработками за рубежом (где их насчитывается более 20 000). Но больше всего настораживает, что только у 25 % отечественных методик есть хотя бы упоминание о проверке валидности, надежности и стандартизации. И совсем редко методики проходят полный процесс психометрической проверки. Необходимым компонентом западной методики являются «Технические отчеты», которые не попадают в поле зрения пользователя

(только по требованию), но они позволяют провести рецензирование и сертификацию в соответствующих органах, поскольку в них содержится вся информация о процессе создания методики, о проведенных психометрических экспериментах, о психометрических проверках готового к изданию теста.

Одна из задач данной статьи – сформировать новое отношение к самой деятельности по разработке тестов, способствовать изменению самого подхода к этому виду профессиональной деятельности. На наш взгляд, в России назрела необходимость перехода от инициативных разработок тестов к широкомаштабным коллективным проектам, занимающим свое место в одном ряду с разработками социально значимых практических технологий в других отраслях современной науки и практики. А для этого необходимо освоение современных технологий создания тестов.

Наиболее полно процесс разработки тестов представлен в работе М. Даунинга (Handbook, 2006). Им предлагается пошаговая технология, предназначенная для создания тестов достижений. Однако ключевые моменты, обозначенные М. Даунингом, являются важными и для создания других видов тестов. Это сделало возможным переработку технологии, предложенной М. Даунингом, с тем чтобы создать универсальную схему последовательности действий по разработке психодиагностического инструментария. Эта усовершенствованная схема предлагается в данной работе.

Общая схема процесса разработки тестов

Предлагаемая схема процесса разработки тестов представлена в таблице. Весь процесс создания психодиагностической методики состоит из 14 шагов, сгруппированных в 8 этапов. Каждый шаг имеет отдельную цель, предполагающую получение вполне конкретного конечного продукта, на который опираются дальнейшие действия. Цель каждого шага отражена непосредственно в его названии. Подразделение на этапы выделяет качественно различные области деятельности в процессе разработки теста. Действия разработчиков на отдельных этапах требуют разных компетенций, разных акцентов в подготовке, и, в отдельных случаях, могут осуществляться даже разными командами специалистов. Каждый шаг предполагает специфические задачи, которые будут описаны ниже. Более подробно планируется остановиться на ключевых зада-

чах каждого шага, а также на вопросах, требующих особого внимания.

Особо акцентировать внимание следует на том, что последовательность шагов, представленных в таблице, является не просто рекомендуемым алгоритмом, удобным для пользования, а отражает сложный процесс. И как для любого процесса здесь существует закономерность в последовательности действий, вытекающих одно из другого. Все задачи, решаемые на разных этапах процесса разработки тестов, взаимосвязаны. Результат каждого этапа становится основой и условием успешности выполнения задач на последующих. Если какой-то этап пропущен, или соответствующие ему задачи решены неадекватно, то это снижает эффективность действий на последующих этапах и, в конечном итоге, влияет на качество конечного продукта. Хотя особенности работы, длительность и сложность каждого этапа могут быть различными и зависят от специфики конкретного теста. Важно, чтобы все этапы процесса были основательно проработаны, и соблюдалась пошаговая последовательность действий.

Всем хорошо известно, что современная практика разработки психодиагностических методик в России в этом плане далека от совершенства. Спонтанность, отрывочность и разрозненность действий, связанных с разработкой тестов – скорее норма, чем исключение; и это серьезное препятствие к повышению качества отечественного инструментария. Характерно, что обозначенные шаги неодинаково представлены в современной практике разработки тестов в России. Среди них есть такие, которые считаются традиционно необходимыми и такие, которые часто опускаются или прорабатываются очень поверхностно.

Так для большинства авторов наиболее привычными являются шаги, связанные с проверкой валидности, надёжности теста и его стандартизацией (шаги 8-й и 9-й в таблице). Иногда все психометрические процедуры сводят только к ним. Тест считается «готовым», если он стандартизирован и к нему прилагаются сведения о коэффициентах валидности и надёжности. Однако, как видно из дальнейшего изложения, эти шаги являются следствием серьезной предварительной работы, и усилия здесь могут быть потрачены впустую, если отсутствует тщательная проработка содержательной области или недостаточно основательно выполнены действия,

Общая схема процесса разработки тестов

Этап	Основные задачи
Этап I. Организационный	
Шаг 1. Планирование проекта	<ul style="list-style-type: none"> – Формулирование предварительных характеристик теста – Определение основных источников валидности – Выбор психометрических и исследовательских моделей – Составление подробного плана разработки теста – Организационные решения
Этап II. Содержательный	
Шаг 2. Определение содержания	<ul style="list-style-type: none"> – Определение исходного теоретического концепта – Формирование репрезентативной выборки содержания – Описание ключевой феноменологии
Шаг 3. Составление спецификации теста	<ul style="list-style-type: none"> – Операционализация содержания – Выбор и фиксация формальных характеристик теста – Утверждение спецификации
– Этап III. Подготовительный	
Шаг 4. Разработка пунктов	<ul style="list-style-type: none"> – Разработка пунктов – Профессиональная редакция пунктов – Создание банка пунктов
Шаг 5. Сборка теста	<ul style="list-style-type: none"> – Компоновка рабочих версий теста – Утверждение пробной версии теста
Этап IV. Исследовательский	
Шаг 6. Апробация, анализ и коррекция пунктов	<ul style="list-style-type: none"> – Эмпирическая апробация пунктов – Отбор и переформулирование пунктов – Проверка внутренней согласованности и дискриминативности шкал – Повторный пилотаж (при необходимости) – Утверждение состава и структуры теста
Шаг 7. Уточнение процедуры тестирования	<ul style="list-style-type: none"> – Уточнение процедуры и времени – Разработка инструкций – Утверждение рабочей версии теста
Шаг 8. Изучение и проверка валидности и надёжности	<ul style="list-style-type: none"> – Исследование регестовой надёжности – Изучение конструктивной валидности – Проверка критериальной валидности – Утверждение окончательной версии теста – Корректорская проверка окончательной версии теста
Этап V. Стандартизационный	
Шаг 9. Массовые обследования для стандартизации	<ul style="list-style-type: none"> – Формирование выборки стандартизации – Массовые обследования по плану – Стандартизация теста для различных групп – Фиксация способов перехода к нормам
Этап VI. Интерпретационный	
Шаг 10. Разработка схем интерпретации и диагностических отчётов	<ul style="list-style-type: none"> – Описание алгоритмов обработки данных и схем анализа результатов – Описание принципов интерпретации результатов – Разработка критериев для диагностических выводов – Описание моделей составления отчётов – Разработка компьютерных программ обработки данных и составления отчётов
Этап VII. Технический	
Шаг 11. Написание технических отчётов	<ul style="list-style-type: none"> – Подготовка подробной документации о результатах, полученных на всех этапах разработки теста – Составление технических отчётов о разработке и психометрической проверке теста
Шаг 12. Юридическое оформление	<ul style="list-style-type: none"> – Юридические процедуры – Рецензирование методики – Сертификация методики
Шаг 13. Издание	<ul style="list-style-type: none"> – Подготовка руководства для пользователя – Издание методики
Этап VIII. Эксплуатационный	
Шаг 14. Сопровождение использования теста	<ul style="list-style-type: none"> – Проверка основных психометрических характеристик методики другими исследователями – Дальнейшее изучение конструктивной валидности – Создание новых форм и модификаций теста – Совершенствование пользовательских характеристик теста

связанные с формулированием пунктов и сборкой теста. Далеко не все разработчики понимают, что стандартизация, даже на очень представительных выборках, сама по себе ничего не даёт: стандартизировать можно любой случайный набор данных. Ключевым моментом разработки теста является валидность и надёжность – те характеристики теста, которые должны прорабатываться ещё задолго до их проверки. Результат проверки в виде некоторого статистического показателя – это лишь закономерный итог всех предыдущих действий, их успешности или неадекватности.

В этой статье предлагается сконцентрировать внимание на целостном системном видении всего процесса по разработке тестов. Его преимущество в том, что становятся различимыми и даже очевидными линии развития закладываемых психометрических характеристик, их взаимосвязи друг с другом и с конкретными действиями, производимыми на различных этапах создания теста.

Процессуальное видение даёт возможность некоторого прогнозирования результата, понимания того, как конкретное действие отразится на том или ином показателе через два-три шага. Ориентация на процесс заставляет также разработчика постоянно оглядываться назад, на каждом шагу сверяя свои действия с предыдущими промежуточными результатами, их успешностью.

В последовательном продвижении по этапам разработки теста в статье будет показано значение каждого шага для итогового результата, для обеспечения базовых психометрических характеристик теста. Поскольку формат и объём статьи не позволяет детально описывать каждую из конкретных задач, решаемых на последовательных шагах разработки, более подробно будут обсуждаться те из них, которые представляют наибольшую сложность и требуют особого внимания разработчика.

Этап I. Организационный

Шаг 1. Планирование проекта

Первый этап – организационный является основой любого серьёзного проекта. На этом этапе принимаются ключевые решения, влияющие на выбор методов и моделей, используемых на разных этапах разработки. Шаг 1 не случайно назван «Планирование проекта». Проект – это несколько иной подход к самой деятельности по разработке тестов. Традиционно в нашей стране создание

методик воспринимается больше как индивидуальное творчество (если не сказать, «сочинительство»), а не как сложный практический проект, требующий стратегического планирования, организационных решений и даже подготовки бизнес-плана. В большинстве случаев этап планирования опускается или же оформляется постфактум, как формальный документ для отчёта. Это говорит о том, что культура разработки тестов в нашей стране пока находится на сравнительно низком уровне и требует изменения самого подхода к этому виду профессиональной деятельности.

На организационном этапе закладываются основы всей дальнейшей работы, определяются базовые позиции, влияющие на выбор психометрических и исследовательских моделей, которые будут использованы в проекте. Многие важные решения должны быть приняты ещё до начала непосредственных практических действий. На этом этапе формулируются предварительные характеристики будущей методики и составляется подробный план, включающий описание исследовательских программ и методов, а также принимаются организационные решения, призванные обеспечить практическое продвижение проекта.

По сути, работа на всех этапах проекта связана с последовательным «оттачиванием» основных психометрических характеристик теста, главной из которых, подчеркнем ещё раз, является валидность. Чтобы внести некоторую ясность, необходимо ненадолго остановиться на современном понимании валидности. Мнение о том, что валидность достаточно «проверить» на конечном этапе разработки – лишь распространённая иллюзия. Серьёзная работа по достижению валидности начинается ещё задолго до её проверки. Здесь правильнее будет обозначить три сквозных задачи: обеспечение, изучение и, только потом, проверка валидности. И они проходят сквозь все этапы разработки методики, получая на каждом своё выражение.

Хотя мы привыкли к тому, что существуют множественные «виды» валидности (которых в разных источниках выделяется до десяти), следует особо отметить, что *валидность как способность инструмента измерять то, для чего он предназначен, по существу, одна*. Используемые наименования: содержательная, критериальная, конструктивная, прогностическая, конкурентная и др. – отражают лишь её разные грани, источники и способы выявления. В последнее время намечается тенден-

ция к сокращению количества видов валидности, которые, по сути, *можно свести к 3-м качественно различным формам: содержательной, критериальной и конструктивной* (см., например, стандарты АПА и форму рецензии на тест EFPA). Эти формы валидности предполагают разные методы осуществления и актуальны на разных этапах разработки.

Так, основы содержательной валидности, предполагающей соответствие закладываемого в тест содержания изучаемому концепту, формируются на этапе теоретической разработки и закладываются в тест при формулировании пунктов. Поэтому к содержательной валидности больше подходит термин «обеспечение», чем «проверка».

Критериальная валидность определяется на основе соотнесения результатов теста с внешним (по отношению к тесту) критерием. При этом такие критерии могут быть весьма различны: это данные наблюдаемого поведения, успешность последующей деятельности, результаты аналогичного теста. Разные критерии дают названия разным вариациям критериальной валидности: прогностическая, конкурентная и т. д. Именно к критериальной валидности больше всего подходит термин «проверка», которая проводится, как правило, на завершающих этапах разработки теста. Однако и эта форма валидности может заблаговременно «обеспечиваться», например, на этапе анализа пунктов, если выбрана модель отбора пунктов на основе соотнесения с критерием.

Конструктивная валидность, возможно, наиболее важная, базируется на теоретически обоснованной модели взаимосвязей измеряемых тестом параметров с другими явлениями. Эта форма валидности требует постепенного накопления информации из разных источников и «изучается» как в процессе разработки теста, для чего планируются специальные исследования, так и после его издания.

Конечно, эти три формы валидности взаимосвязаны как три грани одного целого: если «смещена» или «заужена» содержательная область, то это выявится при изучении конструктивной валидности и отразится на показателях критериальной, которые будут неизбежно снижены. На самом деле, работа над валидностью, как над единым явлением, проходит сквозной линией через весь процесс разработки теста.

В начале организационного этапа задаются предварительные характеристики будущего

теста (такие как цель тестирования, область применения, контингент испытуемых и т. д.), которые в общих чертах обрисовывают желаемый конечный результат. Только ясное представление о конечном результате позволяет спланировать конкретные действия, выбрать методы и исследовательские модели, которые будут привлечены в процессе разработки.

На организационном этапе важно определить наиболее адекватные и информативные источники валидности для конкретного теста. А это напрямую зависит от цели тестирования (А. Анастаси, 2001). Несколько примеров позволяют проиллюстрировать это положение.

Так, например, если цель тестирования звучит как прогноз успешности деятельности, то основным источником валидности будет соотнесение результатов теста с показателями будущей деятельности. В этом случае акцент будет сделан на критериальной валидности. Соответственно, при составлении плана действий на IV-м этапе может быть избрана модель отбора заданий по критериальному принципу, а далее должны быть запланированы исследования, позволяющие получить конкретные показатели прогностической валидности.

Если цель тестирования – оценка степени усвоения знаний после прохождения некоторого обучающего курса (как в традиционных тестах достижений), то основным источником валидности – это соответствие содержания теста содержанию курса. Следовательно, акцент переносится на содержательную валидность, работа по обеспечению которой происходит на II-м этапе, где тщательно выверяются пропорции содержания и широта его охвата. Для отбора пунктов в этом случае может быть выбрана классическая модель анализа заданий или же IRT-модель.

Иногда целью разработки бывает диагностика целого комплекса сложных личностных переменных. В этом случае источники валидности – это тщательная проработка содержания и расширенные эмпирические исследования, способные выявить место изучаемых переменных среди других психологических явлений. Здесь акцент смещается на конструктивную валидность, изучение которой реализуется на IV-м этапе разработки через серию тщательно спланированных программ эмпирических исследований и психометрических экспериментов. Однако, вклад в изучение конструктивной валидности может быть внесён и на

начальных этапах разработки. Например, на содержательном этапе теоретический анализ может быть дополнен специально организованными исследованиями, уточняющими ключевую феноменологию. А для отбора заданий может быть рекомендована факторная модель с применением эксплораторного факторного анализа.

Таким образом, основные характеристики теста во многом задают ключевые источники валидности, которые, в свою очередь, определяют психометрические и исследовательские модели, привлекаемые к разработке. Приведённые примеры не являются универсальными и не претендуют на полноту охвата всех возможных вариантов. Конкретные решения зависят от типа теста, характера содержательной области тестирования и множества частных факторов. Однако именно чёткое представление о конечном результате позволяет грамотно выстроить стратегию разработки теста.

Итогом организационного этапа является поэтапный план проекта. Этот план содержит в краткой форме все существенные задачи, которые должны быть выполнены на каждом из этапов. Здесь же конкретизируются привлекаемые к разработке методы и модели.

Составление плана требует организационных решений, касающихся того, кто будет выполнять те или иные задачи, определения временных рамок, вопросов организации массовых исследований, финансирования и т. д. Здесь же должны быть приняты решения, связанные с привлечением или подготовкой специалистов различного профиля (например, разработчиков пунктов, экспертов по содержанию, программистов и др.). Успех всего предприятия в значительной степени зависит от проработанности такого плана, способности организаторов правильно выстроить стратегию действий, определить оптимальную линию исследований и обеспечить выполнение проекта грамотной финансовой и юридической базой.

Этап II. Содержательный

Второй этап – начало непосредственной работы над тестом. На данном этапе проводится серьёзная теоретическая работа по определению измеряемого концепта, и закладываются основы валидности будущего теста. Если содержание плохо определено или недостаточно тщательно описано, то никакие последующие действия не компенсируют этого

упущения. Можно потратить огромное количество сил и средств на массовые исследования и статистические процедуры, проводимые на последующих этапах, и потерпеть неудачу из-за недочётов в проработке содержания.

К сожалению, важность содержательного этапа разработки тестов традиционно недооценивается, и он неоправданно опускается, сокращается или же превращается в абстрактный теоретический обзор. Довольно часто отечественный разработчик полагается на свою интуицию или некоторую имплицитную теорию. Однако именно содержательный этап служит мостиком между теорией и практикой, где прорабатывается соответствие содержательных особенностей изучаемого концепта с формальными характеристиками будущего теста (такими, как тип теста, формат вопросов и др.).

На наш взгляд, недооценка содержательного аспекта разработки во многом вызвана непониманием того, что должно быть сделано на данном этапе. Поэтому рассмотрим подробнее специфику задач содержательного этапа разработки тестов, останавливаясь на тех моментах, где возникают наиболее серьёзные проблемы.

Содержательный этап состоит из двух шагов (шаги 2-й и 3-й – в общем процессе). Сначала определяется и детально прописывается содержание изучаемого явления. Затем на основе такой проработки проводится операционализация содержания и составляется спецификация теста, которая будет инструкцией ко всем дальнейшим действиям, вплоть до разработки схем интерпретации.

Шаг 2. Определение содержания

Определение содержания предполагает решение трёх весьма серьёзных задач. Это: (1) определение исходного теоретического концепта, (2) формирование репрезентативной выборки содержания и (3) описание ключевой феноменологии. Их последовательное оформление осуществляет корректный переход от теоретических построений к операциональным единицам содержания, которые затем найдут своё выражение в конкретных пунктах теста.

Определение концепта – исходная точка конструирования теста и краеугольный камень в фундаменте будущего здания валидности. Явлению, для измерения которого планируется разработать тест, должно быть дано чёткое определение, в котором бы отражалась концептуальная позиция автора, его понимание и трактовка явления.

Следует отличать термин «*концепт*» (от лат. *conceptus* – содержание понятия) от термина «*конструкт*» (от лат. *construction* – составление, построение) (Философский энциклопедический словарь, 2000). Термин «конструкт», который является более привычным для разработчиков тестов, был введён в обиход в 1955 году в связи с появлением такого понятия, как конструктивная валидность (Cronbach & Meehl). Под конструктами понимаются «...категории, выводимые логическим путём из общих признаков, свойств или черт, обнаруживающих себя в непосредственно наблюдаемых эмпирических переменных» (по А. Анастаси, 2001, с. 134). При этом отмечается, что сами конструкты часто недоступны прямому наблюдению, а могут быть идентифицированы лишь по косвенным эмпирическим признакам. Понятие «конструкт» показало свою продуктивность, прежде всего, при работе со сложными, недоступными прямому наблюдению реальностями, например, такими, которые получены посредством факторного анализа. Однако позже термин конструкт получил более широкое применение, и в настоящее время используется в качестве обозначения практически любой переменной, которую измеряет некоторый тест (П. Клайн, 1994, К. Купер, 2000). При этом основная задача изучения конструктивной валидности теста обычно формулируется как *идентификация конструкта* (А. Анастаси, 2001; К. Купер, 2000).

Более подробно эти вопросы будут рассматриваться во второй части статьи при обсуждении методов изучения конструктивной валидности. Здесь же важно подчеркнуть, что на начальном этапе разработки теста при определении содержания имеется в виду всё же не конструкт как идентифицированная посредством эмпирических исследований категория, а именно *концепт* как определение содержания понятия и обозначение исходной теоретической позиции автора теста. От того, как мы определим концепт, зависит – что именно мы будем измерять. Изначальное грамотное и ясное определение концепта позволит позже сформулировать продуктивные гипотезы, которые лягут в основу исследований конструктивной валидности теста. И, при удачной разработке, изучение конструктивной валидности на IV-м этапе процесса должно показать соответствие полученного конструкта исходному теоретическому концепту.

Однако задача определения концепта не

так проста как кажется на первый взгляд. Чётко определённых и детально проработанных концептов в современной психологии не так уж много. Здесь разработчик может столкнуться с серьёзными проблемами, связанными с *неясностью и размытостью концептуальной области, выбранной для разработки*. Например, относительно некоторого явления могут сосуществовать несколько взглядов, подходов, позиций, выражающихся в разных дефинициях. Такая ситуация достаточно распространена, и наиболее ярко иллюстрируется примером недавно развернувшейся в научном сообществе дискуссии вокруг понятия «компетенции».

На самом деле, различие мнений – это естественный и конструктивный процесс, однако, разработчик теста в подобном случае ставится перед необходимостью выбора. Он обязан чётко и однозначно определить концепт, который закладывает в основу теста, поскольку выбранное определение диктует предмет диагностики, методические подходы, источники валидности и многие другие характеристики теста. Например, если мы рассматриваем компетенции как комплекс некоторых знаний, умений, навыков, это предполагает одну линию разработки, если как область полномочий должностного лица – совсем другую, если же ядром определения компетенций становятся сложные качества, ответственные за способность к мобилизации имеющихся знаний и готовность к эффективной работе – третью, в корне отличающуюся от двух предыдущих. Меняется предмет диагностики и, соответственно, результат применения методики на практике. Поэтому разработчику *важно обозначить свою исходную позицию, хотя бы для того, чтобы пользователи понимали, с чем они имеют дело*.

Таких «спорных» и многозначных концептов в современной психологической науке немало. Ещё один актуальный пример – «эмоциональный интеллект», с диагностикой которого связано немало трудностей. В последнее время одну из возможных причин этих затруднений стали видеть в самой формулировке концепта. Если используется родовое понятие «интеллект», то это диктует определённое содержательное поле и определённые методы и модели диагностики. Неточно выбранный ракурс при теоретическом осмыслении концепта смещает его содержание, что, при разработке методик, неизбежно проявится в трудностях их валидации. Неверная ис-

ходная теоретическая позиция заводит в тупик множество практических проектов по разработке тестов. Поэтому следует ещё раз подчеркнуть важность и необходимость серьёзной теоретической проработки исходного концепта на самых начальных стадиях разработки теста.

Следующая задача в рамках определения содержания – **формирование репрезентативной выборки содержания** (А. Анастаси, 2001; К. Купер, 2000). Она является первым шагом на пути перехода от теоретического концепта к конкретным тестовым процедурам.

В некоторых случаях решение этой задачи не представляет особых трудностей, если мы, например, имеем дело с тестами учебных достижений. В этом случае в содержательное поле, которое будет представлено в тесте, входят все основные разделы подлежащего проверке материала. *Важно, чтобы был обеспечен полный охват содержания* и все разделы пройденного курса были представлены в будущем тесте. Иногда при планировании теста предпочитается равномерное распределение пунктов по всем содержательным областям. Однако во многих случаях важно учитывать и относительную значимость тех или иных разделов для общей оценки знаний. Эта значимость может определяться экспертами – специалистами в соответствующей области. (В тесте более значимые разделы могут быть представлены большим количеством пунктов, или же оцениваться большим количеством баллов).

Принцип формирования выборки содержания, проиллюстрированный на примере тестов достижений и заключающийся в полном охвате релевантных содержательных областей, универсален для всех видов тестов. Однако в случае разработки методик, направленных на диагностику личности, эта задача сопряжена с гораздо большими сложностями (А.Г. Шмелёв, 2002). В качестве областей содержания здесь должны быть выделены типы ситуаций, соответствующие искомому личностным проявлениям. Например, если говорить о чертах личности, то известно, что каждой черте соответствует специфическое *ситуативное поле*, в котором эта черта актуализируется и может проявиться с большей долей вероятности. Так, ситуативное поле для межличностной толерантности будет существенно отличаться от круга ситуаций, в которых мы можем ожидать проявлений такой характеристики, как ответственность.

При этом важно определить круг релевантных черт ситуаций во всей полноте. От этого во многом зависит как валидность будущего теста, так и его надёжность. Разнообразие содержательных областей вносит вариативность в содержание пунктов теста, что обеспечивает необходимый разброс в источниках ошибки измерения, способствуя усреднению и нивелированию ненужных отклонений от истинного показателя (К. Купер, 2000). Если же при составлении теста используется только небольшая часть содержательного поля, то в итоговом результате накапливается *систематическая* ошибка измерения, связанная с однотипностью посторонних влияний. Это не только сужает содержание, но и искажает его: мы получаем так называемое «*сопутствующее смешение*», когда к искомому содержанию как бы примешивается некий «инородный» компонент, проистекающий из специфики ситуативной области содержания. Например, если мы используем как базу для измерения межличностной толерантности только ситуации межличностного конфликта, то итоговый результат будет во многом отражать также и стиль поведения в конфликте; и выделить здесь компонент собственно толерантности будет практически невозможно. Или же, если для измерения ответственности как личностной черты привлекаются лишь ситуации, связанные с учебной деятельностью, то неизбежно смешение с мотивацией учебных достижений. Таким образом, «сужение содержания» и ограничение ситуативного поля приводит к «смещению содержания» и, соответственно, к серьёзным нарушениям валидности теста.

Адекватность и полнота охвата содержания – ключевое условие валидности будущего теста. И оно обеспечивается на начальных этапах разработки – при формировании выборки содержания. Однако следует помнить, что содержательная валидность теста подвергается серьёзному риску на последующих этапах разработки, особенно в ходе проверки и отбора пунктов, когда изначально выверенное содержание может быть значительно сужено в погоне за показателем внутренней согласованности. Поэтому рекомендуемый состав и пропорция содержательных элементов закрепляются в *спецификации теста* (см. 3-й шаг разработки), и к этому документу следует постоянно обращаться в процессе дальнейшей работы.

Описание феноменологии – третья зада-

ча, связанная с определением содержания. Она напрямую вытекает из предыдущей и базируется на её основе. Когда выделены и описаны содержательные области, разработчик ищет ответы на вопросы: в чём конкретно проявляется интересующее его явление, каковы его характерные признаки, как его можно обнаружить? Например, в чём конкретно будут выражаться толерантность, ответственность, доброжелательность. Будут ли это какие-либо действия, мысли, чувства, отношения, и какие именно.

Описание феноменологии требует чёткого обозначения эмпирических феноменов, посредством которых выражаются искомые характеристики. Это должны быть конкретные показатели, которые можно наблюдать на практике и каким-либо образом зафиксировать. Например, наличие знания может выражаться в том, что человек может воспроизвести требуемую информацию, найти ответ на вопрос, увидеть изученную закономерность в эмпирическом материале, использовать знания для решения практических задач и т. д. Если таких индикаторов много, то важно выделить из них ключевые, наиболее показательные, – те, которые лучше отражают суть явления, определяют его уникальную специфику и позволяют дифференцировать (отличить) его от родственных, смежных или имеющих сходное ситуативное поле. Удачный выбор ключевой феноменологии – половина успеха будущего теста.

Феноменология служит своего рода мостиком, через который осуществляется непосредственный переход к диагностическому инструментарию. Именно феноменология будет закладываться в пункты теста. Поэтому описание феноменологии должно быть по возможности предельно конкретным. Это облегчит выбор формата пунктов и определение типа будущего теста. Иногда для прояснения феноменологии требуются дополнительные пилотажные исследования или же привлечение экспертов, имеющих опыт практической работы в соответствующей области.

В целом, все задачи 2-го шага: определение исходного теоретического концепта, формирование выборки содержания и описание ключевой феноменологии направлены на общую цель – заложить основы валидности теста, обеспечив её в содержательной области. По сути, проработка этих задач даёт осмысленные ответы на вопросы: (1) «что» именно предполагается измерять тестом; (2)

«где» следует искать эмпирические проявления изучаемого явления; (3) «как», посредством каких эмпирических феноменов, это явление даёт о себе знать. Оформленные ответы на эти вопросы служат прочной основой всех последующих действий по разработке теста.

Шаг 3. Составление спецификации теста

Последовательный переход от одной задачи к другой, осуществляемый на 2-м шаге разработки подготавливает условия для **операционализации содержания**. Составление спецификации – шаг разработки, где продолжается работа по обеспечению содержательной валидности теста. И основная задача спецификации – это перевод содержания в операциональные единицы теста.

Спецификация – это схема теста, в которой определены все его **формальные характеристики**. В спецификации в обязательном порядке фиксируются:

- тип теста,
- формат пунктов,
- описание невербального стимульного материала (при необходимости),
- состав и количество шкал,
- количество пунктов (для теста в целом и для каждой шкалы в отдельности),
- соотношение содержательных элементов,
- процедура тестирования,
- способы обработки результатов,
- тип стандартизованных показателей,
- формы отчётов о результатах.

Спецификация выступает в роли своеобразного «технического задания» для разработчиков, к которому они будут обращаться на всех последующих этапах.

Многие элементы спецификации прямо вытекают из результатов предыдущих шагов. Так, например, соотношение содержательных элементов в тесте отражает особенности содержательного поля, а формат пунктов во многом определяется ключевой феноменологией. Поэтому, чем тщательнее проведена работа по определению содержания, тем легче составить хорошую спецификацию, и тем качественнее она получится.

Однако составление спецификации не следует рассматривать как формальную механическую работу. Она требует тонкого понимания специфики закладываемого в тест содержания, широты знаний в области конструирования тестов и опыта такой работы. Почти каждый пункт спецификации требует

принятия важных решений, взвешивания альтернатив и умения оценить влияние отдельных действий на основные психометрические характеристики теста.

В этом смысле, самое трудное и самое ответственное решение – это **выбор формата пунктов** для будущего теста. Обсуждение различных форматов тестовых пунктов – задача не одной статьи, поэтому здесь остановимся только на самых общих принципах. Формат пунктов тесно связан с ключевой феноменологией, описание которой было одной из задач предыдущего, 2-го шага разработки. По сути, должен быть найден формат, который был бы способен фиксировать ключевую феноменологию с минимальными искажениями.

В действительности, у разработчика всегда существует выбор. Одна и та же феноменология может быть зафиксирована различными способами. Эти способы базируются на регистрации разных типов данных (L, Q, T, S), и для каждого типа данных, в случае конкретного теста, существует несколько теоретически возможных форматов. Например, если в качестве ключевой феноменологии выделена некоторая модель поведения, то информацию о ней можно получить посредством: наблюдения за реальным поведением человека, через самооценку частоты поведенческих проявлений, выбор модели поведения из вариантов в заданной ситуации, а также через проекцию действий на персонаж, оценку различных форм поведения с помощью специально подобранных шкал... И это ещё далеко не полный список вариантов.

Понятно, что выбор не должен быть случайным. Каждый из возможных способов имеет «плюсы» и «минусы». Каждый формат привносит с собой свои, специфичные для него, источники ошибки, которые могут быть связаны с процедурной сложностью, социальной желательностью, ошибками саморефлексии, сопутствующим смещением и т. д. Здесь важно взвесить «опасность» искажающих влияний. Некоторые из перечисленных недостатков могут корректироваться особенностями инструкции, специальным стимульным материалом, нюансами шкалы; некоторые же форматы «отпадают» сразу из-за большого балласта искажающих факторов. Аргументами в пользу выбора того или иного формата также могут быть приближенность к эмпирической феноменологии, простота получения данных, возможность формализации. Перед

осуществлением выбора разработчику полезно иметь перед собой список если не всех, то большинства возможных вариантов. Это расширяет поле видения и создаёт необходимые условия для правильного выбора.

Надо отметить, что сама задача выбора формата пунктов содержит немалый элемент творчества. Конечно, существуют эталонные формы, которые давно описаны, однако, вариативность способов фиксации одной и той же феноменологии требует творческого с ними обращения. Задача разработчика не только выбрать подходящий образец, но и наилучшим способом «приспособить» его к специфике конкретного теста. В некоторых случаях на этапе составления спецификации может быть проведён пилотаж разных форматов. Утверждённый формат пунктов становится эталоном для разработчиков заданий.

Особое место в спецификации занимает раздел, где фиксируется соотношение содержательных элементов в тесте. Например, если некоторая черта личности проявляется в нескольких типах ситуаций, то здесь указывается, сколько конкретно пунктов теста должно соответствовать тому или иному типу ситуаций. Данный раздел спецификации может быть оформлен в виде таблицы, где фиксируется пропорция содержательных элементов, выраженная в процентном соотношении, и, затем, в пересчёте на абсолютное количество пунктов для каждой содержательной области. Такая таблица становится важным подспорьем на этапе разработки и отбора пунктов.

Выше мы уже говорили о том, что сужение выборки содержания неизбежно приводит к снижению валидности теста за счёт накопления систематической ошибки измерения и смещения содержания. Чтобы избежать такого эффекта, следует постоянно сверяться с таблицей спецификации, особенно при разработке заданий, сборке теста и на этапе отбора пунктов. Отсев отдельных пунктов по статистическим показателям часто существенно изменяет выверенную пропорцию содержательных элементов. Бывает так, что от изначально широкого и тщательно прописанного содержания остаются только две–три специфические области, пункты соответствующие которым удачно преодолели статистический барьер. Обращение к спецификации на этом этапе служит напоминанием о том, какие пункты нельзя просто отбросить, а надо обязательно переформулировать или создать новые. В окончательной версии теста должна быть

сохранена заданная в спецификации пропорция различных содержательных элементов.

Однако следует особо отметить, что бывают случаи, когда далеко не все разделы спецификации могут быть окончательно утверждены на II-м этапе разработки. Например, структура теста (в частности, состав и количество шкал) иногда проясняется только после специальных исследований, проводимых на IV-м этапе, например, после эксплораторного факторного анализа. История создания общеизвестных многофакторных личностных опросников (начиная с Р. Кэттелла) – тому прекрасная иллюстрация. В подобных случаях более верным решением будет оставить этот пункт спецификации под вопросом, с пометкой о необходимости уточнения.

В связи с этим, первоначально составленная спецификация может незначительно корректироваться и уточняться в процессе разработки теста (например, как уже говорилось выше, может уточняться количество и наименование шкал, может несколько измениться общее количество пунктов теста, а иногда – даже формат пунктов, если он не оправдал себя на этапе эмпирической проверки).

Составление спецификации теста является закономерным завершением содержательного этапа: базируясь на тщательной проработке содержания, спецификация становится планом-программой всех дальнейших действий по разработке теста. Готовая спецификация оформляется как отдельный документ, который находится всегда «под рукой» у разработчиков.

В целом, II-й содержательный этап разработки закладывает базовые основы валидности теста. Без тщательной проработки содержания все последующие действия не имеют практического смысла. Каждый шаг этого этапа, каждая последовательная задача осуществляет постепенный переход от абстрактного теоретического концепта к конкретным

тестовым процедурам, разработке и проверке которых посвящены следующие два этапа.

Литература

1. Анастаси, А. *Психологическое тестирование* / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2001. – 668 с.

2. Батури, Н.А. *Пособие по разработке тестов достижений. Учебное пособие* / Н.А. Батури, Н.А. Курганский. – Челябинск, 2001. – 75 с.

3. Батури, Н.А. *Современная психодиагностика России* / Н.А. Батури // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2008. – Вып. 2. – С. 4–9.

4. Батури, Н.А. *Компендиум психодиагностических методик России: описание и первичный анализ* / Н.А. Батури, А.В. Пичугова // *Вестник ЮУрГУ. – Серия «Психология»*. – 2008. – Вып. 1. – С. 63–68.

5. Клайн, П. *Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование* / П. Клайн; под ред. Л.Ф. Бурлачука. – Киев: Изд-во ПАН Лтд, 1994. – 688 с.

6. Купер, К. *Индивидуальные различия* / К. Купер; под ред. И.В. Равич-Щербо. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 527 с.

7. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева и др. – М.: Энциклопедия, 2000. – 840 с.

8. Шмелёв, А.Г. *Психодиагностика личностных черт* / А.Г. Шмелёв. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

9. *American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education. (1999). Standards for educational and psychological testing. Washington, DC: American Educational Research Association. 101 p.*

10. *Handbook of test development / edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – 2006 by Lawrence Associates, Inc. 778 p.*

Поступила в редакцию 1 мая 2009 г.

Батури Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University: MNN17@yandex.ru.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО ПОДБОРУ ПЕРСОНАЛА

А.С. Науменко

Рассматриваются особенности использования качественной и количественной формы тестовых интерпретаций специалистами по подбору персонала. Показаны расхождения между нормативными представлениями и реальными способами анализа психодиагностической информации, в частности, тенденция к недоучету количественных данных. Выявлены различия в способах принятия решений новичками и более опытными рекрутерами. Обоснована необходимость обучения рекрутеров навыкам анализа различных форм тестовых интерпретаций.

Ключевые слова: тестовые интерпретации, обратная связь, результаты тестирования, рекрутеры, специалисты по подбору персонала.

Психологические тесты сегодня используются очень широко в самых различных сферах. Грамотно подобранный инструмент может быть очень полезен для принятия решений в организациях при подборе, оценке, расстановке и аттестации персонала, в образовательных учреждениях – при комплектовании учебных классов, составлении учебных программ. Однако недостаточно правильно выбрать тест – важно подумать и о форме представления результатов. Тестовая методика может быть сколько угодно валидной и надежной, но неудачная и неудобная форма подачи результатов способна перечеркнуть все достоинства инструмента.

Содержательным и психометрическим аспектам отдельных тестовых методик посвящено множество научных исследований, а вот вопросы, связанные с формой тестовых интерпретаций (далее – **ТИ**) и ее последствиями, практически не изучены, особенно в отечественной психологической литературе. В нашей работе мы попробовали проанализировать влияние количественной (числовой, графической) и качественной (текстовой) формы представления результатов тестирования на решения, принимаемые кадровыми специалистами. Актуальность и новизна нашего исследования определяются, во-первых, изучением **реальных практик использования результатов тестирования** в организациях, а во-вторых, поиском способов **повышения эффективности тестирования за счет совершенствования формы представления его результатов**.

Среди всех специалистов, для которых

психологическое тестирование является профессиональным инструментом, для изучения в нашей работе мы выбрали специалистов по подбору персонала, или рекрутеров, по нескольким причинам. Во-первых, это популярность и массовость данной специальности, а во-вторых, это роль, которую играет тестирование в процессе подбора персонала. В настоящее время тестирование достаточно часто используется на ранних этапах подбора персонала, в том числе и до личной встречи, и играет роль первичного фильтра. То есть, с одной стороны, психологический тест для рекрутера является достаточно грубым инструментом (служащим для выявления наиболее общих тенденций и закономерностей), а с другой стороны, на основании результатов тестирования может быть принято важное решение (например, об отказе соискателю даже в приглашении на интервью).

Способы представления результатов тестирования

Существует несколько классификаций ТИ, но в наших экспериментах нас интересовало разделение на **количественное (шкальный профиль, диаграмма, таблица) и качественное (текстовый отчет)** представление информации. Многие пользователи ТИ обычно принимают как данность то, что количественная и качественная ТИ несут одну и ту же информацию, хотя это не совсем так. Тестовая шкала – это **количественный** инструмент для выражения вероятностей различных событий (перехода клиента в определенное со-

стояние, поведения определенного рода в заданной ситуации и т. д.). Текстовый отчет – это *словесное выражение* этих вероятностей с помощью слов-квантификаторов («вряд ли», «может», «скорее всего», «возможно», «вероятно», «часто», «редко», «иногда» и т. д.) или вовсе бинарный прогноз «да – нет» (будет справляться – не будет справляться).

Понимание количественных данных достаточно единообразно у всех людей, а вот понимание и интерпретация словесных квантификаторов различно. Значимые различия существуют между суждениями различных людей, а также между суждениями одного и того же человека в зависимости от контекста, в котором употребляются квантификаторы [10], [11], [12], [21]. Неоднозначность понимания присуща как наивным испытуемым, так и профессиональным психологам [18]. Загвоздка же заключается в том, что, несмотря на большую точность и однозначность количественной информации, многие люди предпочитают иметь дело с вербальными выражениями вероятностей [15], [17], [25], поскольку субъективно они воспринимаются как более естественные и понятные [26].

Все эти несколько противоречивые свидетельства и привели нас к мысли о необходимости анализа того, насколько рекрутеры внимательны к количественной ТИ, дающей наиболее точное понимание результатов тестирования.

В рамках данной темы мы провели 4 независимых эксперимента, из которых в данной статье подробно остановимся на двух – наиболее интересных и показательных.

Эксперимент 1

Гипотезы. В двух предварительных экспериментах, посвященных использованию

результатов тестирования специалистами по подбору персонала, мы получили противоречивые результаты относительно предпочтений качественной и количественной формы (рис. 1). В прямом, «лобовом» опросе 74 % рекрутеров сообщили о том, что предпочитают использовать количественную информацию, но в более поведенчески ориентированном мысленном эксперименте выяснилось, что лишь 26 % рекрутеров выбирали количественную форму как наиболее удобную лично. Очевидно, мы столкнулись с несоответствием между нормативными представлениями и практикой реального использования тестовых данных.

Нормативные представления являются обычно результатом обучения, а привычные способы деятельности – результатом опыта практической работы, в которой выученные правила дополняются или заменяются эффективными решениями, найденными интуитивно (индивидуальным стилем деятельности). В том или ином виде эта особенность отмечается во всех известных периодизациях профессионального становления личности [3], [4], [5], [7]. Американский философ Х. Дрейфус [13], разработавший оригинальную концепцию развития экспертного знания, также полагает, что по мере того, как человек все лучше и лучше овладевает навыком, он все меньше полагается на абстрактные принципы и все больше на конкретный практический опыт. На основании изложенных концепций **мы предположили, что менее опытные рекрутеры будут принимать решения нормативно и, следовательно, в большей степени интересоваться количественной психодиагностической информацией, чем более опытные специалисты.** Это первая гипотеза нашего эксперимента.

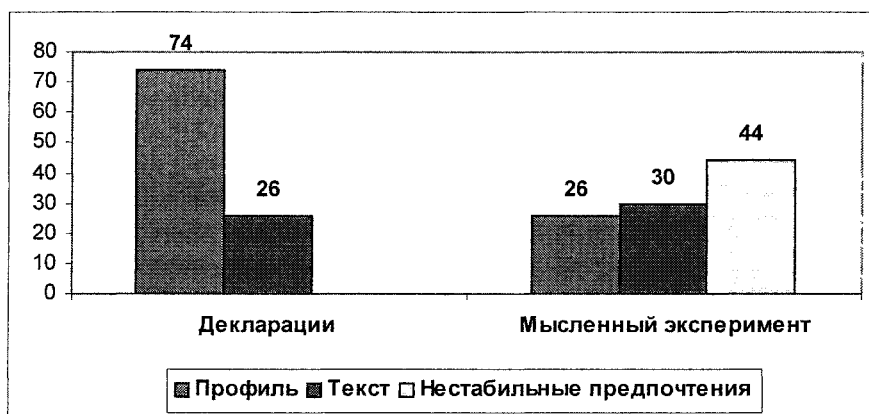

Рис. 1. Предпочтения кадровых специалистов

Вторая гипотеза состояла в предположении о том, что **специальная инструкция, формирующая установку на более внимательное отношение к тестированию и в частности к количественной информации, может изменить стиль работы с данными тестирования.** Решение использовать инструкцию в качестве способа формирования установки было навеяно результатами, полученными в отдельных зарубежных работах. В частности в исследованиях Ф. Анселя и Ф. Ливенса [9] было показано, что предварительная информация обеспечила эффект избирательного внимания испытуемых к полученной ими обратной связи по результатам тестирования. Исследователям Й. Шулю и Р. Мэйо [22], а также Дж. Годеку и К. Мюррэю [16] удалось в собственных экспериментах повлиять на стиль принятия решения испытуемыми с помощью разных инструкций.

Методика. В рамках конкурса на реально существующую вакансию консультанта по оценке персонала или ассистента консультанта по оценке персонала соискателям (испытуемым) было предложено выполнить тестовое задание, содержащее описание вакансии и требование выбрать наиболее подходящего из двух претендентов по результатам психодиагностического тестирования, представленным в виде текстового отчета. После того как испытуемый выбирал одного из претендентов, его спрашивали, было ли в текстовых отчетах достаточно информации для принятия решения и хочет ли он познакомиться с количественными данными, на основании которых были составлены портреты. Вне зависимости от ответа испытуемым предлагали посмотреть количественные данные и спрашивали, сохраняют ли они свое первоначальное решение или хотят изменить его.

Для контроля фактора установки на использование количественных данных участники были случайным образом распределены по двум условиям. Испытуемые контрольной группы получали инструкцию, в которой была описана вакансия и перечислены 4 личностные черты, которыми должен обладать успешный кандидат. Испытуемые экспериментальной группы, помимо искомым качеств, дополнительно получали количественный эталон – необходимую степень их выраженности (не менее 8 баллов из 10), а также вводную информацию о том, как следует проводить оценку (понятие идеального профиля, сравнение соискателей как выбор профиля, наиболее близкого к идеальному).

Весь эксперимент проводился в автоматизированном виде – в форме диалога испытуемого с компьютером, на каждом мини-этапе выполнения задания система просила испытуемого прокомментировать его выбор или решение. Компьютерная реализация осуществлялась с помощью сервера он-лайн-исследований <http://www.surveyconsole.com>.

Испытуемые. 117 человек; 76,9 % ($n = 90$) – женщины, 23,1 % ($n = 27$) – мужчины. 46 испытуемых являлись соискателями вакансии ассистента консультанта по оценке персонала; их возраст составил от 18 до 38 лет ($M = 22,8$, $Sd = 4,3$), опыт работы в качестве специалиста по подбору и/или оценке персонала – от 0 до 6 месяцев. 71 испытуемый претендовал на позицию консультанта по оценке персонала; их возраст составил от 20 лет до 51 года ($M = 30,3$, $Sd = 7,6$) опыт работы по специальности – от 2 до 15 лет ($M = 3,4$, $Sd = 3,4$).

Результаты. Проанализировав полученные данные, мы не обнаружили влияния инструкции на решения специалистов по подбору персонала. Таким образом, вторая гипотеза нашего исследования не подтвердилась.

В отношении первой гипотезы мы, однако, получили положительный результат – менее опытные специалисты значительно чаще ($\chi^2 = 4,48$, $p = 0,03$) запрашивали дополнительную количественную информацию, чем более опытные (рис. 2). Кроме того, новички хотя и редко, но значительно чаще ($\chi^2 = 3,62$, $p = 0,05$), чем опытные специалисты, меняли свое первоначальное решение после просмотра дополнительной информации (рис. 3).

На основании полученных количественных данных и комментариев испытуемых мы составили следующую схему этапов принятия диагностического решения новичками и более опытными профессионалами (рис. 4).

Эксперимент 2

Гипотеза. Исследуя предпочтения кадровых специалистов относительно формы представления информации, мы получили определенные данные для предположения о том, что подобные профессиональные предпочтения определяются не только факторами, связанными с функциональными особенностями самой ТИ, но и с факторами индивидуально-личностных свойств субъектов, ее анализирующих. На основании этих данных мы предположили, что и у **наивных испытуемых будут присутствовать предпочтения качественной или**

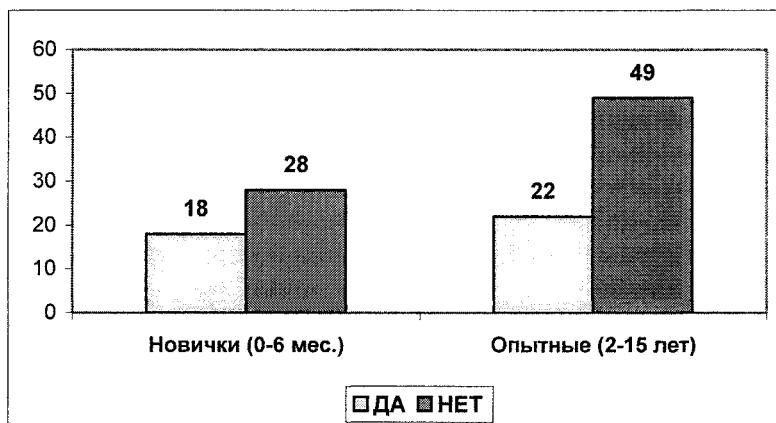

Рис. 2. Запрос количественной информации

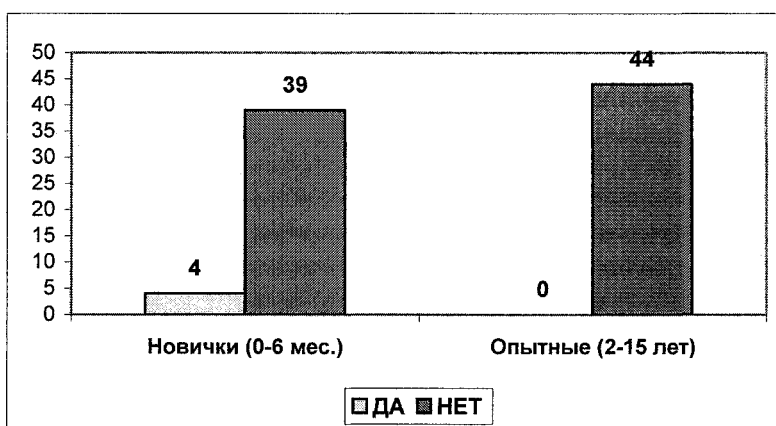

Рис. 3. Изменение первоначального решения

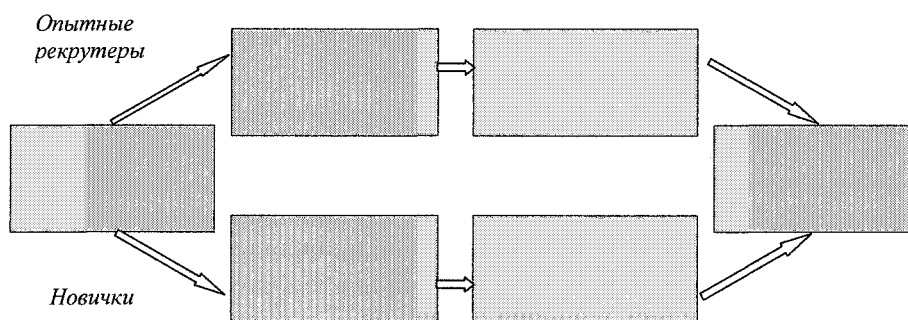

Рис. 4. Схема принятия решений новичками и опытными рекрутерами

количественной формы ТИ, определяющиеся их индивидуально-личностными характеристиками.

В данном эксперименте мы контролировали следующие индивидуальные особенности испытуемых: пол и четыре стиля вождения автомобиля (агрессивный, суетливый, надежный, тревожный), которые мы связываем с более общими личностными особенностями¹.

¹ Индивидуальные стили вождения автомобиля, выявляемые с помощью теста «Стиль вождения», мы интер-

Методика. В данном эксперименте испытуемым предлагалось выполнить тест «Стиль вождения» (разработка коллектива HR-

претируем как проявление более «широких» личностных стилей или устойчивых паттернов поведения. При формировании банка вопросов и интерпретаций авторы методики опирались на классическую двумерную типологию темперамента Айзенка – Гиппократов и следующим образом соотносили стили вождения с типами темперамента: 1) агрессивный стиль – стабильный экстраверт (сангвиник), 2) суетливый стиль – нестабильный экстраверт (холерик), 3) надежный стиль – стабильный интроверт (флегматик), 4) тревожный стиль – нестабильный интроверт (меланхолик).

Лаборатории «Гуманитарные Технологии»). Перед началом тестирования участников просили определить, в каком виде они бы хотели получить ТИ (в виде текстового отчета или шкального профиля) и пройти по гиперссылке, обеспечивающей соответствующую форму ТИ. Этим выбором мы хотели зафиксировать индивидуальные предпочтения качественной или количественной формы ТИ.

Для привлечения испытуемых на Интернет-форумах и в Интернет-сообществах автолюбителей мы опубликовали приглашение пройти онлайн-тест «Стиль вождения» (онлайн-версия методики была сконструирована с помощью Интернет-сервиса HT-Line <http://cabinet.ht.ru/site>) и определить особенности собственного водительского стиля.

Испытуемые. 1200 автолюбителей в возрасте от 18 до 67 лет ($M = 27,9$, $Sd = 7,3$), из них 76,5 % ($n = 918$) составили мужчины, 23,5 % ($n = 282$) – женщины. Мы полагаем, что в настоящее время вождение автомобиля не является какой-то исключительной деятельностью, отличающей избранных, и потому закономерности, полученные на нашей выборке, могут быть перенесены на более широкую популяцию потенциальных испытуемых.

Результаты. До начала тестирования 564 человека (47 %) предпочли получить результаты в виде текстового отчета, 636 (53 %) – в форме графического профиля с точными баллами. Рассчитанное значение коэффициента χ^2 свидетельствует о том, что по выборке в целом отклонений от равномерного распределения частот предпочтений мы не наблюдаем. Однако, обратившись к соотношению мужчин и женщин в каждой из групп, мы об-

наруживаем значимые различия между частотой предпочтения мужчинами и женщинами качественной и количественной информации: женщины значимо чаще ($\chi^2 = 19,61$, $p < 0,0001$) выбирают текстовые отчеты, мужчины – графические профили (рис. 5).

Кроме того, мы обнаружили, что на уровне тенденции ($\chi^2 = 2,57$, $p < 0,1$) испытуемые с низкой выраженностью агрессивного стиля чаще предпочитают количественно-графическое представление информации, а испытуемые с высокой выраженностью агрессивного стиля одинаково часто предпочитают качественную и количественную форму ТИ (рис. 6).

Обсуждение результатов. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что характер использования результатов тестирования рекрутерами зависит от контекста, в котором они используются, и изменяется по мере овладения профессией.

Наибольший интерес к количественной информации, составляющей суть результатов тестирования, проявляют менее опытные специалисты, которые не столь уверены в своем профессиональном чутье и решениях, принимаемых на его основе. Более опытных специалистов количественные данные интересуют в меньшей степени. Они формируют индивидуальный стиль деятельности, в рамках которого готовы рассматривать результаты тестирования в основном как способ «самопроверки». А поскольку они не очень охотно «возьмется» с цифрами, а предпочитают читать (нередко весьма расплывчатые) текстовые отчеты, то в них они легко находят подтверждение собственного мнения о соответствии или несоответствии кандидата вакансии.

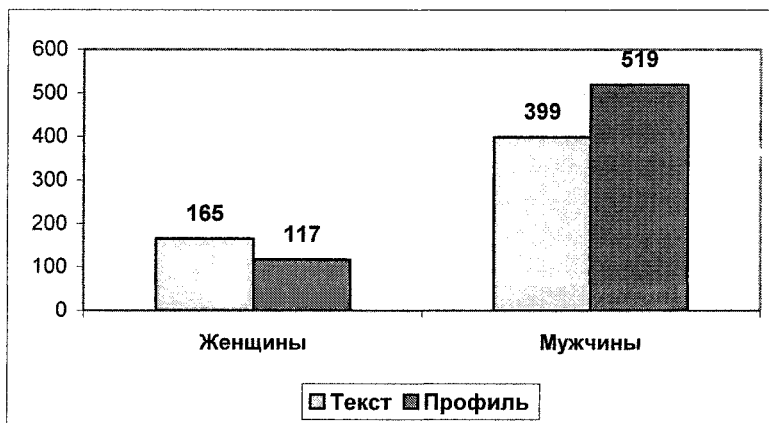

Рис. 5. Предпочтения качественных и количественных тестовых интерпретаций у наивных испытуемых

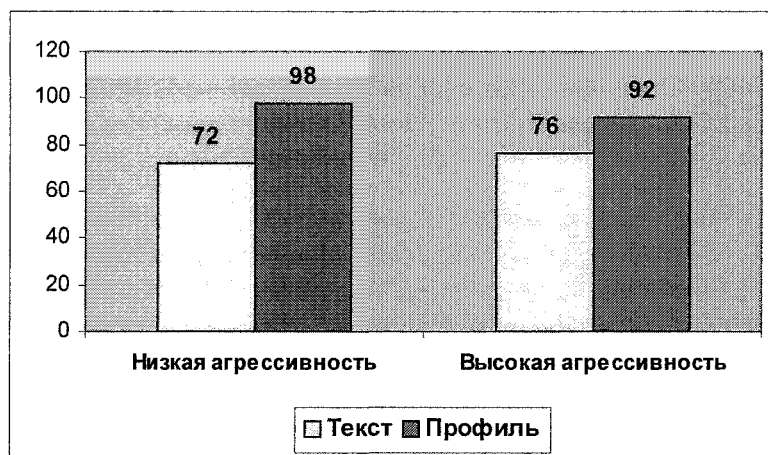

Рис. 6. Предпочтения ТИ у испытуемых с высокой и низкой выраженностью агрессивного стиля вождения

В зарубежной литературе описан эффект «когнитивного туннеля», который как раз и состоит в слишком большом доверии людей к своему прошлому опыту. Это доверие рождает уверенность в том, что все необходимое уже известно, а значит нет необходимости искать дополнительную информацию, которая могла бы опровергнуть первоначальную гипотезу [28]. Двусмысленная информация также интерпретируется в соответствии с уже сформулированным предположением [14], [23], [27]. Наши данные говорят о том, что более опытные специалисты в большей степени подвержены эффекту когнитивного туннеля, чем новички. Об этом красноречиво свидетельствуют и ответы опытных специалистов на вопрос «Повлияла ли количественная информация на Ваше решение?». Например, такой: *«Нет, не повлияла, потому что я думаю, что мое решение правильное».*

Для того чтобы понять, почему индивидуальный стиль деятельности кадровых специалистов формируется именно в сторону смещения фокуса внимания с количественной на качественную информацию, имеет смысл обратиться к результатам исследования психодиагностических предпочтений наивных испытуемых. Испытуемые-женщины значимо чаще предпочитают текстовую форму ТИ, а испытуемые-мужчины – количественно-графическую.

Этот результат может быть объяснен дифференциально-психологическими данными, согласно которым у женщин, как правило, лучше развит вербальный интеллект, а у мужчин – зрительно-пространственный [1], [2], [8]. Эти различия весьма устойчивы и начинают проявляться в подростковом [19] или даже детском возрасте [20, 24]. Большинство

специалистов по персоналу – женщины, и, вероятно, по мере накопления профессионального опыта они возвращаются от «зачученных» способов деятельности (анализ количественных данных) к более естественным и удобным для них (анализ качественной информации)².

Интересным результатом является обнаруженная нами тенденция испытуемых с низкой агрессивностью предпочитать количественно-графическую форму ТИ. Высокая выраженность агрессивного стиля в нашем контексте связана с такими чертами, как экстраверсия, эмоциональная лабильность, нетерпеливость. Низкая агрессивность, напротив, предполагает большую вдумчивость, склонность к анализу, рефлексии, определенную открытость по отношению к разным источникам информации, отсутствие догматизма. В этом свете вполне логично выглядит интерес низко агрессивных респондентов к количественным данным, требующим более тщательного анализа, но в то же время дающим больше пищи для размышлений.

Отсутствие значимых различий в содержательной стороне ответов и частоте поиска дополнительной информации между экспериментальной и контрольной группами в первом эксперименте может означать, что наличие количественного эталона не влияет на принятие решений специалистами по персоналу (собственно отвержение нашей гипотезы). Однако это также может говорить о неудачно оказанном воздействии (в частности плохо

² К сожалению, число мужчин в нашей выборке кадровых специалистов недостаточно для того, чтобы проанализировать гендерные различия и сделать достоверные выводы относительно этой популяции.

составленной инструкции) или о неудачном (например, слишком простом) задании для испытуемых.

По мере становления профессионала у него формируется совокупность собственных эффективных способов деятельности, отдельные компоненты становятся неосознаваемыми и выполняются автоматически. Это означает, что изменить сложившийся индивидуальный стиль деятельности не так-то просто, ведь он имеет адаптивное значение. Скорее всего, однократная инструкция – это слишком слабое воздействие, не способное произвести искомый эффект. Лишним подтверждением этому является тот факт, что из 59 участников, выполнявших задание с «количественной» инструкцией и получивших образец проведения оценки соискателей, всего четверо в обоснованиях своих решений воспользовались термином «идеальный профиль», предложенным экспериментатором. Задачей следующего исследования в данном направлении должен стать контроль эффективности оказанного воздействия, в частности контроль усвоения испытуемыми инструкции как промежуточный этап перед осуществлением дальнейших измерений.

Выводы

Наше исследование позволяет проследить гипотетическую эволюцию психодиагностических предпочтений кадровиков. Большая часть специалистов по персоналу – женщины, которые изначально предпочитают качественный (текстовый) способ представления информации, в частности результатов тестирования. В курсах психодиагностики они знакомятся с правилами анализа психодиагностической информации, в т. ч. с необходимостью анализировать количественные показатели. На ранних этапах профессионального становления кадровые специалисты действуют так, как их учили, в частности больше внимания уделяют количественным данным. По мере накопления профессионального опыта растет уверенность в собственной интуиции и своих решениях, и рекрутеры возвращаются к более естественным для них способам деятельности и больше внимания уделяют качественным данным, используя их в основном как материал для самопроверки.

Заключение

Если ориентация на качественную информацию столь естественна, а необходи-

мость «возиться с цифрами» столь тягостна, стоит ли пытаться «переучивать» рекрутеров? Если определенные способы деятельности закрепляются, значит, они результативны. Стоит ли в таком случае учить профессионалов «правильному» принятию решений? Мы полагаем, что необходимо разделять оперативные и экспертные решения.

Оперативные решения принимаются настолько быстро, что невозможно учесть все переменные, и потому наибольшую ценность имеют «автоматизмы», выработанные в ходе предшествующей деятельности. Ярким примером может быть решение баскетболиста о броске – оно принимается столь быстро, что спортсмен не может учесть скорость мяча, угол броска, скорости приближающихся соперников и т. д.

Экспертные решения – это решения проблемных ситуаций, для которых нет однозначно правильного ответа. Например, решение о приеме или отказе в приеме на работу соискателя требует построения экспертного вероятностного прогноза об успешности соискателя на определенной позиции. По мнению Д.А. Леонтьева и Г.В. Иванченко [6], одно из основных условий качественной экспертизы – беспристрастность эксперта, его умение преодолеть сложившееся мнение и беспристрастно учитывать новую информацию. И обучение экспертов состоит именно в формировании этого навыка преодоления стереотипов.

Рекрутеру в его работе приходится сталкиваться с разными ситуациями. В крайних случаях, когда профессиональный опыт полностью и очевидно соответствует или, наоборот, совершенно не соответствует вакансии, возможно быстрое принятие решения. Но в среднем, наиболее типичном случае необходим анализ и учет информации из разных источников, требующий объективности и преодоления «когнитивного туннеля». Поэтому мы полагаем, что совершенно необходимо обучение рекрутеров грамотному анализу количественных тестовых данных как независимых, а не как материала, в котором они выискивают информацию, подтверждающую уже имеющиеся у них догадки.

Современные компьютерные технологии тестирования, которые приобретают все большее распространение, позволяют на выходе получать комплексные отчеты, включающие разные формы ТИ и позволяющие пользователю выбрать ту, которая ему наиболее удобна.

Вряд ли стоит бороться за то, чтобы пользователь имел возможность получать только количественные данные и таким образом стимулировать его мыслительную активность. Весьма сомнительно, что сами пользователи оценят такую «заботу». Скорее стоит использовать наличие нескольких способов представления информации как преимущество – например, при разработке обучающих систем поддержки решений (decision support systems), требующих от пользователя обоснования собственного решения путем выделения фрагментов текста интерпретации, на которые он опирался при формулировании определенных выводов или составлении того или иного параграфа итогового отчета. Также перспективным мог бы стать новый интерактивный формат отчета, показывающий как именно элементы текстовой и графической информации соотносятся друг с другом, какой смысл скрывается за теми или иными графическими элементами (например, с помощью всплывающих подсказок при наведении курсора и т. д.).

Литература

1. Бендас, Т.В. *Гендерная психология: учебное пособие* / Т.В. Бендас. – СПб.: Изд-во «Питер», 2005. – 431 с.
2. Виноградова, Т.В. *Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов* / Т.В. Виноградова, В.В. Семенова // *Вопросы психологии*. – 1993. – № 2. – С. 63–72.
3. Зеер, Э.Ф. *Психология профессий* / Э.Ф. Зеер. – Москва, Екатеринбург, 2003. – 331 с.
4. Климов, Е.А. *Психология профессионала* / Е.А. Климов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 400 с.
5. Кудрявцев, Т.В. *Психолого-педагогические проблемы высшей школы* / Т.В. Кудрявцев // *Вопросы психологии*. – 1981. – № 2. – С. 20–30.
6. Леонтьев, Д.А. *Комплексная гуманитарная экспертиза* / Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко. – М.: Изд-во «Смысл», 2008. – 136 с.
7. Маркова, А.К. *Психология профессионализма* / А.К. Маркова. – М.: Изд-во «Знание», 1996. – 308 с.
8. Чекалина, А.А. *Гендерная психология: учебное пособие* / А.А. Чекалина. – М.: Изд-во «Ось-89», 2006. – 254 с.
9. Anseel, F. *An examination of strategies for encouraging feedback interest after career assessment* / F. Anseel, F. Lievens // *Journal of Career Development*. 2007. – №33 (3). – P. 250–268.
10. Beyth-Marom, R. *How probable is probable? A numerical translations of verbal probability expressions* / R. Beyth-Marom // *Journal of Forecasting*. 1982. – № 1. – P. 257–269.
11. Brun, W. *Verbal probabilities: Ambiguous, context-dependent, or both?* / W. Brun, K.H. Teigen // *Organizational Behavior and Human Decisions Processes*. – 1988. – № 41. – P. 390–404.
12. Budescu, D. V. *Consistency in interpretation of probabilistic phrases* / D.V. Budescu, T.S. Wallsten // *Organizational Behavior and Human Decisions Processes*. – 1985. – № 36. – P. 391–405.
13. Dreyfus, H.L. *Intuitive, deliberative and calculative models of expert performance* / H.L. Dreyfus // Zsombok C. E., Klein G. (Eds.) *Naturalistic Decision Making*. Lawrence Erlbaum Associates. – 1997. – P. 17–28.
14. Einhorn, H. J. *Behavioural decision theory: Processes of judgement and choice* / H.J. Einhorn, R.V. Hogarth // *Annual Review of Psychology*. – 1981. – №32. – P. 53–88.
15. Erev, I. *Verbal versus numerical probabilities: efficiency, biases, and the preference paradox* / I. Erev, B.L. Kohen // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 1990. – №45. – P. 1–18.
16. Godek, J. *Willingness to pay for advice: The role of rational and experiential processing* / J. Godek, K.B. Murray // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2008. – 106 (1). – P. 77–87.
17. Krause, P. *Representing uncertain knowledge: An artificial intelligence approach*. Intellect / P. Krause, D.A. Klark. – Oxford, 1993.
18. Lichtenberg, J.W. *The communication of probabilistic information through test interpretations* / J.W. Lichtenberg, T.J. Hummel // Paper presented as part of a symposium at the American Psychological Association Annual Convention. 106th, San Francisco, CA, August 14–18. – 1998.
19. Maccoby, E.E. *The psychology of sex differences* / E.E. Maccoby, C.N. Jacklin. – Oxford: «Oxford University Press», 1975. – 271 p.
20. McGuinness, D. *Sex differences in the organization of perception and cognition* / D. McGuinness // Lloyd B., Archer J.L. (Eds.) *Exploring sex differences*. – 1976. – P. 123–156.

21. Ness, M.E. Ordinal positions and scale values of probability terms as estimated by three methods / M.E. Ness // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. – 1995. – № 28. – P. 152–161.

22. Schul, Y. Searching for certainty in an uncertain world: The difficulty of giving up the experiential for the rational mode of thinking / Y. Schul, R. Mayo // *Journal of Behavioral Decision Making*. – 2003. – № 16. – P. 93–106.

23. Schustack, M.W. Evaluation of evidence in causal inference / M.W. Schustack, R.J. Sternberg // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 1981. – № 110. – P. 101–120.

24. Vasta, R. Sex differences in pattern coping: spatial cues or motor skills? / R. Vasta, K.G. Regan, J. Kerieg // *Child Development*. – 1980. – № 51(4). – P. 932–934.

25. Waern, Y. Computational advice and

explanations – behavioural and computational.

26. aspects / Y. Waern, S. Haegglund, R. Ramberg, I. Rankin, J. Harrius // Eds. Norby K., Helmersen P., Gilmore D.J., Arnesen S.A. *Human-Computer Interaction*. Chapman and Hall. – London, 1995. – P. 203–206.

27. Wallsten, T.S. Comparing the calibration and coherence of numerical and verbal probability judgments / T.S. Wallsten, D.V. Budescu, R. Zwick // *Management Science*. – 1993. – № 39. – P. 176–190.

28. Wason, P. Psychology of reasoning: structure and content / P. Wason, P. Johnson-Laird. – Harvard University Press, Cambridge, MA, 1972.

29. Woods, D.D. Perspectives on human error: hindsight bias and local rationality / D.D. Woods, R.I. Cook // *Handbook of applied cognition* // F. Durso, R. Nickerson, J. Schvanevelt (Eds.). – New York, 1999.

Поступила в редакцию 13 июня 2009 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University: MNN17@yandex.ru.

ТИПЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Е.А. Рыльская

Представлены результаты исследования индивидуально-типологических проявлений жизнеспособности человека. Посредством метода иерархической дендритной кластеризации построена эмпирическая классификация типов жизнеспособности, подтверждающая теоретически обоснованные предположения о коммуникативной природе этого психологического феномена.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, становление человека, жизненные задачи, смыслотворческая коммуникабельность, операциональные дескрипторы смыслотворческой коммуникабельности, типы жизнеспособности.

Введение

Современное состояние российского общества характеризуется многочисленными проявлениями системного кризиса, охватывающего все сферы социальной, экономической, культурной и духовной жизни. Согласно социологическим данным, по числу самоубийств современная Россия находится на первом месте в мире. Почти половина наших сограждан, уходящих из жизни – это люди, не достигшие 30-летнего возраста. На 70 % этот вид смертности объясняется агрессивностью и озлобленностью, на 10 % – безысходностью, 15 % составляют экономические параметры и 5 % – неизвестные факторы (А.А. Бодалев, 2008). В этой связи актуальность приобретают исследования «жизненной способности – сложного, макросистемного, интегрального качества человека, изучению и освещению которого должно быть отведено особое место» (К.А. Абульханова, 2009).

Вместе с тем, исследования жизнеспособности человека как самостоятельного психологического феномена пока носят эпизодический характер. Первые эмпирические разработки по проблеме жизнеспособности проводились еще 50-е годы прошлого века представителями психологической школы Б.Г. Ананьева. Они были немногочисленны и сосредоточены в основном на исследовании так называемого активного долголетия (Б.Г. Ананьев, 2001). Современные психологические исследования жизнеспособности представлены двумя подходами, первый из которых мы условно обозначили как кросскультурный. Его основанием послужил разработанный в 2003 году международный проект «Методологические и концептуальные проблемы исследования жизне-

способности детей и подростков». Представителями кросскультурного подхода к исследованию жизнеспособности накоплен определенный концептуальный и эмпирический опыт, однако проблема пока вызывает больше вопросов, чем ответов (М. Ungar, 2005). В частности, мы пока не имеем опубликованной версии теста жизнеспособности детей и подростков, хотя работа в этом направлении ведется уже несколько лет в лаборатории психологии труда ИП РАН (А.В. Махнач, А.И. Лактионова, 2007). В рамках второго подхода жизнеспособность рассматривается в контексте сознания, которое регулирует активность личности как ее жизненную способность (К.А. Абульханова, 2009). Справедливости ради, следует отметить, что идея данного подхода базируется на крайне малом количестве источников. Сама категория «жизнеспособность», несмотря на то, что она все активнее используется в различных контекстах исследований адаптации, устойчивости личности, совладающего поведения, психологического здоровья, выступает пока как метафора, не имеющая строго научного определения. В свете вышесказанного изучение жизненных способностей человека приобретает как практическую, так и теоретическую актуальность.

В рамках данной статьи будут изложены результаты исследования индивидуально-типологических аспектов жизнеспособности. Однако ввиду новизны и недостаточной психологической унифицированности категории «жизнеспособность» прежде чем перейти непосредственно к материалам данного исследования, необходимо сделать ряд отступлений, уточняющих исходные концептуальные положения, опубликованные ранее.

Теоретико-методологической основой предлагаемого нами подхода к исследованию жизнеспособности послужили постнеклассические представления о психической жизни человека: теория психологических систем В.Е. Ключко, отражающая современные взгляды на человека как самоорганизующуюся открытую систему и его становление как свойство, обеспечивающее устойчивость существования (В.Е. Ключко, 1999; 2009), транскоммуникативная теория В.И. Кабрина, его идеи о коммуникативной природе жизнеспособности личности (В.И. Кабрин, 2005).

В соответствии с указанными концептуальными положениями жизнеспособность рассматривается как интегральный феномен, компонентная структура которого подчиняется системно-генетическому принципу усложнения, дифференциации и организации человеком своей жизни: от адаптации к регуляции и осознанной саморегуляции, а далее к субъектному развитию и обретению смысла жизни.

Жизнеспособность человека определяется как интегральная возможность его качественно своеобразного становления в сфере бытия, реализуемая в форме смыслотворческой коммуникабельности.

Смыслотворческая коммуникабельность – это актуализированная способность человека к творческому, имеющему жизненный смысл информационному обмену с окружающей средой. Она является теоретическим конструктом, позволяющим объяснить и статистически обосновать влияние интегрального фактора коммуникабельности на жизнеспособность человека через особенности ее структурной организации. Смыслотворческая коммуникабельность служит сквозным фактором, интегрирующим различные уровни жизни человека как индивида на интеркоммуникативном уровне общения, саморегулирующейся личности – на экстракоммуникативном, субъекта – на интеркоммуникативном, индивидуальности – на транскоммуникативном.

Элементы смыслотворческой коммуникабельности – это минимальные единицы коммуникативной сферы человека, интегрально реализующие его жизненный потенциал. Их правомерно рассматривать как операциональные дескрипторы смыслотворческой коммуникабельности – латентного фактора, интегрирующего жизнеспособность человека.

Внешний (объективно фиксируемый) критерий жизнеспособности человека как возможности его становления в сфере бытия

может быть только уровневый (онтогенетически изменчивым). Объективным критерием жизнеспособности человека зрелого возраста является решение ведущих жизненных задач: социальное и профессиональное самоопределение, создание семьи и осуществление общественно-полезной деятельности (Б.Г. Ананьев, 2001).

Понимание и исследование жизнеспособности в русле постметодологии позволяет осознать этот феномен как систему не просто существующую, развивающуюся, а «становящуюся». Ее становление осуществляется не только за счет достижения гомеостаза и гетеростаза, представленных психологическими аналогами – адаптацией и саморегуляцией, но и за счет принципиальной неадаптивности, трансценденции, транскоммуникации, реализуемыми за счет компонентов саморазвития и смысложизненного поиска (Е.А. Рыльская, 2009).

Организация и методы исследования

Исследование индивидуально-типологических проявлений жизнеспособности человека включало два этапа: промежуточный и основной. На первом этапе осуществлялась эмпирическая проверка «набора» операциональных дескрипторов смыслотворческой коммуникабельности, выявленных на основе теоретического анализа и изучения обыденных представлений о жизнеспособности человека. Дескрипторы условно соотносились с уровнями психической жизни человека как индивида, личности, субъекта, индивидуальности и «внутренними структурами, имеющими внешнюю оформленность и защиту: темпераментом с его аффективностью, характером с его привычками, интеллектом с его функционально-инструментальной дифференцированностью, сознанием с его мировоззренческой рефлексивной смыслотворческой ориентацией» (В.И. Кабрин, 2005). Задача первого исследовательского этапа заключалась в том, чтобы:

1. Выявить значимые корреляции между тестовыми показателями общей жизнеспособности человека и различными коммуникативными характеристиками человека.

2. Установить различия по некоторым показателям смыслотворческой коммуникабельности между группами испытуемых с разным уровнем жизнеспособности.

Для решения этой исследовательской задачи в соответствии с исходными теоретико-

методологическими положениями была разработана методика диагностики жизнеспособности человека зрелого возраста (тест жизнеспособности человека). Тест включает четыре шкалы: шкалы способностей к адаптации, к саморегуляции, к саморазвитию и шкалу осмысленности жизни. Апробация теста жизнеспособности человека показала, что он является надежным и валидным средством психологической диагностики и может использоваться в исследовательских целях (Е.А. Рыльская, 2009).

Для диагностики коммуникативных свойств человека как операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности использовался комплекс известных стандартизированных методик: методика измерения уровня тревожности Тейлора, тест Айзенка, методики многофакторного исследования личности Р. Кеттела, диагностики социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, коммуникативных и организаторских склонностей (КОС), доминирующей стратегии психологической защиты в общении, субъективного ощущения одиночества, коммуникативных установок, общей самооэффективности (адаптация В. Ромека), самоконтроля в общении (М. Снайдер); Мак-опросник В.В. Знакова; самоактуализационный тест (САТ) Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской; методика диагностики уровня эмпатических способностей.

В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 23 до 55 лет (24 мужчины и 78 женщин) различного статуса и профессиональной принадлежности. Формирование выборки осуществлялось по принципу добровольного участия. Результаты обследования испытуемых по тесту жизнеспособности человека и блоку перечисленных выше методик позволили получить 59 первичных переменных, которые подверглись корреляционному анализу по Спирмену, позволяющему определить силу и направление корреляционной связи между анализируемыми переменными. В дальнейшем использовался метод вычисления статистических различий между крайними группами с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни.

На втором этапе проверки гипотезы о качественно-своеобразном проявлении жизнеспособности был проведен иерархический кластерный анализ по методу средней связи, дающий наиболее точные результаты классификации. Кластеризации подвергался набор

операциональных дескрипторов универсальной смысловторческой коммуникабельности, определенный по принципу статистически значимых связей с показателями жизнеспособности, измеренных для 102 объектов. Для обработки данных на всех этапах исследования использовалась программа SPSS 11,5 for Windows.

Результаты исследования

Корреляционный анализ в основном подтвердил наши предположения о связи операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности и общей жизнеспособности. По всем дескрипторам, кроме конформизма, доминантности и уровня макиавелизма были выявлены значимые различия между испытуемыми с высокими и низкими показателями жизнеспособности. Различия представлены в табл. 1.

Кластерный анализ операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности позволил выделить 8 кластеров.

Кластер 1 объединил испытуемых со средними с тенденцией к низким показателями жизнеспособности. Представителям этого типа присущи средние с тенденцией к высоким параметры нейротизма и эмоциональной устойчивости, средне выраженные характеристики общительности, субъективного ощущения одиночества и установок завуалированной жестокости к людям, подчиненности – доминантности и подверженности чувствам – нормативности. Преобладание среднестатистических, «размытых» показателей в этой группе позволяет условно обозначить ее как «диффузную».

Кластер 2. Показатели жизнеспособности – средние и с тенденцией к высоким. Этому типу присущи средне выраженные параметры тревоги, сниженный нейротизм, отсутствие негативных установок в общении, незначительно выраженное ощущение одиночества, недостаточная уверенность в себе и эмпатийность при высоких показателях общительности и чувствительности. Люди данного типа отличаются открытостью, добросердечием, добродушием. Им свойственны внимательность, доброта, мягкосердечность в отношениях. Они в целом довольно охотно работают с людьми, доверчивы и не боятся критики, живо откликаются на любые события. Однако при недостаточной уверенности в себе и сниженной эмпатийности они могут ошибаться в выборе и оценке коммуникатив-

Таблица 1

Различия в операциональных дескрипторах смысловторческой коммуникабельности

№	Дескрипторы	Значение U-критерия	Уровень значимости
1	Нейротизм	20,000	0,001
2	Личностная тревожность	9,000	0,001
3	Экстраверсия – интроверсия	43,500	0,001
4	Ригидность	35,500	0,001
5	Установка открытой жестокости в общении	17,000	0,001
6	Установка обоснованного негативизма в общении	54,000	0,001
7	Установка «брюзжания» в общении	47,000	0,001
8	Установка негативного опыта в общении	46,000	0,001
9	Стратегия психологической защиты в общении – миролюбие	25,000	0,001
10	Маккиавелизм	93,000	Не значим
11	Коммуникативные склонности	10,000	0,001
12	Замкнутость – общительность	64,000	0,005
13	Подчиненность – доминантность	89,000	Не значим
14	Робость – смелость	59,500	0,005
15	Уверенность – тревожность	35,000	0,001
16	Консерватизм – радикализм	61,000	0,005
17	Конформизм – неконформизм	75,500	Не значим
18	Расслабленность – напряженность	27,500	0,001
19	Самозффективность	16,000	0,001
20	Самоконтроль в общении	4,500	0,001
21	Компетентность во времени	45,500	0,001
22	Внутренняя поддержка	39,000	0,001
23	Ценностные ориентации	59,500	0,001
24	Спонтанность	48,500	0,001
25	Самоуважение	35,000	0,001
26	Позитивные представления о природе человека	37,500	0,001
27	Эмпатия	48,000	0,001

ных контактов, вследствие чего у них проявляются такие качества, как зависимость и поиск покровительства. Мы посчитали возможным обозначить этот тип как «*контактно-зависимый*».

Кластер 3. Показатели жизнеспособности – высокие. Для этого типа характерны высокие показатели осмысленности жизни и саморазвития, коммуникативных и организаторских склонностей, общительности, подверженности чувствам – нормативности, практичности – воображения, самоконтроля, самоуправления, самоуважения, эмпатии; низкие параметры психотизма и средние – интеллекта. При открытости, общительности и добродушии, направленности на коммуникативные контакты, естественности и непринужденности в поведении эта категория людей отличается осознанным соблюдением норм и правил поведения, отсутствием склонности к

асоциальному поведению, вычурности, неадекватности эмоциональных реакций, высокой конфликтности. Эти качества в сочетании с развитой эмпатией позволяют оказывать влияние на других людей и быть хорошими организаторами. Социальная нормативность у них сочетается с высоким уровнем внутреннего контроля поведения, что позволяет следовать собственным представлениям о самом себе и обеспечивает интегрированность личности. Людям такого плана присущи не только настойчивость, точность и ответственность в достижении цели, но и способность к постановке новых целей и творческой реструктуризации прежних целей, связанных с новыми, необычными, проблемными ситуациями и противоречиями в жизни. Эта способность отражает наличие развитого воображения и высокого творческого потенциала при средних с тенденцией к высоким показателям об-

щего интеллекта. Люди данного типа умеют ценить свои достоинства, положительные свойства характера и уважать себя за них. Мы обозначили этот тип как «*контактно-творческий*».

Кластер 4. Показатели общей жизнеспособности – низкие с общими низкими значениями компонентов адаптивности и саморазвития. Этот тип объединяют низкие баллы по параметрам психотизма, интеллекта, уровня познавательных потребностей, самооффективности, эмпатии и высокие – по параметрам «сдержанность – экспрессивность», «робость – смелость», «жестокость – чувствительность», «прямолинейность – дипломатичность». В людях, относящихся к данному типу, парадоксальным образом сочетаются, на первый взгляд, мало совместимые качества. С одной стороны, жизнерадостность, разговорчивость, экспансивность, эмоциональность, искренность в общении, социальная смелость, готовность иметь дело с незнакомыми людьми и обстоятельствами, устойчивость, мягкость, низкая конфликтность, отсутствие асоциальных тенденций и расчетливость могут выступать как факторы, обеспечивающие успешность решения жизненных задач. С другой стороны, низкое интеллектуальное развитие, отсутствие глубокого стремления к приобретению знаний о мире и позитивного опыта, недостаточное внимание к сущности другого человека, неумение адекватно оценить поведение партнера, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании, приводят к поверхностному восприятию окружающей действительности, неразборчивости в выборе партнеров в общении и средств достижения целей. Все это выражается в низкой самооффективности. В соответствии с выявленными закономерностями данный тип можно обозначить как «*контактно-поверхностный*».

Кластер 5 (низкая жизнеспособность при низких показателях адаптивности и осмысленности жизни) объединяет людей с высокими показателями социальной фрустрированности, невротизации, макиавеллизма, расслабленности – напряженности, доверчивости – подозрительности, с низкими – экстраверсии, самооффективности, компетентности во времени, средними – по шкалам «прямолинейность – дипломатичность» и «представления о природе человека». Выявленные закономерности позволяют говорить о представителях данного типа как людях недостаточно удовлетворенных социальными достижения-

ми в различных аспектах жизнедеятельности, невротичных, напряженных, взвинченных. Состояние фрустрации, в которой человек находится, представляет собой результат повышенной мотивации со свойственным ему активным неудовлетворением стремлений. Эти люди часто бывают ревнивы, завистливы, подозрительны. Их интересы обращены на самих себя, они осторожны в своих поступках, эгоцентричны, отдалены от всех, кроме близких друзей, внешне контролируют свои чувства, но часто пессимистичны. Они ориентированы на дискретное восприятие своего жизненного пути. Высокое самомнение у них сочетается с низкой самооффективностью, вызывая напряженные внутренние конфликты. Вместе с тем, им присущи взвешенное сочетание прямолинейности и естественности с пронизательностью, расчетливостью и разумным подходом к жизненным событиям, что обеспечивает у большинства представителей этого типа достаточный уровень саморегуляции. Воспринимая человеческую природу как довольно противоречивую (в людях в одинаковой мере присутствуют как хорошее, так и плохое), они считают допустимым манипулировать другими. Данный тип был обозначен как «*неконтактно-фрустрированный*».

Кластер 6. Эта группа объединяет людей с низкими показателями жизнеспособности. Для них характерны невысокие баллы по эмпатии, самооффективности, способности к самоуправлению, самоконтролю в общении и большинству параметров самоактуализации (компетентность во времени, внутренняя поддержка, ценностные ориентации, сензитивность к себе, спонтанность, самоуважение, представление о природе человека, принятие агрессии, контактность). При этом у данной категории отмечаются высокие показатели общительности и показатели интеллекта выше средних. Полученные результаты позволяют говорить о представителях этой группы как недостаточно уверенных в себе, не заинтересованных в бытии другого человека, не обладающих достаточной способностью входить в эмоциональный резонанс с окружающими, сопереживать, соучаствовать, создавать атмосферу открытости, доверительности, т.е. обеспечивать информационно-энергетический обмен. Для данного типа характерны неумение творчески реализовывать целевые установки и изменяться в зависимости от требований ситуации, неспособность

жить «настоящим», т. е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, ощущать неразрывность прошлого, настоящего, будущего, ориентируясь лишь на один из отрезков жизненного пути. Типичными чертами этой категории людей являются зависимость, конформность, экстернальность, несамостоятельность как «направляемость личности извне»; недостаток самоактуализационных ценностей, гибкости их реализации в поведении, слабая рефлексия собственных потребностей и чувств и сниженная способность выражать их спонтанно, непосредственно и раскованно. Для данной группы характерны в основном негативные представления о природе человека, неумение воспринимать проявления собственного раздражения, гнева как факты естественной человеческой природы, их интерпретация как признаков некоей неадекватности. Этот тип не лишен и парадоксальных, противоречивых характеристик. Так, низкие баллы по шкале «контактность» у него сочетаются с высокими по шкале «общительность». Данный парадокс можно объяснить тем, что характеристики общительности, измеряемые посредством теста Р. Кеттелла, не в полной мере отражают способности человека к субъект-субъектному общению. Мягкий в общении человек может проявлять снисходительность к окружающим, естественный и непринужденный – излишнюю прямолинейность, что не отвечает принципам равноправной, диалоговой коммуникации. Другими словами человек может быть общительным, но не «диалогичным», не контактным, т. е. не способным к субъект-субъектному общению, а это делает его «неудобным» с точки зрения окружающих. Исходя из того, что большинство характеристик этой группы относятся к показателям самоактуализации, мы сочли возможным определить этот тип как «слабый самоактуализатор».

Кластер 7. Показатели жизнеспособности – низкие. Данный тип представлен сочетанием низких показателей интеллекта, подчиненности – доминантности, робости – смелости, доверчивости – подозрительности и самооффективности. Людям этого типа присущи конкретность и некоторая ригидность мышления с проявлениями эмоциональной дезорганизации. Они обычно застенчивы, склонны уступать дорогу другим, часто зависимы, берут вину на себя, тревожатся о возможных ошибках. Им свойственны тактичность, безропотность, почтительность, покорность, пас-

сивность. Такие люди предпочитают находиться в тени, не являются приверженцами обширных социальных связей, отличаются повышенной чувствительностью к угрозе. Они доверчивы, откровенны, терпимы к окружающим. Однако недостаток уверенности в себе, излишняя пассивность, зависимость, низкая активность в социальных контактах затрудняют решение значимых жизненных задач. Этот тип мы обозначили как «неконтактно-зависимый».

Кластер 8. Показатели жизнеспособности – высокие. Для этого типа характерны сочетание высокой самооффективности, компетентности во времени, выраженной способности к самоуправлению, коммуникативных и организаторских склонностей. Самодостаточность, способность жить «настоящим», ощущая его неразрывность, неотделенность от прошлого и будущего, наличие системы самоуправления, способности к целенаправленным изменениям, склонности к социальным контактам и организаторской деятельности позволяют говорить о представителях данного типа как о «контактно-уверенных».

Выводы

Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезы о наличии связей между тестовыми показателями общей жизнеспособности человека и различными коммуникативными характеристиками человека и позволило установить различия по показателям смысловой коммуникативности между группами испытуемых с разным уровнем жизнеспособности.

Результаты дендритной классификации данных предоставили возможность «нарисовать» типичные психологические портреты высоко-, средне- и низко жизнеспособного человека. Выявленные закономерности позволяют подтвердить предположение о качественно-своеобразном проявлении жизнеспособности, а также служат еще одним косвенным аргументом в пользу гипотезы об ее коммуникативной детерминации, что получило отражение и в названиях выделенных типов:

- 1) «диффузный» (жизнеспособность средняя с тенденцией к высокой);
- 2) «контактно-зависимый» (жизнеспособность средняя с тенденцией к низкой);
- 3) «контактно-творческий» (жизнеспособность высокая);
- 4) «контактно-поверхностный» (жизнеспособность низкая);

- 5) «неконтактно-фрустрированный» (жизнеспособность низкая);
- 6) «неконтактно-слабо самоактуализированный» (жизнеспособность низкая);
- 7) «неконтактно-зависимый» (жизнеспособность низкая);
- 8) «контактно-уверенный» (жизнеспособность высокая).

Литература

1. Абульханова, К.А. Сознание как жизненная способность личности / К.А. Абульханова // Психол. журн. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 32–43.
2. Бодалев, А.А. «Быть борцом – значит быть человеком» (И.В. Гете) / А.А. Бодалев // Педагогика. – 2008. – № 3. – С. 3–6.
3. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб., 2001. – 556 с.
4. Кабрин, В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования / В.И. Кабрин. – Томск, 2005. – 217 с.
5. Ключко, В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии / В.Е. Ключко // Субъект и личность в психологии саморегуляции. – М.: Ставрополь, 2007. – С. 68–84.
6. Ключко, В.Е. Самореализация личности как проявление самоорганизации в психологических системах / В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский // Самореализация личности: системный взгляд. – Томск, 1999. – С. 79.
7. Махнач, А.В. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция / А.В. Махнач, А.И. Лактионова // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М., 2007. – 624 с.
8. Рыльская, Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека / Е.А. Рыльская // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 1. – С. 130–139.
9. Рыльская, Е.А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования / Е.А. Рыльская // Сибирский психол. журн. – 2009. – № 31. – С. 6–12.
10. Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / ed. M. Ungar. Thousands Oaks-L. – New Delhi: Sage Publications, Inc. 2005. – 656 с.

Поступила в редакцию 14 июня 2009 г.

Рыльская Елена Александровна. Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Челябинского государственного педагогического университета: 8(351)2393634, elena_rylskaya@mail.ru.

Elena A. Rylskaya. Candidate of psychological sciences, assistant Professor, director of the Faculty of Psychology Chelyabinsk State Pedagogical University: 8(351)2393634, elena_rylskaya@mail.ru.

ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО ПСИХОДИАГНОСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ОХРАНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАЙНЫ

А.Г. Шмелев, А.С. Науменко

Статья посвящена возможностям использования Интернет-технологий для преодоления кризиса в современной Российской психодиагностике. Авторами предложена модель Интернет-сообщества психодиагностов (ИСПД), описаны задачи, стоящие перед сообществом, и технические условия, необходимые для его работы. Отдельное внимание уделено механизмам охраны профессиональной тайны в рамках ИСПД. В качестве прототипа рассмотрено Экспертное сообщество психологов, функционирующее на платформе HT-LINE, разработанной Лабораторией «Гуманитарные технологии».

Ключевые слова: Интернет, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), психодиагностика, Интернет-сообщество, сообщество психодиагностов, профессиональная тайна. *Ключевые слова:* тестовые интерпретации, обратная связь, результаты тестирования, рекрутеры, специалисты по подбору персонала.

Общий контекст проблемы

Российская психологическая диагностика по многим признакам все еще находится в состоянии затяжного кризиса, вызванного, как минимум, двумя причинами:

А) многие годы полузапретного статуса в советский период (с 1936 года по 1976 год, хотя верхнюю границу этого периода можно проставить не так строго, сдвинув на 10–15 лет позднее);

Б) почти 20 лет (с 1991 года по настоящее время) – период хаоса и анархии, усугубленный сниженной ответственностью за ситуацию со стороны ведущих специалистов, лишенных возможности концентрировать свои усилия в научно-организационной области.

Впрочем, о кризисе российской психодиагностики и его основных причинах уже появились острые и весьма точные публикации (Батурин, 2008).

При этом почти нет публикаций, специально посвященных проблеме «охраны профессиональной тайны». И это симптоматично! Одной из характерных черт современного периода, доказывающей его анархический характер, является повсеместное пренебрежительное отношение к профессионально-этическому принципу «соблюдения профессиональной тайны» – не только в широких кругах людей, далеких от психодиагностики, но и среди самих психологов-диагностов.

Множество дискуссий, продолжающихся в нашей стране вокруг казалось бы «азбучных истин» (азбучных с точки зрения развитого психодиагностического сообщества), подтверждает тот факт, что принцип «профессиональной тайны» не осознается, даже не обсуждается надлежащим образом, оказываясь в тени других вопросов и проблем (проблем охраны авторских прав, ценовой доступности издания для широкого круга малоимущих пользователей и т.п.).

Существуют ли объективные предпосылки для выхода из нынешнего кризиса, в чем они заключаются, каковы еще не использованные нами – специалистами в области психодиагностики – резервы? На эти вопросы авторы данной статьи пытаются ответить, поставив целью привлечь внимание к тем новым возможностям, которые предоставляют психологам (как и специалистам во всех областях науки) новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Вполне возможно, что сама формулировка такого подхода для кого-то покажется парадоксальной: как это можно в принципе сочетать Интернет и охрану профессиональной тайны?! Для абсолютного большинства пользователей в России (да и не только в России) само слово «Интернет» стало синонимом информационного произвола и анархии. И тесты – не исключение. Тесты публикуются на

множестве сайтов и распространяются в огромных количествах, суммарные электронные тиражи давно превышают самые массовые бумажные тиражи тестов. Ежемесячная посещаемость всех тестовых сайтов в Рунете насчитывает (по приблизительным подсчетам авторов) уже не десятки и не сотни, а миллионы человек! Конечно, лидируют тут демо-версии ЕГЭ и множество тестов на совместимость (их ежедневно проходят десятки тысяч из многих миллионов пользователей, зарегистрированных на сайтах знакомств), но и психологические тесты (прежде всего, тесты на измерение IQ), в том числе профессиональные, здесь занимают видное место. Таким образом, современный Интернет бросает особый вызов специалистам в области психодиагностики: либо они осознают необходимость определенного сплочения перед лицом новых угроз, либо они... обречены, то есть де факто могут перестать существовать как определенная профессиональная группа. Или как группа НЕ РОДИТЬСЯ? Ибо есть немало признаков того, что этой группы профессионалов у нас фактически еще не существует, по крайней мере, как группы, осознающей свои особые интересы. Для большинства психологов-исследователей (в отличие от психологов-практиков) психодиагностическая методика – лишь научный инструмент, мало чем отличающийся от методики психологического эксперимента, поэтому сама по себе категория (или профессиональный конструкт) «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА» не сформирован в профессиональном сознании психологов-исследователей. Точно так же, как психолог-исследователь считает не только возможным, но и необходимым публиковать как можно полнее методику эксперимента, он же считает возможным публиковать полностью методику психодиагностики.

Но прежде, чем углубиться в анализ новых ИКТ-возможностей, следует осознать и более широкий контекст, в который встроены ИКТ. Процессы «интернетизации» профессиональных коммуникаций в начавшемся третьем тысячелетии тесно взаимосвязаны с процессами глобализации, то есть с процессами «интернационализации» и науки, и бизнеса¹. На российском рынке психологических

¹ Почему в данном случае надо говорить не только о науке, но и о бизнесе? Психодиагностика всегда развивалась на пересечении науки и практики. В настоящее время ведущие разработчики в области психодиагностики очень быстро (быстрее, чем это было раньше)

тестов еще в 90-е годы появилась британская компания SHL, а вслед за ней за последние десять лет пришли еще около десятка зарубежных фирм – изготовителей и дистрибуторов психологических тестов (см. недавний обзор рынка психодиагностических методик в статье Е.В. Лурье (в печати)).

Таким образом, перед глазами российских специалистов появились образцы методических продуктов, отвечающих международным требованиям, а вместе с этими продуктами к нам приходят (так или иначе) элементы той культуры разработки и использования тестов, которая ушла далеко вперед в развитых странах и находится, увы, в зачаточном состоянии в России. Пока российские специалисты еще только дискутируют, нужна ли нам сертификация методик, аттестация пользователей и внедрение культуры ограниченного распространения тестов на основе персональных лицензий (хотя бы на основе персональных продаж)². На Западе (прежде всего, в англоязычных странах с вековой традицией массового применения тестовых технологий в образовании и психологии) эти элементы инфраструктуры рынка методик реально функционируют уже несколько десятков лет и в свою очередь эволюционируют, испытывают новые влияния со стороны тех же ИКТ, но все-таки выполняют ключевую структурирующую и ориентирующую функцию для большинства разработчиков и пользователей тестовых методик.

Чтобы понять, что мешает нам ускорить внедрение определенных элементов психодиагностической культуры, мы должны, по убеждению авторов, осознать, в каких отношениях имеющаяся в России инфраструктура информационной среды еще не сформировалась. Отсюда и рождается основная научно-организационная гипотеза статьи: ускорение возможно, если компенсировать недостающие звенья информационной среды за счет новых информационных технологий, за счет **фор-**

доводят свои разработки до коммерческой стадии, стремясь к более быстрой окупаемости затрат на создание методик за счет расширения круга платных пользователей своих методик. Сама по себе информационная революция ускорила процесса коммерциализации науки во многих ее областях. В компьютерных сетях быстрее распространяется рекламная информация, информация о новых разработках.

² См. дискуссии на таких Интернет-форумах как www.ht.ru (по вопросам «проекта сертификации в психодиагностике»), www.livejournal.com и других, близких по тематике.

мирования особого закрытого (полуоткрытого) Интернет-сообщества разработчиков и пользователей психодиагностических методик.

Отметим, что идея создания сообщества, о котором речь пойдет ниже, уникальна не только для России, но и для зарубежных стран. Большинство известных авторам объединений психометристов / психодиагностов существуют в виде «традиционных» обществ, например, внутри национальных психологических ассоциаций (см., например, www.psychcentre.org.uk) или как самостоятельные ассоциации, занимающиеся в основном организацией тематических конференций и выпуском «твердых» журналов (см., например, <http://www.psychometrika.org>, <http://www.iaea.info>, <http://www.aea-europe.net>). В определенной степени близким аналогом нашего Интернет-сообщества может быть Сообщество специалистов по психометрической оценке, существующее внутри Association of Graduate Careers Advisory Services (см. <http://www.agcas.org.uk>).

В данной статье авторы пытаются систематически осветить и связать две темы, которые редко (а в каких-то аспектах никогда) прежде не освещались и не связывались:

Коммуникативные функции информационной среды, или, иными словами, инфраструктура информационных ресурсов и информационных потоков, необходимая для эффективного развития психодиагностики как особой отрасли научной и практической деятельности психологов.

Требования к **функциональной архитектуре** «социально-сетевых проектов», в котором может сформироваться и функционировать Интернет-сообщество психодиагностов.

Эти две темы в заключительной части статьи будут дополнены рассмотрением опыта разработки в Лаборатории «Гуманитарные технологии» системы онлайн-сервисов HT-LINE, на основе которой уже сформировано «Экспертное Интернет-сообщество психологов» как некоторый базовый прототип для формирования будущего Интернет-сообщества психодиагностов (ИСПД).

Определенный акцент в данной статье авторы сознательно делают на проблематике «охраны профессиональной тайны» в психодиагностике. Надо сказать, что этой проблеме уделено незаслуженно мало внимания в научно-организационных работах, которые стали

появляться в самое последнее время (см. список литературы). Даже во вполне позитивном и прогрессивном «Постановлении президиума Российского психологического общества»³, принятом в июле 2008 года и посвященном вопросам регулирования практики публикации психодиагностической методической информации, сделан определенный акцент на авторских правах, на подготовленности читателей-пользователей, но... недостаточно внимания уделено проблеме «профессиональной тайны» (в постановлении речь идет о «риске рассекречивания методик для потенциальных испытуемых», но само понятие «тайна» не используется)⁴. А ведь это составляет едва ли не ключевую специфику тех информационных процессов, которые происходят (должны происходить) именно в психодиагностическом сообществе.

Коммуникативные функции профессиональной информационной среды

Какие коммуникативные функции должна обеспечивать среда общения профессионалов в области психодиагностики? Перечень функций рождается из анализа тех видов коммуникации, которые представлены традиционными бумажными технологиями (публикациями) в области психодиагностики, а также тематикой специализированных конференций, семинаров и неформальных встреч между специалистами. Вот каким может быть этот перечень (в кратком варианте), снабженный краткими комментариями по поводу ситуации в российской психодиагностике.

1. Публикация методик и руководств. Это методические авторские материалы, включающие описания самих методик: стимульного материала (содержания вопросов или тестовых заданий), ключей, тестовых нормы, текстов интерпретации. Следует отметить, что большинство авторов методик не ставит перед собой целью создать из своей

³ А.Г. Шмелев принимал непосредственное участие на втором этапе подготовки этого постановления наряду с его инициаторами – Н.А. Батуриным и С.Б. Мальхом.

⁴ На Западе гораздо больше внимания уделяется этим вопросам: так, на главной странице сайта Международной тестовой комиссии (см. Веблиографию) опубликовано обращение от лица руководства Комиссии «О необходимости защиты тестовых материалов» с призывом бороться против несанкционированных продаж тестовых материалов, обучения пользователей на реальных тестовых заданиях и т.д. (см. <http://www.intestcom.org/Archive/ebay.php>).

методики коммерческий продукт и публикует свою методику для бесплатного распространения среди профессионалов. Руководства по применению методик следует отнести к этому же классу публикаций. Но... тут же возникает вопрос: а часто ли авторы подобных публикаций сами задаются вопросом о том, в чьи руки попадут их методики, не станут ли они в результате массового тиражирования на Интернет-сайтах в большей степени достоянием потенциальных испытуемых, чем коллег-психодиагностов? Тогда методика превратится в лучшем случае в инструмент для самопознания и «умрет» как профессиональный инструмент.

2. Публикация авторских научных статей. Это авторские научные сообщения (статьи) разработчиков, содержащие теоретическое и экспериментальное обоснование созданных методик. Следует тут же опять подчеркнуть, что, несмотря на выпуск в 2008 году «Постановления президиума РПО», вовсе не прекратились острые дебаты о том, имеют ли право научные издательства (редакции научных журналов) прикладывать к статье полные (не выборочные, а полные) методические материалы к обсуждаемым методикам. Дело усугубляется тем, что многие редакторы научно-психологических журналов далеки по своим узко-научным интересам от понимания специфических нужд психодиагностики. Они руководствуются нормами, скорее характерными для психологов-исследователей, о которых мы уже писали выше. Поэтому, озадаченные снижением тиражей своих изданий, они не видят никаких рисков и никаких нарушений в том, чтобы публиковать методические материалы на своих страницах полностью – открытым текстом.

3. Публикация отзывов специалистов. В психодиагностике, как в любой инструментально-ориентированной научно-технологической дисциплине, роль отзывов (рецензий) очень высока. Без объективных отзывов, предоставленных независимыми (объективными) и квалифицированными специалистами, пользователям очень трудно сориентироваться в том, насколько качественным и завершенным является тот или иной инструмент, каков круг ситуаций, в которых он может быть использован эффективно. Следует отметить, что в России нет специализированного издания, аналогичного *Mental Measurement Yearbook* (см. <http://www.unl.edu/buros/>). Об этом едва ли не как о главной проблеме шел заинтересован-

ный разговор в ходе виртуального Дня открытых дверей в Экспертном Интернет-сообществе психологов (см. Веблиографию). Отсутствие регулярного издания такого типа затрудняет для российских пользователей ориентировку в мире методик. Хотя отдельные рецензии выходят в психологических журналах, включая специализированный журнал «Психологическая диагностика» (главный редактор – М.К. Акимова), но все-таки удельный вес рецензий на психодиагностические методики в этих журналах явно маловат.

4. Классификационно-аналитические обзоры. Чтобы пользователь смог сориентироваться в многообразии методик и ситуаций их использования, ему недостаточно иметь доступ к «штучным» публикациям, посвященным каждый раз лишь какой-то одной методике. Серьезную помощь в ориентировке призваны оказывать аналитические обзоры, посвященные какому-то широкому классу методик, либо связанные с определенным кругом проблем (например, задачами диагностики девиантного поведения или корпоративной лояльности), либо связанные с определенным технологическим приемом (например, с многоканальной «полиграфической» регистрацией физиологических коррелятов эмоциональных состояний или с адаптивным компьютерным тестированием).

5. Сборники, перечни-каталоги, справочники (компендиумы). В отличие от тематических обзоров, здесь речь идет о наличии разноплановых материалов, представленных разными авторами. Данные издания могут быть более (компендиумы) или менее (сборники) полными и структурированными. Они частично восполняют трудности ориентировки особенно в условиях затрудненного информационного поиска на фоне разрозненности и труднодоступности редкой и малотиражной психодиагностической литературы. Воодушевляет появление в совсем недавнее время первого электронного компендиума психодиагностических методик в России (Батурин, Пичугова, 2008).

6. Учебные пособия. Тут не требуются какие-то особые комментарии. Учебные пособия на русском языке по психодиагностике могут быть признаны устаревшими, неполными и т.п. Но они существуют (см. в частности: Бодалев, Столин, 1987; Основы психодиагностики, 1996; Бурлачук, 2008 и др.).

7. Словари. Здесь речь идет, прежде всего, о толковых словарях, позволяющих специалистам или начинающим специалистам ориентироваться в специальной терминологии. Выпуск таких словарей – это одновременно и популяризация научного знания, просвещение «любопытствующей» общественности, которое должно способствовать пониманию отличия научных диагностических методик от псевдотестов в глянцево-журнальных изданиях. Словари такого типа не следует путать с популярными среди психодиагностов словарями-справочниками, упомянутыми в п.5 (см., напр., Бурлачук, Морозов, 1999).

8. Интервью со специалистами. Пользователи в ходе применения методик сталкиваются очень часто с такими ситуациями и вопросами, которые не предусмотрены в руководствах. Они должны иметь возможность обратиться с этими вопросами к авторам.

9. Спонтанные отклики рядовых пользователей. Кроме глубоких и аргументированных отзывов специалистов, пользователям методик важно иметь информацию о том, как оценивают ту или иную методику рядовые пользователи. В подобных спонтанных откликах нередко преобладают оценочные суждения (типа «методика НЕ работает», или «методика - хорошая»), однако их достоверность и непредвзятость способны вызвать у рядовых пользователей не меньшее доверие, чем продуманная рецензия подготовленного рецензента. И те, и другие отзывы сосуществуют во многих сферах науки и искусства: рецензии литературных и кинокритиков не отменяют интереса к откликам наивных читателей художественной литературы и кинозрителей.

10. Дискуссионные материалы. Сторонники определенных подходов и научных школ, базирующихся на богатом опыте разработки и внедрения методик, могут быть участниками интересных дискуссий, дающих возможность самим пользователям разобраться в убедительности аргументов и контраргументов спорящих сторон. Примерами подобных дискуссий могут быть «Тесты интеллекта – за и против» в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики» – 2004, Т.1, №2, «Проблема компетенций в психологии и управлении персоналом» на сайте www.ht.ru (<http://www.ht.ru/press/articles/?view=art371>).

11. Рейтинги. Когда спонтанные отклики рядовых пользователей хотят структурировать и упорядочить, обычно в качестве цели-

результата стремятся получить рейтинг методик. Вряд ли в психодиагностике имеет смысл универсальный рейтинг; скорее имеет ценность чисто ситуационный рейтинг (пригодность для решения частных проблем). Но в целом к настоящему времени более распространенной и приемлемой формой для психодиагностики являются не рейтинги, а профессиональные конкурсы.

12. Профессиональные конкурсы. В этом случае ключевую роль играет такой важнейший инструмент проведения конкурсов как «жюри». От состава жюри, его авторитетности зависит интерес широкой аудитории к результатам конкурса. Примером профессионального конкурса в области психодиагностики могут быть Конкурсы авторов тестовых заданий по различным сферам управления персоналом, организованные и проведенные Лабораторией «Гуманитарные технологии» в 2008 году (см. www.ht.ru).

13. Доступ к выборкам испытуемых-добровольцев. Здесь мы сталкиваемся с такой спецификой информационной среды, которая характерна лишь для ограниченного круга социальных наук. Для самой психодиагностики до недавнего времени это было не характерно, а в социологии уже давно, еще до эпохи Интернета практиковались так называемые «прессовые опросы». Различение ролей «пользователей» и «испытуемых» (или респондентов) – это характерная особенность методик именно в сфере социальных наук. Пример коммерческого предприятия, успешно продающего доступ к обширной выборке респондентов, является маркетинговая фирма «Конком» (см. www.internetopros.ru), которая имеет базу из 77 тысяч зарегистрированных респондентов.

14. Отклики испытуемых-добровольцев. В этом также, скорее всего, выражается специфика Интернет-эпохи. Отзывы самих испытуемых в психологической литературе присутствовали скорее в формате «самоотчета испытуемых», и редко-редко они могли интерпретироваться как один из источников информации о качестве методики. На сайте www.ht.ru «Отклики любителей самопознания с помощью онлайн-тестирования» – самый популярный раздел форума (собрано много тысяч подобных откликов). Доступность этих откликов для широкой общественности влияет на «имидж» методики если не в узком экспертном сообществе, то в среде потенциальных пользователей методики.

По каким же из 14 перечисленных функций традиционная научно-психологическая литература не вполне удовлетворяла пользователей? Очевидно, что мы можем найти в традиционных журналах и книгах материалы типа 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Хотя, например, тех же рецензий явно не хватает. Но вот что мы должны подчеркнуть как дефицитные жанры:

Публикация коммерческих методик. Для авторов, вложивших в течение многих лет огромное количество сил в создание наиболее информационно богатых и качественных методик, естественно стремление окупить свои затраты. Бесплатные (для авторов) научные издания совсем не устраивают таких разработчиков. Однако особые издания для коммерческих методик – это «ахиллесова пята» традиционной информационной среды. Их на Западе выпускают лишь специализированные фирмы-издательства. В России такие фирмы стали появляться совсем недавно и до сих пор отнюдь не процветают (к ним можно отнести «Иматон», «Смысл», «Когито-центр», «Психодиагностику» и т.п.). Сказывается низкая покупательная способность большинства российских пользователей-диагностов, не имеющих возможности покупать дорогие методики, точнее – дорогие лицензии на методики.

Коммуникативные функции 9–14. Все эти материалы трудно издавать в «твердом формате», ибо они слишком динамичны и зависимы от ситуационного контекста: длинный цикл подготовки бумажного издания не соответствует скоротечности времени жизни этих материалов, времени спроса (их актуальности). К тому же многие из них имеют смысл именно в контексте электронно-интерактивных технологий быстрого обмена информацией.

Но тут же возникает вопрос: а должно ли Интернет-сообщество ограничиваться лишь материалами типа 9–14? Или новое, более высокое качество тут могут приобрести такие материалы, как «авторские методики», «интервью со специалистами», «сборники»? По мнению авторов статей, это именно так: старые формы коммуникации приобретают в контексте интегрированного сообщества новое качество.

Функциональные требования к платформе интернет-сообщества психодиагностов (ИСПД)

Какие же специфические требования к функциональной архитектуре (платформе)

ИСПД могут быть сформулированы с учетом представлений, изложенных выше?

Важно подчеркнуть позицию авторов: по нашему убеждению, ИСПД нельзя полностью реализовать в рамках «тематической группы» на базе какой-либо универсальной стандартной социальной сети, образцы которых уже широко распространились в Интернете в целом и в Рунете в частности (всем известны такие проекты, как www.odnoklassniki.ru, www.vkontakte.ru, www.moikrug.ru). Тут мало таких стандартных для социальных сетей средств коммуникации, как «форумы», «блоги», «персональные страницы», «поиск по признакам и по контексту», «персональные сообщения», «группы друзей» и т.п. Мало даже иметь такую специфическую функцию для узких профессиональных групп, как строгая модерация и «ручная регистрация» участников (защищающая от стихийного наплыва неспециалистов). Каковы же эти дополнительные специфические функции? Их понимание вырастает из осознания особых проблем психодиагностики как сферы научно-практической распределенно-совместной деятельности и коммуникации между разработчиками и пользователями методик.

Проблема ограничения круга пользователей и персональная регистрация

Известно, что для функционирования любой профессиональной гильдии важно организовать специфические каналы распространения профессиональной информации. Для психодиагностики это имеет особое значение, ибо многие элементы психодиагностических методик (тестовые задания, ключи, нормы) являются предметом профессиональной тайны – распространяясь среди профессионалов, эти элементы не должны попадать в руки потенциальных испытуемых. В противном случае методика теряет свои эксплуатационные качества – перестает «работать». В западной тестологии данный нежелательный эффект давно стал известен под названием «эффект разглашения» (disclosure). Кроме того, важно, чтобы круг распространения психодиагностических методик был ограничен кругом подготовленных пользователей.

Именно с этой функцией в слабой степени справляются традиционные журналы. Да, в определенной мере на это работает механизм предварительной подписки, распространяемой по научным и образовательным учреждениям, но в принципе на любой научный жур-

нал может подписаться каждый читатель. Возникает противоречие: не опубликовав свою методику, автор не может реально распространять ее, но, опубликовав, рискует «убить» свою методику, так как возникает «эффект разглашения». Именно в эпоху Интернета «риск разглашения» многократно возрос: достаточно среди читателей оказаться одному человеку, умеющему сканировать и размещать отсканированные тесты на сайтах (или в собственных блогах) в Интернете, как методика становится доступной едва ли не всем потенциальным испытуемым (подчеркнем, не пользователям-диагностам, а именно испытуемым!).

На фоне этого требования мы видим, как сайты с онлайн-тестами, расплодившиеся в огромном количестве при появлении Интернета, обозначили развитие не в сторону, а в обратном направлении от следования этому требованию. Точно так же, как Интернет превратился во многих отраслях науки и искусства в «инструмент пиратства», так и в психодиагностике он стал инструментом не только нарушения авторского права, но и нарушения принципа профессиональной тайны. Любой пользователь, зарегистрировавшийся (или даже не прошедший никакой саморегистрации) на почти анонимном сайте с коллекцией тестов, может «скачать» (получить) интересующий его тест, причем нередко не только свои собственные результаты как испытуемого, но и методические компоненты к тесту – ключи, нормы, тексты интерпретаций и т.п. Очевидно, что владельцы подобных сайтов – люди, далекие от интересов психодиагностического сообщества. Они и в дальнейшем будут оказывать все растущее противодействие попыткам профессионального сообщества сплотиться в интересах охраны профессиональной тайны. Ситуация является настолько острой, что разработчики для того, чтобы препятствовать такому стихийному распространению и раскрытию их методик, должны избегать ярких и броских названий для своих методик (тогда в Интернете будет легко ее найти по ключевому слову с помощью любого портала-поисковика) и шифровать методику под какими-то условными буквенно-цифровыми кодами.

Как работают специализированные зарубежные издательства тестовой продукции с точки зрения задачи минимизации «эффекта разглашения»? Работает принцип персональных продаж «методических пакетов» по именной лицензии (именному договору об

использовании, или именному лицензионному соглашению): пользователь подписывает лицензионное соглашение, в котором берет на себя персональное обязательство о неразглашении. В определенной степени ситуация сходна с механизмом персональных продаж при распространении пакетов компьютерных программ: пользователь получает доступ к кодам установки (активации) программы только после того, как подписывает лицензионное соглашение (или выражает свое согласие).

Теперь рассмотрим, какие удобства предоставляет Интернет-сообщество профессионалов с этой точки зрения? Интернет-сообщество профессионалов не может формироваться иначе, кроме как с опорой на механизм персональной регистрации каждого члена такого сообщества: при вступлении в сообщество каждый член должен заполнить электронную анкетную форму (учетную карточку, страницу «личных данных»). При этом в процессе заполнения он знакомится с уставом данного сообщества и должен выразить свое согласие с его принципами (дать обязательство по выполнению устава). В противном случае пользователь не будет зарегистрирован – не получит свои коды авторизации в системе – логин и пароль. При нарушении определенных уставных требований организации пользователь должен лишиться права доступа – его логин и пароль аннулируют (блокируют).

Как мы знаем, в ходе инсталляции программного продукта на персональном компьютере пользователя возникает «персональная маркировка» копии программы: она получает регистрационный номер, однозначно соответствующий имени определенного зарегистрированного пользователя в базе данных. Что-то подобное необходимо реализовать при создании ИСПД: так чтобы, не только сама тестовая программа в руках каждого пользователя была маркирована, но получил соответствующую маркировку каждый протокол, полученный пользователем от определенного испытуемого.

Этому требованию наилучшим образом соответствует такая функциональная архитектура ИСПД, в основе которой лежит идея так называемого «Личного кабинета» – персональной страницы (или семейства страниц), управляемой пользователем. В настоящее время существует два ключевых (базисных) принципа построения «социальных сетей» в Интернете, конкурирующих друг с другом:

1. Технология Wiki. Самый яркий и популярный пример – всемирный проект «Википедия». Но это далеко не единственный пример реализации Вики-технологии: см., например, проект сообщества социальных педагогов и психологов «СоцОбраз» (www.wiki.iot.ru).

2. Личные кабинеты, или персональные блоги (Интернет-журналы), базовым прототипом которых является всемирно популярный «Живой журнал» (www.livejournal.com).

Вики-подход больше соответствует сообществам, ставящим в качестве ключевых задач создание Интернет-словаря (или энциклопедии) профессиональных терминов, выпуск журнала массовых (неглубоких) рецензий на методики и другие задачи, ориентированные на текстовые материалы, рождающиеся в результате коллективного доступа и коллективного редактирования. В то же время блоговый подход больше соответствует сообществам, в которых наибольший интерес представляет «авторский продукт» и «авторские программно-технические решения». Каждый активный член такого сообщества (разработчик методик) должен иметь возможность получить в рамках сообщества в свое распоряжение фактически целый сайт со своей собственной CMS (системой управления контентом) и своей собственной базой подписчиков – базой пользователей созданных автором психодиагностических методик.

Конечно, Интернет-сообщество, которое собирает и предлагает участникам «околометодическую информацию» (определения терминов, рецензии, справочник кратких аннотаций на методики), тоже будет иметь популярность. Но оно будет не таким популярным, как сообщество, которое решает гораздо более значимую для психодиагностов задачу, – задачу упорядочивания системы распространения и использования самих методик (если не целиком, то хотя бы части методических материалов – например, тестовых заданий). Поэтому, по нашему убеждению, «блоговый» подход гораздо больше соответствует требованиям к конструированию функциональной платформы ИСПД.

Библиотека методик (тестотека) и «личные кабинеты» пользователей

Как уже говорилось, разрабатывая принципы и функциональную архитектуру ИСПД, мы должны обязательно опираться на принцип регистрации и «персональной маркиров-

ки» копии тестового продукта (и тестового протокола).

Но что означает этот принцип «персональной маркировки» в случае создания онлайн-библиотеки методик, к которой в рамках ИСПД будет иметь доступ каждый зарегистрированный пользователь? Это означает, что любой протокол испытуемого, созданный на основе библиотечной методики, должен включать «маркер пользователя» – того лица, который выбрал данную методику и отвечает за интерпретацию ее результатов. Таким образом, мы приходим к важному пониманию специфики «библиотеки тестов» (тестотеки) в ИСПД – это вовсе не библиотека свободного доступа для самотестирования. Это не библиотека для испытуемых, а библиотека для профессиональных пользователей. Сами испытуемые не могут быть «читателями-абонентами» в этой библиотеке. В эту библиотеку могут заходить и работать в ней только особые, подготовленные пользователи, имеющие необходимые профессиональные знания и умения. ИСПД – это сообщество разработчиков и пользователей методик, а не сообщество разработчиков и испытуемых.

Как следствие такого представления возникает идея создания для каждого пользователя собственного «личного кабинета», в котором каждый пользователь мог бы по крайней мере осуществлять «прокат» готовых тестов из библиотеки (тестотеки). Тогда мы получаем следующее представление об этапах оформления «проката тестов из тестотеки»:

1. Пользователи регистрируются в сообществе и получают доступ к персональному «личному кабинету», в который они могут либо загружать какие-то собственные тесты (авторские либо лицензионные с правом автоматизации), либо готовые компьютерные онлайн-тесты из «библиотеки» (фирменные – что значит в данном контексте? или общественные).

2. Доступ к библиотечным тестам первоначально оформляется как доступ к каталогу библиотеки (страничке с перечнем и аннотациями на методики, представленными в библиотеке).

3. Выбирая заинтересовавший тест по каталогу, пользователь подтверждает «пользовательское соглашение» (его аналогом в обычной библиотеке является читательское требование) – подписывается под правилом использования данного теста. Если тест бесплатный, то в его обязательство входит лишь

соблюдение профессиональных стандартов (включая профессиональную тайну), если же тест платный, то он обязуется оплачивать доступ к этому методическому ресурсу в том формате, какой предполагает данный ресурс (оплата помесечного абонемента, оплата за каждую копию обработанного протокола и т.п.).

4. После того, как тест выбран, его копия размещается (автоматически) в личном кабинете пользователя, где она и обретает «персональную маркировку», а каждый протокол (профиль по факторам), который получается с помощью данного теста и хранится в данном личном кабинете, также обретает персональную маркировку.

Что дает такая персональная маркировка? Три вещи:

а) персональную ответственность пользователя-психолога перед определенным клиентом-испытуемым за «постдиагностическое обслуживание» (ответы на вопросы клиента, возникающие после прохождения методики);

б) персональную ответственность пользователя-психолога за контролем над распространением методических материалов;

в) возможность натурального обмена между пользователем-психологом и «тестотеккой» по принципу «данные за методику»: передавая в общую базу собранные данные в своем личном кабинете, пользователь получает право на льготное пользование новыми методиками.

На каком основании авторы данной статьи довольно смело берутся за формулирование требований к «онлайн-тестотеке»? На чем базируется уверенность в востребованности такого продукта? Тут следует сделать оговорку, что еще на «доинтернетной стадии» компьютерной революции одним из авторов (А.Г. Шмелев) интенсивно разрабатывалась не только идея, но и действующей проект компьютерной системы, в рамках которой пользователь получал бы возможность одновременной реализации двух задач:

а) проигрывания готовых психометрических тестовых методик, созданных разработчиками;

б) создания собственных авторских методик, менее психометрически обоснованных, но зато более гибко учитывающих требования конкретной ситуации тестирования.

Эта оболочка, реализованная еще в операционной среде DOS под названием ТЕСТАН, получила определенное признание

в 90-е годы не только в России, но и за рубежом, о чем свидетельствует публикация в ведущем компьютерно-психологическом международном журнале (Shmelyov, 1996).

В чем же будет выражаться привлекательность подобных онлайн-библиотек для пользователей? Почему авторы прогнозируют развитие именно такой модели взаимодействия между разработчиками и пользователями уже в самом ближайшем будущем?

Главная выгода для пользователей – это унифицированный доступ к широкому набору бесплатных и условно-бесплатных методических инструментов. Многие пользователи в настоящее время не решаются платить значительные суммы за приобретение лицензии на какие-то новейшие, перспективные, но малоизвестные и неапробированные (ими в личной работе) методики. Они хотели бы иметь возможность вначале попробовать методику хотя бы на нескольких испытуемых, не неся при этом особых материальных затрат и минимизируя усилия по освоению новой операционной среды. Унификация пользовательского интерфейса внутри единой подобной библиотеки – это одна из существенных сторон привлекательности данного решения.

Если же говорить о разработчиках (авторах) методик, то главная выгода для них будет заключаться в значительном расширении «рынка сбыта» своей продукции – круга возможных пользователей методики. При этом разработчик будет сам вправе ставить на свою методику, помещенную в библиотеку (размещенную на Интернет-выставке), ярлык «бесплатно» либо ярлык «платно» (вводить сразу же определенные тарифы для расчетов с пользователями), либо ярлык «условно-бесплатно». Что означает последнее? Это предоставление права бесплатно запустить тест несколько раз, после чего либо заплатить, либо прекратить пользование тестом. Очевидно, что обсуждаемая здесь платформа ИСПД должна быть в состоянии технически поддерживать функцию «условно-бесплатной передачи» методики, что, впрочем, не так сложно сделать, если регистрировать каждый запуск методики каждым пользователем. Это уже давно делается для офф-лайн-оболочек тестирования (почти все западные коммерческие тестовые продукты продаются вместе с лицензией на ограниченное количество запусков теста). Тем более это несложно реализовать в интегрированной, единой для пользователей онлайн-среде.

Но вернемся к вопросу, вынесенному в заголовок статьи. А как же в случае такой «онлайн-библиотеки» будет решаться вопрос об «охране профессиональной тайны»? Тут будет обеспечиваться двухуровневая защита:

1. На техническом уровне ключи будут защищены тем, что самому пользователю они в открытом формате просто... не потребуются. Пользователь будет получать в своей библиотеке право запуска готового теста, но не право препарирования этого теста на части, разглядывания и редактирования этих частей. Сам факт автоматизированной обработки онлайн-теста на базе онлайн-оболочки тестирования избавляет разработчика от необходимости открыто передавать ключи к тесту (равно как и нормы), а пользователя – от необходимости их брать и применять вручную.

2. На социально-психологическом уровне будут работать механизмы «групповой включенности» и «группового давления». Это означает, что потенциальные нарушители «обязательства конфиденциальности» (сохранения профессиональной тайны во время использования теста) будут рисковать быть с позором навечно изгнанными из сообщества. Кстати, тут будут возникать не только риски чисто моральной «потери лица», но и риски прагматического плана – потери доступа к ценной методической информации и инструментам, необходимым для профессиональной работы. Будет ли в таких условиях пользователю легко «сдать» полученную им методику какому-нибудь журналисту или предприимчивому владельцу какого-нибудь сайта для «публикации вместе с потрохами» (с открытыми ключами и нормами)? Нет, не легко, он будет понимать, чем он рискует. Кстати, аналогичные требования будут распространяться не только на пользователей, но и на самих разработчиков методик, ибо, сдав свою собственную методику в библиотеку, разработчик будет брать на себя определенные договорные обязательства по «неразглашению».

Но, кстати, вовсе не только «данные обязательства» будут удерживать участников Интернет-сообщества от нарушения устава этой организации. Если на «входе» в сообщество со временем поставит определенные барьеры, преодоление которых потребует определенных усилий, как, например, входной тест на квалификацию в области психодиагностики (Шмелев, 2002), то это не только будет защищать сообщества от проникновения случайных людей, но и повысит риск серьезных

потерь в случае нарушений и разоблачений – жалко потерять возможность, добытую с таким трудом. О готовой технической возможности использования Интернет-технологий на этапе квалификационного тестирования психодиагностов автор докладывал на Всероссийской конференции по психодиагностике в Челябинске в 2008 году (Шмелев, 2008).

Несомненно, многим и многим скептикам такой проект может показаться «наивным», и они немедленно сформулируют немало возражений. Одно из первых будет касаться так называемых «хакеров» (взломщиков компьютерных систем, включая сервера в Интернете): как можно обеспечить охраноспособность подобной информации, если в ходе ее использования она будет открыта в Интернете для взлома со стороны хакеров?

Здесь нет необходимости доказывать, что технически можно исключить взлом подобной системы? Нет, авторы трезво понимают, что исключить этого никак нельзя: теоретически можно «взломать» любую систему с самой изощренной защитой. А вот на практическом уровне вопрос упирается в мотивацию: а зачем? Чтобы опубликовать на каком-то своем или дружественном сайте «потроха» и тем самым на какой-то момент повысить посещаемость своего сайта? Да, это может быть сделано. Но... против этой акции существует определенное «противоядие», не абсолютное по своей эффективности, но значительно снижающее мотивацию и престижность хакерских достижений: разработчики такой «библиотеки» могут (даже должны) создать в Интернете информационную шум – опубликовать на многих независимых сайтах (в разных социальных сетях) псевдо-ключи (причем в разных местах – разные), широко оповестив всех о том, что только здесь, только в этом месте опубликованы подлинные ключи... Кстати, подобный механизм защиты от утечки ключей фактически (полустихийно) реализуется при публикации «истинных ответов на задания ЕГЭ» сразу на нескольких десятках пиратских сайтов. Столкнувшись с обилием всевозможных «подделок», противоречащих друг другу, пользователь в значительной мере теряет к ним интерес, а хакеры теряют мотивацию заниматься «взломом».

Именно опыт защиты от фальсификации, приобретенный А.Г. Шмелевым еще в ходе реализации проекта «Телестинг» (эта Всероссийская компьютерная олимпиада проводилась в 1997-2001 гг. в сотнях региональных

центров России и предшествовала переходу к ЕГЭ) позволяет авторам с уверенностью говорить о реальности определенных проектов, которые другим специалистам по психодиагностике, далеким от современных Интернет-технологий, могут показаться фантастическими (Шмелев, 2001).

Опыт создания экспертного интернет-сообщества психологов на платформе HT-line

В 2008-2009 году авторы получили практическую возможность апробации ряда технологических идей, связанных с созданием профессиональных Интернет-сообществ, в ходе создания «Экспертного Интернет-сообщества психологов» на базе системы Интернет-сервисов HT-LINE.

Технические особенности платформы HT-Line

Платформа HT-Line представляет собой многофункциональный инструмент для автоматизации научных и организационных исследований и предлагает пользователям различные возможности:

- для конструирования онлайн-опросов,
- создания анкет,
- создания авторских одношкальных и многошкальных тестов,
- автоматизации шкалирования,
- автоматизации опросов по методу 360 градусов,
- автоматизации ассессмента, понятого как система интеграции экспертных оценок и результатов тестирования,
- создания и проведения собственных дистанционных обучающих курсов, а также
- обеспечения взаимодействия пользователей друг с другом (сервис «информационная лента»).

Система построена по описанному выше принципу личных кабинетов и различает 3 группы пользователей:

«Владелец кабинета-автор блога» – зарегистрированный модератором владелец кабинета в системе HT-LINE; имеет доступ к информационной ленте (персональному блогу) и другим функциям, определенным и подключенным модератором; имеет доступ к чужим блогам: может оставлять комментарии и создавать темы, если это разрешено хозяином блога. При посещении чужого блога опознается системой в роли «коллеги». Авторы бло-

гов получают на свои адреса э-почты автоматические приглашения всякий раз, когда другие блоггеры включают в свои списки рассылок группу «Экспертное сообщество». Очевидно, что постоянные члены сообщества должны иметь возможность произвольной подписки или отписки на определенных блогах (или проектах) сообщества.

«Корреспондент» – самостоятельно зарегистрировавшийся пользователь системы HT-LINE, не имеет личного кабинета и, следовательно, собственного блога; имеет доступ к чужим блогам: может оставлять комментарии и создавать темы, если это разрешено хозяином блога, получает рассылки с приглашениями на чужие блоги, но только по решению авторов-блоггеров. Корреспонденты не могут сами подписываться или отписываться от определенных тем, сами производить массовые рассылки. Очевидно, в случае голосования по каким-то вопросам корреспонденты обладают пониженными правами влияния на решение.

«Гость» – незарегистрированный посетитель, не имеет собственного кабинета и блога; может оставлять комментарии в чужих блогах (если это разрешено хозяином), не может создавать новые темы в чужих блогах.

Отдельные функции платформы HT-LINE имеют аналоги в других системах – существуют конструкторы для создания анкет, опросов и одношкальных тестов (см., например, www.virtualexs.ru, www.surveymonkey.com, www.surveyconsole.com, www.protogenie.com), приложения для конструирования многошкальных тестов (см., например, <http://www.bssl.ru/products/etest/client/>), специализированные пакеты для проведения оценки 360 градусов (см., например, <http://www.bssl.ru/products/bssaround/>) или комплексной оценки с помощью нескольких оценочных процедур (см., напр. <http://www.questionmark.com/us/perception/index.aspx>).

Уникальность платформы HT-LINE по сравнению с другими системами, по нашему мнению, составляют две особенности. Во-первых, это комплексный подход – предоставление исследователю практически всего необходимого функционала сразу. Во-вторых, это возможность взаимодействия пользователей между собой, что является отличительной особенностью социальных сетей, но не предусмотрено ни одним из известных нам приложений для автоматизации исследований. Совмещение коммуникативных и исследовательских функций дает нам основание гово-

ритель, что платформа HT-LINE обладает необходимыми возможностями для обеспечения работы ИСПД, прообразом которого является действующее в настоящий момент Экспертное Интернет-сообщество психологов (ЭИСП). Однако необходимые технические предпосылки – это всего лишь предпосылки; в следующем разделе мы остановимся на том, чего уже удалось достичь в рамках ЭИСП, а что еще только предстоит.

Реализация коммуникативных функций профессиональной информационной среды в ЭИСП

ЭИСП зародилось в «недрах» сайта www.ht.ru как продолжение проекта «Гость месяца» – ежемесячных онлайн пресс-конференций с известными психологами, которые представляли собой ответы приглашенного эксперта на вопросы посетителей сайта. Впоследствии у каждого из «гостей месяца» появился свой блог, а затем увеличилось и число экспертов – были дополнительно приглашены известные и молодые специалисты. Таким образом на сайте возник раздел «Блоги экспертов» – коллекция отдельных блогов, в которых происходили более или менее оживленные обсуждения разных тем, однако вряд ли это можно было назвать полноценным сообществом. Днем рождения сообщества как единого целого (как совокупности, не равной сумме своих частей), вероятно, стоит считать День открытых дверей (ДОД), который состоялся 2–3 мая 2009 года.

ДОД был запланирован как мероприятие для интенсивного обмена идей, обсуждения целей и задач ЭИСП, возможной роли ЭИСП в научной и практической психологии (и более широко в общественной жизни России), а также других вопросов, интересующих членов ЭИСП. Помимо действующих членов, были приглашены все желающие. К моменту проведения ДОД на форуме Интернет-сообщества было зарегистрировано 215 человек. ДОД проходил в виде двух полуторачасовых сессий на форуме и в чате, во время которых максимально возможное число заинтересованных участников должно было присутствовать онлайн. Результатом ДОД стало уточнение позиций и ожиданий участников, создание проектных групп разной степени активности, а также ощущение причастности к сообществу.

Для того, чтобы оценить успехи и достижения ЭИСП, мы рассмотрим, какие из пере-

численных нами коммуникативных функций информационной среды уже реализуются в ЭИСП (нумерация соответствует нумерации коммуникативных функций, приведенных в первой части статьи).

2. Публикация авторских научных статей. Многие участники ЭИСП размещали в своих блогах собственные статьи, по поводу которых хотели бы услышать мнение коллег. И все же большинство блоггеров делились с другими участниками более короткими сообщениями (отчасти в силу того, что какие-то вопросы были не до конца осмыслены и продуманы самими авторами, отчасти потому что вероятность получить отклик на краткое сообщение выше, чем на большую статью).

3. Публикация отзывов специалистов. В ходе Дня открытых дверей ЭИСП сформировалась рабочая группа, разрабатывающая проект выпуска журнала рецензий на психодиагностические методики (прообраз – *Mental Measurements Yearbook*). К моменту написания статьи было проведено четыре Skype-конференции, на которых обсуждались список методик, которые их авторы добровольно готовы представить на рецензию, содержательная сторона рецензий, процедура выбора и список потенциальных рецензентов.

5. Сборники, перечни-каталоги, справочники (компендиумы). Тут пока речь может идти лишь о сборниках, ибо в системе HT-LINE не предусмотрен механизм Интернет-базы для хотя бы кратких аннотаций на методики. В ходе развития ЭИСП некоторые индивидуальные экспертные блоги преобразовались в тематические площадки для обсуждения каких-то более узких вопросов. Так возникли «Блог количественной психологии», «Проблемы профессиональной подготовки психологов» и зарождающийся проект «Психологические исследования в Интернете». Одной из реалистичных перспектив данных блогов могут стать сборники статей. Модераторы блога «Психологические исследования в Интернете» в явном виде заявляют своей целью составление сборника статей по различным аспектам и проблемам онлайн-исследований.

7. Словари. Одним из проектов ЭИСП является «Терминологическая лаборатория», результатом работы которой должна стать совместная выработка и согласование 50 (для начала) определений наиболее общеупотребительных психодиагностических и связанных с ними терминов, которые, несмотря на свою общеупотребительность, далеко не все-

гда одинаково понимаются разными исследователями и практиками. Данный проект занимает промежуточное положение между пп. 5 и 7, поскольку является, с одной стороны, ресурсом для профессиональных психологов, а с другой – может быть очень полезен начинающим специалистам и непрофессионалам.

8. Интервью со специалистами. Как уже было отмечено выше, с интервью со специалистами по сути и началось ЭИСП. В рамках проекта «Гость месяца» онлайн пресс-конференции провели такие известные психологи, как М.К. Акимова, Т.Ю. Базаров, Н.А. Батулин, Л.Ф. Бурлачук, Д.А. Леонтьев, К.В. Осетров, А.Л. Пажитнов, Л.Н. Собчик, В.В. Столин, Ю.К. Стрелков, Д.В. Ушаков, Е.В. Эйдман.

10. Дискуссионные материалы. Одна из наиболее богатых (по числу участников) дискуссий была инициирована Ю.К. Стрелковым и началась в форме очного круглого стола «Проблема компетенций в психологии и управлении персоналом» на факультете психологии МГУ (см. <http://www.ht.ru/press/articles/?view=art371>). В дальнейшем обсуждение переместилось в виртуальное пространство ЭИСП.

12. Профессиональные конкурсы. Уже упомянутые «Конкурсы авторов тестовых заданий», организованные и проведенные Лабораторией «Гуманитарные технологии» в 2008 году, формально не были связаны с ЭИСП. Тем не менее, с процедурой, результатами и некоторыми материалами этих конкурсов можно также ознакомиться на сайте www.ht.ru по следующим гиперссылкам:

<http://www.ht.ru/press/articles/?view=art356>
(Первый Интернет-конкурс),

<http://www.ht.ru/press/articles/?view=art368>
(Второй Интернет-конкурс).

Таким образом, не все еще виды информации равномерно представлены в существующем прототипе проекта ИСПД. Однако следует обратить внимание, что в рамках ЭИСП на базе HT-LINE информационные профессиональные ресурсы дополнены особым жанром «экспертных опросов». Уже проведено несколько экспертных опросов, в ходе которых сами вопросы формировались из первичных свободных интервью, а затем респонденты не только выбирали из заданных вариантов ответа, но и предлагали свои собственные свободные ответы. В опросе «Психодиагностика в России через 5 лет» приняло участие 50 членов и кандидатов в члены

ЭИСП. В другом экспертном опросе – по выбору базового словника «терминологической лаборатории» – приняли участие 25 экспертов. В анализе семантического поля термина «компетенции» приняли участие 34 эксперта. Результаты анализа определений термина «компетенции» доступны в разделе «Блоги экспертов» на www.ht.ru, а именно в блоге А.Г. Шмелева (эти материалы защищены от прямого адресного доступа по фиксированному адресу в Интернете).

В ходе реализации проекта Интернет-сообщества ЭИСП выявился ряд технических и социально-психологических проблем, без решения которых вряд ли можно обойтись при создании любого Интернет-сообщества профессионалов:

1. Проблема защиты от поисковиков. Если сообщество хочет иметь «закрытые ресурсы» (для обсуждения своих внутренних проблем), то адресные строчки, описывающие эти ресурсы, должны быть устроены динамически – так, чтобы из поисковиков невозможно было обнаружить соответствующие страницы и непосвященные пользователи не знали о том, о чем еще не договорились сами профессионалы или не имели доступа к определенным конфиденциальным материалам. Данная проблема решена в рамках HT-LINE успешно лишь частично: динамическая система адресации создана, но пока возникает нежелательный побочный эффект, который заключается в ненадежной работе системы идентификации пользователей, работающих в многооконном режиме сразу с несколькими блогами в рамках одной сессии (одного запуска) Интернет-браузера.

2. Гибкая система рассылок. В HT-LINE создана многоуровневая и разнообразная система автоматического оповещения групп пользователей по их адресам электронной почты. Пользователи получают 4 типа приглашений и уведомлений:

- а) на чужой блог коллеги в целом;
- б) на отдельное тематическое сообщение (тематическую ветку) на чужом блоге;
- в) на каждый комментарий к определенному тематическому сообщению;
- г) уведомления о появлении любых сообщений/комментариев в собственном блоге.

Причем в каждом приглашающем письме присутствует 2 типа гиперссылок:

- а) авторизующая (избавляющая от необходимости вводить логин и пароль);

б) неперсональная (ее можно рассылать в сети гостям без опаски, что кто-то зайдет в «блогосферу» под чужим паролем).

Именно эта система позволила привлечь к работе сообщества очень занятых людей, которым даже некогда записать где-то свои логины и пароли для доступа к системе. Но тут же возник риск «обратного эффекта»: получая возможность легкого доступа к системе из своих почтовых ящиков, пользователи часто забывали, как именно можно входить в систему не на правах «коллеги» или «корреспондента», но полноправно – на правах «владельцев своего блога». В поиске компромисса между легкостью доступа и надежностью в работе, видимо, состоит ближайшая перспектива технического развития подобного проекта.

Краткая характеристика действующих Интернет-ресурсов

Ниже представлена краткая характеристика Интернет-ресурсов, размещающих материалы в области психодиагностики.

1. <http://www.agcas.org.uk> – сайт Association of Graduate Careers Advisory Services, в составе Ассоциации существует сообщество специалистов по психометрической оценке. Членство платное, членами могут быть организации или отдельные лица. Члены получают скидки на учебные мероприятия, проводимые Ассоциацией, бесплатную подписку на журнал, доступ к форуму, отдельным публикациям и т.д.

2. <http://www.bssl.ru> – сайт российской компании “Business Software Solutions”, выпускающей различные психодиагностические программные решения.

3. <http://www.ht.ru> – сайт Лаборатории «Гуманитарные технологии». В разделе «Блоги экспертов» опубликованы материалы «Экспертного Интернет-сообщества психологов» и в частности результаты экспертных голосований по проблемам развития психодиагностики в России. В разделе «Система сертификации» представлены материалы, посвященные проекту сертификации в психодиагностике.

4. <http://www.ht-line.ru> – система онлайн-сервисов, прототип платформы для создания ИСПД – Интернет-сообщества психологов-диагностов.

5. <http://www.intestcom.org> – сайт Международной тестовой комиссии (International Test Commission, ИТС), которая объединяет национальные психологические ассоциации, тестовые комиссии, издательства и другие

организации, работающие на благо эффективного тестирования и комплексной оценки, грамотной разработки, оценки и использования образовательных и психологических инструментов. ИТС выпустила ряд руководств – по адаптации тестов, использованию тестов, компьютерному и онлайн-тестированию – доступных на сайте на английском и других языках (официальных переводов на русский язык пока нет).

6. <http://www.protogenie.com> – бесплатный конструктор с открытым кодом для создания онлайн-опросов и тестов.

7. <http://www.psychometrika.org> – сайт Психометрического общества (The Psychometric Society), международной некоммерческой организации, способствующей продвижению количественных методов в психологии, образовании и социальных науках. Общество издает журнал “Psychometrika”, поддерживает список рассылки с объявлениями о профессиональных конференциях, вакансиях и грантах в области психометрики. Членство платное. Члены получают бесплатно журнал “Psychometrika”, могут приобрести полнотекстовый архив журнала, имеют скидки на участие в конференциях, проводимых Обществом.

8. <http://www.psychtesting.org.uk> сайт Центра психологического тестирования (The Psychological Testing Centre), являющегося секцией Британского психологического общества.

9. <http://www.surveyconsole.com> – конструктор для создания онлайн-опросов и тестов различной сложности, поддерживает различные форматы ответов, возможна первичная обработка результатов. Более простые функции бесплатны на время тестового доступа, более сложные доступны при подключении платного пакета услуг.

10. <http://surveymonkey.com> – конструктор для создания онлайн-опросов и тестов. Ценовая политика аналогична упомянутому выше <http://www.surveyconsole.com>.

11. <http://www.unl.edu/buros/> – сайт Центра тестирования Буроса (США), выпускающего ежегодник «Mental Measurements Yearbook», а также серию «Tests in Print».

12. www.virtualexs.ru – российский конструктор опросов. Доступен бесплатно для проведения некоммерческих и научных исследований.

13. <http://www.wiki.iot.ru> – Интернет-сообщество социальных педагогов и психологов «СоцОбраз».

Заключение

Наверное, к моменту выпуска данной статьи в журнале стремительно развивающиеся семена различных проектов профессиональных Интернет-сообществ дадут еще какие-то новые всходы. Авторам хотелось бы надеяться, что данная статья освещает некоторые общие направления и принципиальные требования к конкретному проекту «Интернет-сообщества психологов-диагностов» и не теряет актуальность к моменту своего выхода.

Литература

14. Батури́н, Н.А. Компендиум психодиагностических методик России: описание и первичный анализ / Н.А. Батури́н, А.В. Пичугова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 1. – № 31(131). – С. 63–68.

15. Батури́н, Н.А. Современная психодиагностика России / Н.А. Батури́н // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – № 32(132). – С. 4–9.

16. Бодале́в, А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодале́в, В.В. Столин. – М.: МГУ, 1987.

17. Бурлачу́к, Л.Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л.Ф. Бурлачу́к, С.М. Морозов. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999.

18. Бурлачу́к, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачу́к. – 2-е изд. СПб.: Изд-во «Питер», 2008. – 384 с.

19. Заключительные комментарии. // Психология. Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 86–98.

20. Интервью-прогноз. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 44–85.

21. Лурье, Е.В. Психологические тесты в оценке компетенций / Е.В. Лурье // Управление персоналом (в печати).

22. Основы психодиагностики: учебное пособие / под ред. А.Г. Шмелева. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1996. – 544 с.

23. Постановление Президиума Российского психологического общества (7 июля 2008 г.). // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 99–101.

24. Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал / под ред. М.К. Акимовой. – М.: ООО «Исследовательская группа “Социальные науки”». 2007. – 136 с.

25. Ушаков, Д.В. Российская психодиагностика в канун перемен / Д.В. Ушаков, Ю.А. Денисова // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 41–43.

26. Шмелев, А.Г. Методы оценки уровня профессиональной подготовки психологов-диагностов / А.Г. Шмелев // Современная психодиагностика в изменяющейся России. Сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 108–111.

27. Шмелев, А.Г. Компьютеризация экзаменов: проблема защиты от фальсификаций / А.Г. Шмелев // Тезисы международной конференции «Информационные технологии в образовании». – М.: ИПИ РАН, 2001.

28. Шмелев, А.Г. Опыт применения компьютерного тестирования знаний при обучении студентов психологов / А.Г. Шмелев // Вестник МГУ. Психология. – 2002. – № 4.

29. Shmelyov, A.G. TESTAN: An integrated modular system for personality assessment and test development on MS-DOS personal computers / A.G. Shmelyov // Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. – 1996. – № 1. – P. 89–92.

Поступила в редакцию 5 мая 2009 г.

Шмелев Александр Георгиевич. Доктор психологических наук, профессор кафедры «Психология труда и инженерная психология» МГУ: ags04@ht.ru.

Alexander G. Shmelyov. Ph.D., Professor of Psychology, professor of chair «Psychology of work and engineering psychology», Moscow State University: ags04@ht.ru.

Науменко Анна Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» ЮУрГУ.

Anna S. Naumenko. Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair «Psychological testing and counseling», South Ural State University: anna-naumenko@inbox.ru.

Психология развития, акмеология

УДК 159.9.
ББК Ю9

ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

Н.Л. Васильева, В.Ю. Иванова, Р.В. Скочиллов, М.А. Полякова

Рассмотрена проблема поддержки личностного развития. Способом этой поддержки выбрано психолого-социальное сопровождение личностного развития. Для описания структуры психолого-социального сопровождения на различных уровнях общества выбрана экологическая модель, которая представлена в работе. Для реализации на практике психолого-социального сопровождения выбрана и описывается технология *case management* (ведение случая).

Ключевые слова: психолого-социальное сопровождение, личностное развитие, этапы онтогенеза, эмоциональные потребности.

Обзор литературы свидетельствует, что в настоящее время «психологическое сопровождение» признано эффективным способом гармонизации личностного развития на всех этапах онтогенеза (Альшанина, 2004; Голованова, 2004; Осухова Н., 2005). Проведенный анализ показывает, что термин «сопровождение» прочно вошел в профессиональную жизнь психологов. Наиболее публикуемым является мнение о том, что сопровождение представляет собой систему организационных, диагностических, обучающих и развивающих мероприятий, направленных на создание оптимальных условий личностного развития (Битянова, 2000; Яничева, 1999 и др.). Цель психолого-социального сопровождения – предотвращение возникновения личностных нарушений или остановок в личностном развитии, содействие в разрешении внутренних конфликтов личности и возобновлении личностного роста. Для достижения поставленной цели задачами сопровождения будут являться: как можно более раннее выявление проблем эмоционального плана, определение их объективных и субъективных причин и дальнейшая работа, направленная на восстановление / создание внешних и внутренних условий, необходимых для развития. Анализ литературы показал, что для обозначения «сопровождения» авторы пользуются различными словосочетаниями, например, «социальное сопровождение» или «психологическое сопровождение». Мы будем использовать тер-

мин «психолого-социальное сопровождение личностного развития», который отражает наше понимание сопровождения. Мы считаем, что сопровождение должно быть, в первую очередь, направлено на удовлетворение психологических потребностей развития личности на разных этапах онтогенеза, однако социальные потребности той группы населения, к которой принадлежит индивид, также необходимо учитывать. Термин «психолого-социальное сопровождение» снимает существующие противоречия в понимании сопровождения, которое рассматривается только как психологическая коррекция или только как социальная работа, обслуживающая потребности общества. В нашем же варианте учитываются оба аспекта: термин «психологическое» выражает связь сопровождения с развитием личности, а термин «социальное» – выражает связь сопровождения с социальной адаптацией индивидуума.

Анализ психологического сопровождения как технологии свидетельствует о том, что существует различное понимание этого процесса, начиная с ситуаций, когда специалистам по сопровождению и их деятельности отводилась минимальная роль в организации помощи, и, кончая случаями, когда эта роль становилась значительной. Н.В. Афанасьева (2006) выделяет две модели сопровождения, существующие в настоящее время в практике:

– индивидуально-ориентированное сопровождение (объект наблюдения – ребёнок);

– системно-ориентированное (объект сопровождения – класс, группа, образовательный процесс, среда образования в целом).

В Российской Федерации в настоящий момент не существует единой организации (или системы организаций), которая могла бы выполнять все вышеперечисленные функции. Система сопровождения достаточно разрознена, отдельные структуры мало связаны друг с другом. Тем не менее, отмечаются попытки упорядочивания всех действующих в настоящее время центров с последующей организацией их в единое целое.

В настоящее время система сопровождения включает в себя:

- психологические службы, в т.ч. в образовательных учреждениях;
- службы психолого-медико-социально-правовой помощи;
- психолого-педагогические и медико-социальные центры (ППМС) для детей от 3-х до 18 лет;
- психолого-педагогические и медико-социальные консилиумы (ПМПк);
- психолого-педагогические и медико-социальные комиссии (ПМПК);
- научные учреждения и подразделения высших учебных заведений.

В англо-американской традиции для обозначения «сопровождения» используется термин «client management» или «case management» (дословно – «ведение клиента» или «ведение случая»). «Ведение случая» является на сегодняшний день одной из центральных технологий работы с клиентом за рубежом (Standards For HIV/AIDS Case Management, 2006; Vanderplasschen et al., 2007; Hesse et al., 2007; Loveland and Boyle, 2007), а также активно внедряется в Российской Федерации (см. Шаболтас и др., 2008; Левченко и др., 2008). В большинстве стран мира такая технология работы с клиентом возникла для того, чтобы преодолеть разобщенность существующей системы социальной защиты и обеспечить качественное, последовательное предоставление помощи клиентам.

Отличительной чертой сопровождения как принципа организации обслуживания клиентов является индивидуальная ответственность специалиста, ведущего случай. В настоящее время в общемировой практике сопровождение понимается как клиент-центрированная стратегия работы для улуч-

шения координации и непрерывность оказания услуг, особенно для людей в сложных жизненных ситуациях, а также как совместный процесс оценки, планирования, защиты прав клиента и помощи в получении доступа к необходимым услугам для удовлетворения потребности личности через взаимодействие и опору на доступные ресурсы, для достижения качественных, целесообразных результатов в поддерживающей, эффективной, действенной и экономичной манере (Case Management Society of America, 2002; Vanderplasschen et al., 2007; Hesse et al., 2007; Huber, 2007).

В современной иностранной литературе описано несколько моделей и субмоделей сопровождения. Они отличаются по нескольким факторам: целевая аудитория, среда, роль специалиста по социальному сопровождению и набор предлагаемых услуг, а также количеству клиентов на одного специалиста по социальному сопровождению (Vanderplasschen et al., 2007; Loveland and Boyle, 2007; Huber, 2007). Основными и наиболее часто упоминаемыми моделям являются:

1. Модель посредничества (brokerage / generalist case management model) – сфокусирована на том, чтобы «связать» клиента с необходимыми ему «ресурсными центрами», которые обычно находятся за пределами организации, предоставляющей услуги сопровождения. В данной модели взаимоотношения между специалистом по социальному сопровождению и клиентом ограничены, поскольку задача специалиста по социальному сопровождению состоит лишь в определении потребностей клиента и направлении его к поставщикам услуг, чаще всего взаимодействие с клиентом ограничивается одним-двумя контактами. Охват клиентов при использовании данной модели, как правило, является высоким (например, 25:1, 100:1). Специалист по социальному сопровождению несет ответственность за оценку потребностей клиента и за выполнение плана сопровождения (Mueser et al., 1998; Woodside and McClam, 2002).

2. Модель полной поддержки / модель интенсивного социального сопровождения (assertive community treatment / intensive case management model) – строится на фундаментальных принципах социального сопровождения с использованием интегрированной мультидисциплинарной команды поставщиков услуг. В данной группе моделей редко используется система направлений в другие

службы – большинство услуг оказывает сама организация, предоставляющая социальное сопровождение. Модель интенсивного социального сопровождения (ИСМ) является разновидностью модели полной поддержки (АСТ), и во многих программах, работающих в модели ИСМ, оказываются большинство услуг АСТ, но не все. Так, например, в ИСМ-программах в мультидисциплинарной команде поставщиков услуг могут отсутствовать медсестра и психотерапевт (Loveland and Boyle, 2007). Роль специалиста по социальному сопровождению в этой группе моделей заключается не только в координировании процесса, но и в выполнении других функций: вмешательство в кризисную ситуацию, ведение переговоров и защита клиента при получении им услуг в других организациях, информирование и консультирование клиента, оказание психологической помощи как самим клиентам, так и членам их семей. Охват клиентов при использовании данной модели, как правило, является небольшим (от 10:1 до 20:1) (Stein and Test 1980; Hangan, 2006; Loveland and Boyle, 2007).

3. Клиническая / реабилитационная модель (clinical / rehabilitation case management model) – взаимодействие между специалистом по социальному сопровождению и клиентом заключается не только в содействии получения доступных ресурсов и услуг, а также основано непосредственно на клинических и/или реабилитационных мероприятиях, которые могут включать психотерапию для клиента и его семьи. (Kanter, 1989; McLellan et al. 1999).

4. Модель сильных сторон (strengths-based case management model) – строится на выявлении сильных сторон клиента. Определяя сильные и слабые стороны клиента, специалист по социальному сопровождению помогает преодолеть барьеры, которые мешают клиенту самостоятельно функционировать в сообществе. Большое значение в данной модели уделяется первоочередному использованию неформальных сетей помощи (таких как, группы самопомощи, ресурсы местного сообщества). Когда барьеры успешно преодолены, взаимоотношения со специалистом по социальному сопровождению становятся менее интенсивными, в основном контакты происходят уже за пределами офиса специалиста по социальному сопровождению, в местах пребывания клиента (Vaughan-Sarrazin, et al., 2000; Siegal et al., 2002).

Итак, существуют различные технологии сопровождения клиента. Однако, независимо от способа организации сопровождения, специалист, работающий в данной области, должен гарантировать клиенту:

- непрерывность процесса оказания услуг;
- полное соответствие этих услуг нуждам и потребностям клиента с учетом их изменений в различные периоды его жизни;
- доступ к необходимым услугам, преодоление трудностей, связанных с реализацией прав человека;
- соответствие предлагаемых услуг нуждам клиента, своевременность и качество их предоставления.

Мы считаем технологию «ведения случая» (case management) наиболее подходящей для реализации психолого-социального сопровождения на практике. Принцип непрерывности оказания помощи созвучен нашей идее сопровождения человека на всем пути личностного развития.

Исходя из принятого нами понимания психолого-социального сопровождения как поддержки одновременно и индивидуального личностного развития, и потребностей социума, к которому принадлежит индивид, нам важно было описать различные уровни сопровождения. Проведенное исследование, однако, показало, что большинство моделей сопровождения описывают стратегию на уровне отдельного учреждения (как правило, образовательного). Поэтому важно найти полноценный базис для описания областей применения модели психолого-социального сопровождения личностного развития на различных уровнях функционирования общества.

Анализ современной отечественной и зарубежной литературы позволил выделить такую модель. Ею мы считаем экологическую модель – модель «человек – окружающая среда». Важность экологических моделей в социальных науках состоит в том, что они фокусируют внимание сразу на двух уровнях: на индивидуальных (личностных) факторах и на факторах социального окружения, как на цели воздействия на уровень здоровья. Это обращает нас к значимости вмешательств, направленных на изменение в межличностной, организационной, общественной политике и в политике сообществ. Эта модель предполагает, что соответствующие изменения в социальной среде приведут к изменениям индивидуальным, и что индивидуальная поддержка

людей в обществе необходима для осуществления изменений в среде. Мы присоединяемся к данной точке зрения и утверждаем, что при разработке модели психолого-социального сопровождения необходимо рассматривать взаимовлияние окружающей среды и индивида.

При использовании экологического подхода окружающую среду необходимо разделить на несколько уровней, которые будут использованы как отправные точки для анализа и оценки различных факторов, оказывающих влияние на данную структуру. При осуществлении соответствующих вмешательств необходимо не только учитывать выявленные факторы, но и уровень, на котором предложена интервенция, и как она согласована с тем, что осуществляется на других анализируемых уровнях экологической модели (McLeroy et al., 1988). В работах Брофенбреннера была предложена четкая и структурированная модель, в которой было уделено внимание и поведению, и его индивидуальным детерминантам, и детерминантам окружающей среды с экологической точки зрения (Brofenbrenner, 1979). В экологической модели Брофенбреннера рассматриваются микро-, мезо-, экзо- и макросистемы как уровни окружающей среды, оказывающие влияние на поведение. К микросистеме относится влияние, оказываемое на индивида непосредственно при взаимодействии внутри конкретной семьи, неформальной социальной сети, или рабочего коллектива. Мезосистема включает в себя взаимодействия между системами микросистем, в которые индивид включен. Данная система может включать в себя семью, школу, сверстников и церковь. К экзосистеме относятся процессы, возникающие в большей социальной структуре, в которой находится индивид. Например, это может быть уровень безработицы, который влияет на экономическую стабильность. Макросистема включает в себя влияние социальных или культуральных норм, религиозных убеждений, ментальности, которые воздействуют как на микро-, так и на макро-системы (Brofenbrenner, 1977, 1979).

Для описания возможных областей применения модели психолого-социального сопровождения личностного развития на различных уровнях функционирования общества и факторов, влияющих на нее, мы применили модифицированную экологическую модель Брофенбреннера с учетом работ других исследователей (McLeroy et al., 1988; Winett

et.al., 1989; Stokols, 1996; Sallis and Owen, 2002). По результатам анализа существующей литературы представляется возможным предложить следующие факторы, которые оказывают влияние на разработку и внедрение модели психолого-социального сопровождения личностного развития.

1. Интраперсональные факторы – такие характеристики личности как знания, установки, поведение, самооценка, навыки и т.д. Данные факторы включают в себя историю развития личности.

2. Интерперсональные процессы и первичные группы – формальные и неформальные социальные сети и системы социальной поддержки, включающие в себя семью, рабочий коллектив, ближайшее окружение.

3. Институциональные факторы – социальные институты с организационными характеристиками, формальные и неформальные правила и нормативы, принятые в данной деятельности.

4. Факторы на уровне сообщества – взаимоотношения между организациями, институтами, и неформальными социальными сетями.

5. Факторы на уровне государственной политики – законы и законодательные акты, а также установки на уровне местного самоуправления, региональной политики и политики государства.

Анализ данных факторов, оказывающих влияние на разработку и внедрение модели психолого-социального сопровождения личностного развития, позволяет сфокусировать наше внимание как на индивидуальных (личностных) факторах, так и на факторах окружающей среды. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать нам комплекс вмешательств, направленных на изменения на уровне индивида, на межличностном уровне, на институциональном уровне, на уровне сообществ и на уровне государственной политики.

В предложенной стратегии применения модели психолого-социального сопровождения личностного развития на различных экологических уровнях функционирования общества (на уровне индивида, на межличностном уровне, на институциональном уровне, на уровне сообществ и на уровне государственной политики) позитивные социальные перемены могут быть достигнуты только благодаря преобразовательной деятельности, осуществляемой одновременно на всех уровнях. Причем в идеале преобразования, происходящие на разных уровнях, должны быть связаны

единой логикой. В настоящее время психолого-социальное сопровождение развития личности на разных уровнях осуществляется без учета взаимовлияния данных уровней. Более того, даже внутри названных уровней не существует четкой и единой логичной системы в осуществлении преобразовательной деятельности. Поэтому для осуществления программ психолого-социального сопровождения мы предлагаем экологическую модель

Итак, теоретический анализ позволил получить знания обобщающего характера о технологии психолого-социального сопровождения личностного развития. Для описания структуры сопровождения была выбрана экологическая модель. Использование экологического подхода предоставляет возможность рассмотрения и сопоставления различных уровней сопровождения, начиная с сопровождения отдельного индивидуума, и заканчивая уровнем государственной политики в области сопровождения. Для реализации психолого-социального сопровождения на практике нами была выбрана технология «ведения случая» (case management), которая позволяет рассмотреть прохождение по структурам сопровождения.

Литература

1. Альшианина, Е.И. Психологическое сопровождение воспитательного процесса / Е.И. Альшианина // *Классный руководитель*. – 2004. – № 2. – С. 107–115.
2. Афанасьева, Н.В. Комплексное сопровождение детей в учреждениях образования / Н.В. Афанасьева // *Управление образованием*. – 2006. – № 11. – С. 28–36.
3. Битянова, М.Р. Организация психологической работы в школе / М.Р. Битянова. – М.: «Генезис», 2000. – 298 с.
4. Голованова, Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка: учебное пособие для студ. вузов / Н.Ф. Голованова. – СПб.: «Речь», 2004. – 272 с.
5. Левченко, Ю.С. Опыт проведения когортного исследования, направленного на оценку эффективности превентивной поведенческой программы для потребителей инъекционных наркотиков в Санкт-Петербурге / Ю.С. Левченко, Р.В. Скочлов, А.В. Шаболтас и др. // *Русский журнал СПИД, рак и общественное здоровье* – 2008. – Т. 12. – № 2.
6. Осухова, Н. Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации / Н. Осухова // *Школьный психолог*. – 2005. – № 9. – С. 2–16.
7. Шаболтас, А.В. Индивидуальное сопровождение ВИЧ-инфицированных потребителей наркотиков / А.В. Шаболтас, Р.В. Скочлов, А.П. Козлов; под ред. Л.А. Цветковой, Н.С. Хрустальной // *Ананьевские чтения-2008: материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения-2008»*. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. – С. 796–797.
8. Яничева, Т. Психологическое сопровождение деятельности школы. Подход. Опыт. Находки / Т. Яничева // *Журнал практического психолога*. – 1999. – № 3. – С. 101–119.
9. Brofenbrenner, U. *Toward an Experimental Ecology of Human Development* / U. Brofenbrenner // *American Psychologist*. – 1977. – № 32. – P. 513–531.
10. Brofenbrenner, U. *The Ecology of Human Development* / U. Brofenbrenner. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1979.
11. Case Management Society of America. *Standards of practice for case management*. – Little Rock, AR, 2002.
12. Hangan, C. *Introduction of an intensive case management style of delivery for a new mental health service* / C. Hangan // *International Journal of Mental Health Nursing*. – 2006. – № 15. – P. 157–162.
13. Hesse, M. *Case management for persons with substance use disorders* / M. Hesse, W. Vanderplasschen, R.C. Rapp, E. Broekaert, M. Fridell // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2007. – Issue 4. – Art. No.: CD006265. DOI: 10.1002/14651858.CD006265.pub2.
14. Huber, D.L. *The diversity of case management models* / D.L. Huber // *Lippincott's Case Management*. – 2007. – November / December. – P. 248–255.
15. Kanter J. *Clinical case management: definition, principles, components* / J. Kanter // *Hospital and Community Psychiatry*. – 1989. – № 40 (4). – P. 361–368.
16. Loveland, D. *Intensive Case Management as a Jail Diversion Program for People with a Serious Mental Illness: a Review of the Literature* / D. Loveland, M. Boyle // *J. Offender The Comp. Criminol.* – 2007. – № 51. – P. 130.
17. McLellan, A.T. *Does clinical case management improve outpatient addiction treatment?* / A.T. McLellan, T.A. Hagan, M. Levine et al. //

Drug and Alcohol Dependence. – 1999. – № 55. – P. 91–103.

18. McLeroy, K. *An Ecological Perspective: On Promotion Programs* / K. McLeroy, D. Bibeau, A. Steckler, K. Glanz // *Health Education of Community Quarterly*. – 1988. – № 15. – P. 351–377.

19. Mueser, K. *Models of community care for severe mental illness: a review of research on case management* / K. Mueser, G. Bond, R. Drake, S. Resnick // *Schizophrenia Bulletin*. – 1998. – № 24. – P. 37–74.

20. Sallis, J. *Ecological Models of Health Behavior* / J. Sallis, N. Owen // *Health Behavior and Health Education: Theory, Research, and Practice* / K. Glanz, B.K. Rimer, F.M. Lewis – Jossey-Bass, San Francisco, 2002.

21. Siegal, H.A. *Case management as a therapeutic enhancement: impact on post-treatment criminality* / H.A. Siegal, L. Li, R.C. Rapp // *Journal of Addictive Diseases*. – 2002. – № 21 (4). – P. 37–46.

22. *Standards for HIV/AIDS Case Management*. – New York State Department of Health AIDS Institute, 2006.

23. Stein, L.I. *Alternative to mental hospital*

treatment: conceptual model, treatment program and clinical evaluation / L.I. Stein, M.A. Test // *Archives of General Psychiatry*. – 1980. – 37 (4). – P. 392–397.

24. Stokols, D. *Translating Social Ecological Theory into Guidelines for Health Promotion* / D. Stokols // *American Journal of Health Promotion*. – 1996. – №10. – P. 282–298.

25. Vanderplasschen, W. *Effectiveness of Different Models of Case Management for Substance-Abusing Populations* / W. Vanderplasschen, J. Wolf, R. Rapp, E. Broekaert // *Journal of Psychoactive Drugs*. – 2007. – № 39(1). – P. 81–95.

26. Vaughan-Sarrazin, M.S. *Impact of Iowa case management on use of health services by rural clients in substance abuse treatment* / M.S. Vaughan-Sarrazin, J.A. Hall, G.S. Rick // *Journal of Drug Issues*. – 2000. – № 30 (2). – P. 435–463.

27. Winett, R. *Health psychology and public health: an integrative approach* / R. Winett, A. King, D. Altman. – NY: Pergamon, 1989.

28. Woodside, M. *Generalist Case Management: A Method of Human Service Delivery* / M. Woodside, T. McClam. – Florence: Thomson Learning, 2002.

Поступила в редакцию 20 июня 2009 г.

Васильева Нина Леонидовна. Доктор психологических наук, доцент факультета психологии СПбГУ: niavasilyeva@yandex.ru.

Nina L. Vasilyeva. PsyD, docent of faculty of psychology, St.Petersburg State University: niavasilyeva@yandex.ru.

Иванова Валентина Юрьевна. Кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии СПбГУ: iva170171@yandex.ru.

Valentina Y. Ivanova. Candidate of psychological sciences, assistant of professor of faculty of psychology, St.Petersburg State University: iva170171@yandex.ru.

Скочилов Роман Владимирович. Кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии СПбГУ: roman.skochilov@gmail.com.

Roman V. Skochilov. Candidate of psychological sciences, assistant of professor of faculty of psychology, St.Petersburg State University: roman.skochilov@gmail.com.

Полякова Мария Анатольевна. Аспирант факультета психологии СПбГУ: mysua@mail.ru.

Maria A. Polyakova. Post-graduate student of faculty of psychology, St.Petersburg State University: mysua@mail.ru.

МОДЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ

И.А. Тишевой

Автором разработана программа обучения беременных женщин и последующего психологического сопровождения взаимодействия в ситуации грудного вскармливания, осуществляемого в рамках подхода «Руководство взаимодействием». Реализация программы в женских консультациях позволила увеличить продолжительность грудного вскармливания, повысить компетентность матерей в понимании поведения младенцев, как в ситуации кормления, так и при других видах взаимодействия и увеличила их удовлетворенность материнством.

Ключевые слова: психологическое сопровождение грудного вскармливания, раннее детско-родительское взаимодействие.

Грудное вскармливание является общепризнанным фактором, который обеспечивает психологическое и соматическое здоровье матери и ее ребенка [1, 9, 26], а также является залогом развития между ними гармоничных детско-родительских отношений [14, 25]. Стремление акушеров и педиатров поддерживать лактацию максимально длительно обусловлено как оптимальностью состава грудного молока, так и важностью для матери и ребенка самого процесса кормления. Однако в популяционном масштабе усилия специалистов, направленные на увеличение распространенности грудного вскармливания младенцев до сих пор не принесли значимых результатов. Результаты исследования в нашей стране, проведенного на достаточно большой популяции детей, показали, что на грудном вскармливании до 3 месяцев находились 78 % детей, до 6 месяцев – всего 54 % младенцев; при этом не получали никаких дополнительных продуктов питания в первое полугодие всего 15 % детей. Средние сроки дополнительного ведения питья составили для воды и чая 3,2 мес., для фруктовых и овощных соков – 3,9 мес. [5]. Результаты другого, мультицентрового исследования особенностей вскармливания детей в основных регионах Российской Федерации, проведенные под эгидой НИИ питания РАМН, обнаружили значительное (до 30 %) уменьшение распространенности грудного вскармливания в период с 3 до 6 месяцев [3]. Все это, с одной стороны, свидетельствует о сложностях работы по сохране-

нию грудного вскармливания в рамках преобладающей в России медицинской парадигмы, а с другой стороны, требует разработки новых моделей работы в данном направлении. Наиболее перспективной в данном контексте является модель, основывающаяся на психологии материнства и младенчества, учитывающая систему ценностей и отношений в семье, уровень родительской компетентности в вопросах ухода, кормления и воспитания ребенка, определяющих характер взаимодействия с младенцем, в том числе в ситуации кормления.

Сложившаяся в 30-е годы в ходе индустриализации в Советском Союзе практика широкого привлечения женщин к производственной деятельности способствовала разрушению традиций семейного воспитания детей. Коснулось это и представлений о должном характере организации ухода и вскармливания младенцев, сочетающихся с начальными этапами воспитания детей. Из частных, регулируемых традициями семьи и данной культуры, эти вопросы превратились в социально-производственные и подверглись значительной медицинизации и идеологизации [17]. Это во многом определило идеологию и организацию системы помощи матерям и младенцам, вынуждавших матерей больше верить не своим чувствам и интуиции, а мнению специалистов (чаще всего медицинского профиля, не имевших, да и сейчас обычно не имеющих, достаточной психологической подготовки). Такая практика привела к кризису понимания в обществе важности раннего со-

циально-эмоционального опыта ребенка для его нормального психологического развития. Практика «распределения молодых специалистов», способствовавшая отрыву молодых родителей от влияния представителей старшего поколения, являющихся носителями традиций семейного воспитания, обусловила, на наш взгляд, особую остроту проблемы закладки в младенчестве основ гармоничных детско-родительских отношений в крупных промышленных центрах.

Следствием всех социальных, политических и экономических пертурбаций в нашем обществе стало значительное уменьшение распространенности благоприятных паттернов материнского поведения уже с первых месяцев жизни младенцев. Общеизвестно, что именно качество материнской заботы является залогом гармоничного психологического развития ребенка в младенчестве [24]. В связи с этим огорчает, но не удивляет то факт, что «отрыв» государством матери от ребенка, от детей проявился в значительном уменьшении распространенности в нашей детской популяции безопасной надежной привязанности до 6 % [13]. Учитывая среднестатистический аналогичный показатель, полученный на 32 выборках, исследованных в разных странах мира, равный 65 % [4, с. 144], можно говорить о десятикратной разнице!

На сегодняшний день реальность, на наш взгляд, свидетельствует о том, что отсутствие достаточного опыта экологичного, самодостаточного взаимодействия с ребенком у нескольких поколений родителей, в первую очередь, матерей, значительно деформировало представления о младенце, его потребностях и возможностях во многих семьях. Наш опыт пренатальной подготовки беременных свидетельствует о том, что большинство беременных женщин и их мужей искренне уверены, что младенец «сначала ничего не понимает», что «пока он немного не подрастет, его бесполезно воспитывать». Одновременно наблюдается преобладание установок на заботу о телесном здоровье ребенка, удовлетворение его биологических потребностей (в чистоте, тепле и питании), без знания и учета социальных потребностей ребенка. При ответах на вопрос о том, что они должны дать своему ребенку, родители чаще вспоминают о материальных факторах развития, и не задумываются о том, что не менее важно и то, кто и в какой манере будет предоставлять эти факторы (тепло, питание, купание и проч.). Между

тем, заботиться о ребенке можно по-разному, действия мамы могут выглядеть в глазах ребенка и как проявление любви, и как одолжение или снисхождение. Понятно, это приводит к формированию у ребенка различных «рабочих моделей матери» [2], и отражается в характере его отношений к ней [14].

В связи с этим представляется весьма актуальным оказание помощи родителям по оптимизации раннего детско-родительского взаимодействия и взаимоотношений матери и младенца. Налаживание системы такой помощи является, безусловно, сложной социальной, психологической, педагогической и медицинской проблемой, требующей междисциплинарного взаимодействия и комплементарности усилий специалистов разных профилей, в том числе и психологов.

Шаги по оптимизации раннего детско-родительского взаимодействия должны предприниматься как можно раньше, когда у родителей не сложились неблагоприятные репрезентации младенцев и основанные на них устойчивые стереотипы ухода и воспитания детей. На наш взгляд, наиболее очевидным и первоочередным на сегодняшний день шагом в данном направлении может стать оптимизация взаимодействия матерей с младенцами в ситуации кормления грудью. Грудное вскармливание является первым видом регулярного взаимодействия матери и ребенка, в котором эндогенные факторы, регулирующие поведение ребенка (в данном случае пищевое), модулируются экзогенными факторами, обусловленными поведением матери. В процессе такого взаимодействия происходит не только «подстройка» матери и ребенка друг к другу (определение характерной для данной пары степени симметрии между поведением партнеров и интерактивной последовательности) [25], но формируются представления матери о ребенке [14, 25] и ребенка о матери (репрезентация обобщенного взаимодействия с матерью [14]). Сформированные таким образом рабочие модели себя и партнера определяют ментальные репрезентации матери и ребенка друг о друге, которые будут использоваться позднее при налаживании других видов поведения (игра, отход ко сну), а также влияют на формирующуюся привязанность младенца к матери.

К сожалению, сегодняшние медицинские программы, ориентированные на увеличение распространенности грудного вскармливания, не ориентируются на современные знания

психологии развития младенчества. С одной стороны этому препятствует низкий уровень компетентности медицинских работников по вопросам психологии, а с другой – сложность привлечения для работы с беременными и семьями, воспитывающими младенцев, психологов, специализирующихся на раннем детско-родительском взаимодействии. Между тем, «современные данные о развитии человека в младенчестве и раннем возрасте и соответствующие теоретические обобщения позволяют по-новому взглянуть на все общественные системы обслуживания детей первых месяцев и лет жизни, перейти к практике создания междисциплинарных экологически ориентированных программ обслуживания младенцев и их семей» [8, с. 8]. К числу таких программ могут и должны быть отнесены программы, ставящие своей целью поощрение и поддержание грудного вскармливания.

Соответственно, наиболее адекватным задачам психологической работы по увеличению распространенности естественного вскармливания как залога повышения коммуникативной компетентности матери и ребенка, является системный подход. Данный подход предполагает, что объектом воздействия в большинстве случаев, так или иначе, является система «мать – дитя» при учете важности и более широких семейного и социального контекстов. Работа с системой «мать – дитя» требует и системности в работе, то есть единства теоретического осмысления процессов раннего развития ребенка, единства методологических подходов, преемственности и взаимодополнения усилий медицинских работников (акушеров-гинекологов, педиатров и среднего медицинского персонала), психологов, консультантов по грудному вскармливанию из числа волонтеров, членов групп поддержки грудного вскармливания. Перечисленные специалисты могут сосредотачивать свои усилия на разных частях системы «мать – дитя» («мишени» вмешательства):

- на внешнем поведении матери (при осуществлении руководства взаимодействием матери с ребенком);

- на представлениях матери о ребенке и о себе в роли матери, о роли отца в организации быта и воспитания ребенка, о полезном для ребенка виде вскармливания и т. п.;

- на внешнем поведении младенца;

- на внутренних репрезентациях младенца, формирующихся в ходе и результате взаимодействия со взрослыми;

- на внешнем поведении и репрезентациях отца и других близких родственников (бабушек, дедушек и др.).

Говоря о психологической составляющей работы с кормящими матерями, младенцами и членами их семей, необходимо отметить сложившийся в российской практике явный дисбаланс в соотношении модели «поддержки» и модели «сопровождения», основанных, соответственно, на казуальном и симптоматическом подходе в работе с семьей [11, 12]. Как подчеркивает Р.В. Овчарова [11, 12], поддержка и сопровождение в работе психолога являются двумя сторонами одной медали, они связаны общностью целей и ориентацией на единые законы развития психики. Различие заключается в том, что при модели «поддержки» работа осуществляется с уже свершившимся неблагополучием, в то время как при модели «сопровождения» ведется работа по созданию условий, позволяющих предотвратить возникновение проблем. Говоря языком профилактической медицины, речь идет, соответственно, о вторичной и первичной профилактике проблем, связанных с организацией грудного вскармливания.

В данном контексте весьма важным представляется вопрос о специфике представлений специалиста (психолога, врача, социального работника или консультанта по грудному вскармливанию) о младенцах и их матерях как объекта помощи. При работе с преобладанием подхода по поддержке грудного вскармливания, реализуемого в нашей стране врачами и консультантами по грудному вскармливанию [6], специалист пользуется «рабочей моделью» «клинического младенца» [14], в которую входят воспоминания,отреагированные переносы и теоретические представления специалиста и родителей о возможных причинах нарушения. Использование «клинической» модели младенца и его взаимоотношений и взаимодействий с матерью позволяет специалисту охватить большую клиническую реальность, на основании которой он может давать рекомендации по улучшению взаимодействия матери с ребенком в ситуации кормления. Однако в отношении здоровых детей, а грудное вскармливание изначально предполагает в целом нормальное развитие ребенка, общие рекомендации родителям о том, как избавиться от проблем с питанием младенца, будут выглядеть как слишком общие. Родители о таких рекомендациях врачей говорят: «Сказал, что все нормально, а что мне делать,

чтобы проблем не возникало – нет!». Для индивидуализации рекомендаций и перевода мышления родителей о ребенке из медицинского контекста в контекст развития, представляется более полезным ориентироваться на модель «наблюдаемого младенца» по терминологии Д.Н. Стерна [14], основанную на наблюдении за конкретным младенцем и его матерью и общепринятой в психологии развития. Такая модель представления младенца может сформироваться только в ходе психологического сопровождения его развития, но она будет полнее отражать специфические проблемы именно данного младенца. Эта модель позволяет специалисту повысить эффективность его работы по оптимизации взаимодействия матери с ребенком в целом, основываясь на формирующихся у матери в ситуации кормления представлениях о ребенке, его потребностях и коммуникативных возможностях.

Таким образом, использование в качестве базовой модели работы по сохранению естественного вскармливания среди младенцев модели психологического сопровождения, позволяет переводить решение этой задачи в перспективу, трансформируя и осмысливая ее в контексте общего психологического развития ребенка в процессе раннего социально-эмоционального взаимодействия. В ходе психологического сопровождения грудного вскармливания решение актуальных проблем, с которыми могут сталкиваться родители в процессе налаживания и сохранения грудного вскармливания, может опираться на модель поддержки грудного вскармливания. Последняя на сегодняшний день хорошо отработана в рамках медицинского подхода и консультативного подхода, осуществляемого специалистами без медицинского образования (консультантами по грудному вскармливанию [6], и волонтерами групп поддержки грудного вскармливания [15, 16].

Реализуемая в Челябинске и Челябинской области программа по поддержке грудного вскармливания осуществляется в виде новой для системы здравоохранения организационной формы – областного детского центра рационального питания (ОДЦРП) [18, 19]. Основной целью, стоящей перед ОДЦРП, является организация рационального питания детей младенческого и раннего детского возраста, причем не только с точки зрения диетологии, но и с позиций психологии развития, за счет оптимального взаимодействия матери с ребенком в ситуации кормления. Одним из

результатов работы ОДЦРП стало создание районных и городских центров рационального питания в г. Челябинске и районных центрах. Работа по распространению естественного вскармливания среди младенцев в них организована, в основном, силами медицинских работников по модели «поддержки». Однако в тех больницах, в штате которых работают психологи, специализирующиеся на вопросах перинатального сопровождения и раннего детства, появилась возможность реализации модели психологического сопровождения грудного вскармливания [20].

Одной из базовых площадок отработки новых программ работы по распространению грудного вскармливания в Челябинске является МУЗ ГБ № 9 г. Челябинска, где совместными усилиями психологов и врачей с 2007 года осуществляется программа психологического сопровождения грудного вскармливания. В рамках данного проекта работа психолога направлена на создание условий для удовлетворения потребностей социально-эмоционального развития младенцев и является, по существу, работой по реализации программы раннего вмешательства [8].

Методологической основой программы сопровождения грудного вскармливания является рассмотрение развития ребенка в системе отношений с близким взрослым [14], теория формирования моделей отношений привязанности ребенка [2, 7, 21, 22, 23], и связанное с этими концепциями представление о психическом здоровье ребенка.

Вмешательство направлено, в основном, на матерей, выступающих с первых дней жизни ребенка в качестве организатора детско-родительского взаимодействия, в том числе и в ситуации кормления. Начало вмешательства приходится на 32 неделю беременности, завершается оно после прекращения грудного вскармливания (обычно в возрасте около года). В случае активного участия в организации ухода за младенцем отца или бабушки, они также становятся мишенями воздействия.

Целью вмешательства является гармонизация поведения матери в ситуации кормления с учетом индивидуальных потребностей младенца, основанная на адекватном восприятии и реагировании на сигналы голода и насыщения, подаваемые ребенком, а также оптимизация игрового взаимодействия матери с ребенком в течение его первого года жизни.

Вмешательство состоит из нескольких двух блоков. Первый блок – информационный

– начинает осуществляться в общем ключе на этапе дородовой подготовки в рамках школы будущих матерей, а затем, после рождения ребенка, информация подается только применительно к конкретной паре и ее проблемам. В информационном блоке основными дидактическими единицами психологической подготовки матерей являются: закономерности формирования психики ребенка в младенческом и раннем детском возрасте, а также психологические аспекты пищевого поведения младенца (сигналы пищевого поведения младенца и соответствующее реагирование на них матери; психологические механизмы профилактики отказов младенцев от груди во время лактационного криза; взаимосвязь эмоционального и соматического компонентов в формировании чувства благополучия при взаимодействии в ситуации кормления ребенка и положительного фона общения его с матерью для реализации нормального пищевого поведения младенца).

Второй блок, вторая составляющая вмешательства представляет собой собственно психологическое сопровождение грудного вскармливания, основанное на методе руководства взаимодействием матери и ребенка в ситуации кормления. Данный блок включает в себя знакомство и психологическую диагностику женщины на предварительном этапе во время беременности, а также регулярные встречи с матерью и ее ребенком для видеосъемки взаимодействия матери с ребенком во время кормления с последующим разбором этого взаимодействия. Первый раз (по возможности) осуществляется съемка первого прикладывания в родильном зале и через 3–4 дня – в послеродовой палате. В последующем регулярные встречи с матерью и ребенком осуществляются 1 раз в месяц до достижения ребенком возраста 6 месяцев, рекомендуемого ВОЗ как минимально желательный период грудного вскармливания. Каждая встреча состояла из адаптационного периода (5–10 минут), во время которого осуществлялись обмен приветствиями и сбор анамнеза по проблемам организации питания, ухода и воспитания младенца с их обсуждением и предоставлением новой важной для данного возраста информацией. Затем производилась видеосъемка ситуации кормления (5–15 минут) и совместный просмотр видео матерью (родителями) и психологом. Во время разбора видео психолог помогал женщине оценить правильность техники кормления (прикладыва-

ние, регуляция кормления) и взаимодействие матери с ребенком (обмен сигналами, интерпретация поведения ребенка и возможных стратегий реагирования на него матери). В заключительной части встречи обсуждалась динамика в сравнении с предыдущим месяцем, проговаривались ближайшие перспективы физического и психологического развития ребенка, специалист отвечал на вопросы матери и согласовывал с нею дату последующей сессии. Общая продолжительность встреч обычно не превышала 50–60 минут.

В представленном исследовании проанализирована статистика эффективности работы по психологическому сопровождению грудного вскармливания по показателям его распространенности среди женщин, вскармливающих первенца. Возраст женщин был 19 до 37 лет ($26,5 \pm 0,7$), все женщины проживали в Ленинском районе г. Челябинска и получали медицинскую помощь по месту жительства. Была изучена распространенность грудного вскармливания в первом полугодии жизни ребенка в трех группах женщин. Первая группа женщин не посещала занятий в женской консультации по подготовке к родам и родительству. Вторая группа женщин с 32 недели беременности прошла стандартную подготовку, регламентированную приказом МЗ РФ №50 от 10.02.03. [10], а также психологическую подготовку к родительству (дидактическое содержание занятий см. выше, первый блок психологического вмешательства). Женщины из третьей группы ($n=60$) прошли дородовую подготовку, аналогичную подготовке во второй группе, но после родов согласились на сопровождение их на этапе грудного вскармливания ребенка. Для валидности сравнения результатов распространенности грудного вскармливания, при собирании анамнеза из женщин 1 и 2 групп в случайном порядке были выбраны по 60 женщин с младенцами в возрасте 1 года. Группы были примерно одинаковы по возрасту, образованию, семейному положению и медицинскому анамнезу (количество родов кесаревым сечением, балл, установленный детям при рождении по шкале Апгар и др.)

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программы SPSS 15.0 for Windows; использовался стандартный пакет описательной статистики, длительность периода исключительно грудного вскармливания в описанных трех группах сравнивалась с помощью Т-критерия. Кроме

того, рассчитывался процент женщин в группах, вообще не пользовавшихся заменителями грудного молока для докорма или искусственного вскармливания своих детей на первом году жизни.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что проведение описанных образовательных мероприятий позволило значительно увеличить период исключительно грудного вскармливания во 2 и 3 группах ($4,5 \pm 0,3$ и $4,8 \pm 0,2$, соответственно) в сравнении с 1 группой ($3,3 \pm 0,4$, $p < 0,03$). Это позволяет говорить о преимущественном выполнении матерями из 2 и 3 групп рекомендаций Института питания РАМН и ВОЗ о сохранении минимум до 4 месяцев чисто лактотрофного питания, обеспечивающего нормальное развитие младенца. Однако разная по продолжительности поддержка мотивации на правильную организацию вскармливания отразилась в значениях дисперсии показателя исключительно грудного вскармливания в группах: в первой группе он был самым большим – 3,36, во второй почти в 2 раза меньше – 1,84, а в третьей он был минимальным – 0,22. Показатель использования искусственных смесей для докорма или смешанного вскармливания младенцев также различен в трех группах. Меньше всего матерей, вообще не использовавших смесей, было в первой группе (30 %, что соответствует среднему показателю распространенности исключительно грудного вскармливания по России [3, 5]. Во второй группе таких женщин было 55 %, а в третьей – 81,2 %.

Приведенные данные позволяют говорить, что дополнение клинического (медицинского) подхода к сопровождению грудного вскармливания младенцев психологическим, основанным на методах психологии развития, позволяет значительно увеличить распространенность женщин, успешно вскармливающих своих детей грудью, не только обеспечивая им условия для нормального физического и психологического развития, но и формируя в своих семьях часто новые, а вернее, забытые старые традиции кормления и воспитания младенцев.

Литература

1. Абольян, Л.В. Значение исключительно грудного вскармливания для здоровья, физического и нервно-психического развития детей первого года жизни (на примере г. Волгоград) / Л.В. Абольян, Т.К. Бердикова, В.Е. Ломов-

ских и др. // Педиатрия. – 2005. – № 5. – С. 53–57.

2. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.

3. Конь, И.Я. Результаты мультицентрового исследования особенностей вскармливания детей в основных регионах Российской Федерации. Сообщение 1. Распространённость грудного вскармливания и факторы, влияющие на продолжительность лактации / И.Я. Конь, М.В. Гмошинская, Т.Э. Боровик и др. // Вопросы детской диетологии. – 2006. – Т.4. – №2. – С. 5–8.

4. Лафренье, П. Эмоциональное развитие детей и подростков / Питер Лафренье; Пер. с англ. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 256 с.

5. Макарова, В.И. Фактический рацион питания детей первого года жизни / В.И. Макарова, И.Т. Овчаренко, Г.Н. Кострова // Питание и здоровье: материалы IX Всероссийского Конгресса диетологов и нутриционистов. Москва, 2007. – С. 57–58.

6. Мальцева, И. Консультант по грудному вскармливанию / И. Мальцева // Домашний ребенок. – 2009. – № 2. – С. 68–71.

7. Мать, дитя, клиницист (новое в психоаналитической терапии) / под ред. G. Fava Vizzello, D.N. Stern; пер. с итал. – М., 1994. – 295 с.

8. Мухамедрахимов, Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие / Р.Ж. Мухамедрахимов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 288 с.

9. Нетребенко, О.К. Отдаленные последствия характера вскармливания детей на ранних этапах развития / О.К. Нетребенко // Педиатрия. – 2005. – № 5. – С. 29–32.

10. О совершенствовании акушерско-гинекологической помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Приказ министерства здравоохранения РФ №50 от 10.02.03. – 78 с.

11. Овчарова, Р.В. Психологическое сопровождение родительства / Р.В. Овчарова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.

12. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие / Р.В. Овчарова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

13. Плешкова, Н.Л. Особенности привязанности у детей в семьях и домах ребенка /

Н.Л. Плешкова, Р.Ж. Мухамедрахимов // Дефектология. – 2008. – № 2. – С. 37–44.

14. Стерн, Д.Н. Межличностный мир ребенка: взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития / Д.Н. Стерн. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. – 376 с.

15. Тишевой, И.А. Опыт подготовки волонтеров для групп поддержки грудного вскармливания г. Челябинска / И.А. Тишевой, О.В. Яворская, Л.Ф. Рыкун // Уральский медицинский журнал. – 2008. – № 7. – С. 66–69.

16. Тишевой, И.А. Роль групп поддержки грудного вскармливания в пропаганде принципов рационального питания младенцев / И.А. Тишевой, О.В. Яворская, Л.Ф. Рыкун, М.В. Шевченко, А.Ю. Рязанцева // Вопросы детской диетологии. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 68–73.

17. Черняева, Н. К вопросу о локальных историях. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации / Н. Черняева // Гендерные исследования. – 2004. – № 12. – С. 120–138.

18. Яворская, О.В. Некоторые результаты работы областного детского центра рационального питания в Челябинской области / О.В. Яворская, И.А. Тишевой // Вопросы детской диетологии. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 44–46.

19. Яворская, О.В. Областной детский центр рационального питания – новая организационная форма оптимизации питания

детей раннего возраста / О.В. Яворская, И.А. Огошкова, И.А. Тишевой // Вопросы современной педиатрии. – 2006. – Т. 5. – № 6. – С. 18–23.

20. Яворская, О.В. Психологическое сопровождение беременности, родов и раннего детства в муниципальных образованиях Челябинской области и его вклад в оптимизацию питания детей раннего возраста / О.В. Яворская, И.А. Тишевой, А.Ф. Завадская, Е.М. Попова // Вопросы практической педиатрии. – 2008 – Т. 3. – № 4. – С. 71–76.

21. Ainsworth, M.D.S. Infant-mother attachment / M.D.S. Ainsworth // Amer. Psychologist. – 1979. – №34 (10). – P. 932–937.

22. Ainsworth, M.D.S. Attachment as related to mother-infant interaction / M.D.S. Ainsworth // Advances in the study of behavior / J.B. Rosenblatt, R.H. Hinde, C. Beer, M. Bushell. – New York: Academic Press, 1979. – P. 1–51.

23. Ainsworth, M.D.S. An ethological approach to personality development / M.D.S. Ainsworth, J. Bowlby // American Psychologist. – 1991. – Vol. 46. – P. 333–341.

24. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby. – Geneva, 1951. – 166 p.

25. Kaye, K. Toward the Origin of Dialogue / K. Kaye // Studies in Mother-Infant Interaction // ed. by H.R. Schaffer. – London. – 1977. – P. 89–117.

26. Kramer, M.S. The optimal duration of exclusive breastfeeding. A systematic review / M.S. Kramer, R. Kakuma // Geneva, WHO, 2002. – 47 p.

Поступила в редакцию 7 июня 2009 г.

Тишевой Игорь Андреевич. Кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей психологии ЮУрГУ: i_tishevskoy@mail.ru.

Igor A. Tishevskoy. Candidate of medical science, docent of department of general psychology, South Ural State University: i_tishevskoy@mail.ru.

Специальная психология

УДК 616.89
ББК Ю984.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

О.Б. Конева

В статье раскрыты основные специфические особенности развития детей-сирот в различные возрастные периоды. Изучены причины нарушений межличностных отношений, причины социально-эмоциональных нарушений у детей-сирот с задержкой психического развития. Определены основные пути коррекции эмоционально-личностной сферы детей-сирот и представлены психокоррекционные технологии воздействия.

Ключевые слова: сиротство, депривация, депривационные нарушения, задержка психического развития, адаптация, социально-эмоциональные нарушения.

Статистические данные последнего времени говорят о неуклонном росте числа детей, оставшихся без родительского попечительства. Особенно растет количество так называемых «социальных» сирот, детей, родители которых по тем или иным причинам лишены родительских прав.

Понятие сиротства, а на сегодняшний день и социального сиротства в самом широком его понимании, неотъемлемо в современной психологической науке и практике от понятия психической депривации [1, с. 19–23]. В контексте понимания причин, вызывающих психическую депривацию у детей, можно перечислить следующие обстоятельства:

– сенсорная недостаточность (сенсорная депривация у слепых, глухих, слепоглухих детей, а также у слабовидящих и слабослышащих воспитанников детских домов вследствие недостатка разнообразной сенсорной стимуляции);

– ограничение двигательной активности (двигательная депривация у детей, страдающих нарушениями опорно-двигательного аппарата, долго болеющих);

– длительная разлука с матерью или ее недостаточная привязанность к ребенку (материнская депривация у детей-сирот, у детей матерей-«отказниц»).

Единого «депривационного синдрома», по мнению многих исследователей, не существует, так как проявления психической депривации могут охватывать всю шкалу психических отклонений – от легких особенно-

стей психического реагирования до очень грубых нарушений развития интеллекта и характера [2, с. 19–23]. Вместе с тем отмечены и довольно характерные симптомы, симптомокомплексы и синдромы, включающие:

- задержку и искажение интеллектуального развития;
- эмоциональные расстройства;
- волевые нарушения;
- коммуникативные нарушения;

Глубина и тяжесть депривационных нарушений индивидуально различаются в зависимости от срока наступления депривационного воздействия: чем раньше наступает сиротство, тем тяжелее круг депривационных расстройств. Исследования показывают, что для детей-сирот раннего возраста наиболее характерными являются расстройства эмоциональной сферы, неравномерное отставание умственного развития с нарушениями становления речи [7, 5, 3]. Для детей-сирот, потерявших родителей в более позднем возрасте (после 3-х лет и старше), депривация складывается из патологических, личностных реакций, неравномерного умственного развития [9, с. 12–17].

Ранняя психическая депривация, неблагоприятные условия содержания ребенка в дезинтегрированной семье, наследственная отягощенность в своей совокупности становятся теми факторами, которые обуславливают формирование личности детей-сирот [6, с. 51–53]. Помимо частых нарушений в интеллектуальном развитии, исследования от-

мечают выраженные нарушения в эмоционально-личностной сфере. Как правило, источником этих нарушений является ранняя депривация одной из базовых человеческих потребностей – потребности в любви, принятии и уважении. Последствия блокировки этой потребности разнообразны и, как правило, самым негативным образом отражаются на личностном развитии человека. Обедненность эмоциональных переживаний, неспособность тонко дифференцировать свои чувства, а также распознавать чувства других людей характеризует этих детей.

Исследования отмечают также превалирование отрицательных эмоций над положительными [10, с. 19–23]. При этом у очень многих детей выявлено рассогласование между общей характеристикой себя и наиболее часто переживаемыми ими эмоциями. Так, дети утверждают, что они чаще всего веселые или добрые, но при этом очень подробно описывают свою злость, обиды и стыд, однако затрудняются при описании радости и гордости.

Злость и обида – особенно хорошо знакомые эмоциональные состояния для воспитанников детского приюта. Они возникают у них часто, по отношению к родителям, воспитателям, учителям, другим детям и проявляются в довольно выраженных агрессивных действиях. Переживания радости у воспитанников связаны чаще всего с физическим удовольствием – удовольствием от купания, от катания на велосипеде. Некоторые дети испытывают радость, когда у них есть деньги или когда им что-либо покупают. Встречаются и неожиданные переживания радости. Так, девочка рассказывает, что она радуется, если мама сначала побила, потом пожалела, а затем вместе они смеялись. Опыт общения не является для таких детей источником радостных переживаний.

Депривация потребности в уважении и любви приводит также к формированию у детей, лишенных родительской заботы, низкого уровня самоуважения, низкого уровня самооценки. Как известно, потребность в самоуважении, в принятии самого себя считается на сегодняшний день важнейшим фактором нормального психического развития, неудовлетворение которой приводит к широкому ряду личностных и поведенческих нарушений вплоть до асоциального развития личности. Исследования эмоциональной сферы детей-сирот показывают, что дети с большим трудом говорят о том, что в них есть такого, чем бы они могли гордиться. Многие считают, что

гордость – это отрицательное качество, что это показатель зазнайства и практически всем им нужна была помощь для преодоления того, чем они могли бы гордиться в себе. Но и в этом случае ответы ограничивались названием своих умений, крайне редко назывались какие-либо качества личности.

Отсутствие родительского тепла и любви, особенно с раннего возраста, приводит зачастую к различного рода деформациям в развитии человека. Эмоциональная холодность, эмоциональная черствость, неспособность к эмпатии, эгоцентричность и эгоизм, несформированность базовых представлений о добре и зле порой выливается в крайних формах деструктивного поведения.

Остановимся на некоторых причинах социально-эмоциональных нарушений у детей-сирот с сенсорными отклонениями.

Обучение и воспитание детей-сирот с сенсорными, интеллектуальными и физическими нарушениями, как правило, происходят в условиях специального (коррекционного) образовательного учреждения интернатного типа.

Безусловно, дети-сироты в школах-интернатах оказываются изолированными от сверстников своей школы в свободные от учебы дни, каникулы (особенно летние).

Такая вынужденная «изоляция» приводит к нервным срывам; дети осознают свою «обделенность», «особость», хотя для них и организуются хорошие условия отдыха. Ребенок-инвалид, являющийся сиротой, в ранний чувствительный период развития лишен любви и ласки родных и близких. К моменту поступления в школу он осознает свою «ненужность» и даже «обреченность», что оказывает существенное отрицательное влияние на его психику, формирование социального статуса в обществе.

Как правило, дети-сироты-инвалиды физически ослаблены, имеют серьезные нарушения эмоционально-волевой сферы и это – «прибавка» к тем проблемам развития, которые обусловлены первичным дефектом. Дети-сироты-инвалиды страдают фобией пространства, нарушением общения по типу аутизма.

Лишенные опыта семейной жизни, выпускники-сироты школ-интернатов не способны адаптироваться к условиям самостоятельной жизни среди здоровых людей. Многие из них вынуждены проживать в интернатах социального обеспечения. Несмотря на выделение выпускникам-инвалидам жилплощади, материальную поддержку со стороны государства и школы (мебель, одежда, посуда, наконец,

пенсия), они, как правило, не могут адаптироваться к условиям самостоятельной жизни и возвращаются в интернат.

Видимо, в качестве «иждивенцев» общество и государство должно распространить социальную защиту не только на детей-инвалидов, но и на молодых людей-выпускников, лишенных попечения родителей. Неспособность распределять свой бюджет, нарушение общения с соседями по квартире и дому (большинство получает жилье в коммунальных квартирах), с коллегами по работе, студентами и др. приводят к тому, что молодой инвалид оказывается «за бортом жизни», становится «изгоем общества».

Нарушение эмоционально-волевой сферы развития инвалида, лишенного попечения родителей, его негативный, ограниченный жизненный опыт обуславливают необходимость психолого-медико-педагогического сопровождения не только в дошкольном возрасте, но и в первые годы самостоятельной жизни. В период пребывания школьника-инвалида-сироты в специальной школе, его следует обучить тем видам деятельности, которые будут способствовать социализации в обществе. В частности, в интернате для незрячих детей первостепенными задачами является их обучение необходимым культурно-бытовым навыкам и навыкам общения в соответствии и с учетом тех трудностей, которые обуславливаются степенью и характером сенсорного нарушения развития. Так, отсутствие зрения или его глубокое нарушение у ребенка и взрослого значительно затрудняют общение с окружающими. Трудности общения детей-сирот с нарушениями зрения осложняются негативным жизненным опытом, трудностями отражения предметного мира на суженной сенсорной основе. Нарушение общения сказывается на таких видах деятельности, как труд, обучение, познание, пространственная ориентировка и др. Эффективность психологического сопровождения коммуникативной деятельностью школьников – социальных сирот (инвалидов по зрению) достигается с помощью всех специалистов специальной школы-интерната, участвующих в учебно-восстановительном и коррекционно-развивающем процессе.

Причины социально-эмоциональных нарушений у детей-сирот с задержкой психического развития

Изучение детей, страдающих психофизиологическими и психосоматическими нарушениями, невротическими расстройствами,

трудностями в общении, умственной деятельности или в учебе, показывает, что все эти явления значительно чаще наблюдаются у тех, кому в детстве недоставало родительского внимания и тепла. В трудной ситуации ребенок начинает вести себя непредсказуемым образом. Л.С. Выготский, отмечая существование специфических закономерностей аномального развития, указывал на затруднения во взаимодействии с окружающими.

Показано, что дети с ЗПР имеют полные переживания: положительные и отрицательные. Дифференцированных тонких оттенков переживаний, как в норме, почти нет. Чувства часто неадекватны, непропорциональны воздействиям внешнего мира по своей динамике: от чрезмерной легкости и поверхностности переживаний серьезных жизненных событий до чрезмерной силы и инертности переживаний, возникающих по малосущественным признакам. Проявлением незрелости личности у детей-сирот с ЗПР является влияние эгоцентрических эмоций на оценочные суждения. Наиболее высоко ребенок оценивает тех, кто ему приятен, кто ближе к нему. Так же оценивает он и события окружающей жизни – хорошо то, что приятно.

Наблюдения за деятельностью детей-сирот с ЗПР на уроках в школе, во внеурочное время позволили увидеть проблемы детей – частые конфликты, агрессивность, неуверенность в себе, отклоняющееся поведение. Проблемой является и то, что педагоги и воспитатели не знают как правильно оценивать различные поведенческие реакции ребенка, специфику его развития, особенности эмоционального состояния в момент общения; мало кто связывает эти проявления с состоянием тревоги у ребенка. Хотя зачастую подобное поведение не всегда отражает реальное состояние воспитанника, а направлено исключительно на то, чтобы взрослые обратили на него внимание. Об этом свидетельствуют исследования Т.А. Власовой, М.С. Певзнер, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др. [8, с. 8–12].

Изучая особенности эмоциональной сферы, уровень тревожности детей-сирот с ЗПР, а также способность адекватно оценивать и интерпретировать жизненные ситуации, умение взаимодействовать с взрослыми и сверстниками было установлено, что учащиеся с ЗПР имеют большее повышение индекса тревожности. Проблемы общения у этих детей связаны с негативным опытом, отсутствием умения объективно оценивать ситуации, затрудне-

ниями в различении эмоций. На общение со сверстниками и взрослыми влияют повышенная конфликтность, враждебность, деструктивная агрессия, чувство вины. Неадекватное поведение ребенка зависит от состояния тревожности, чувства одиночества, незащищенности и депрессии, а также страхов разного рода. Все эти условия формируют у ребенка неуверенность в себе, чувство неполноценности, затрудняют социальную адаптацию.

У детей с задержкой психического развития (ЗПР) адаптация существенно снижена из-за качественного своеобразия и замедленного формирования эмоциональных структур: у них преобладает либо эйфорический фон настроения в сочетании с психомоторной расторможенностью, либо пониженное настроение со склонностью к робости; наблюдаются эмоциональные срывы при затруднениях, отказ выполнять сложные действия, повышенная чувствительность к замечаниям, аффективная возбудимость, страх перед оценочной ситуацией. Эти особенности эмоциональной сферы при неблагоприятных условиях жизни могут способствовать патологическому формированию личности по неустойчивому типу.

Для успешной адаптации этой категории детей в школе необходима специальная организация их эмоциональной жизни, которую целесообразно осуществлять с позиции уровня подхода к коррекции аффективной сферы. Поскольку этот подход рассчитан на обращение именно к незрелой, формирующейся личности ребенка, то и сфера воздействия в этом случае будет иметь большие резервы. Коррекция может осуществляться в двух направлениях: как в совершенствовании высших личностных образований, так и в стимуляции низших, уже сформированных образований, на которые должны опираться высшие личностные механизмы.

Система комплексного психолого-педагогического воздействия на аффективную сферу детей с ЗПР предусматривает [4, с. 305–309]:

1) ориентацию на собственные резервы и механизмы базальной эмоциональной организации;

2) обязательное осуществление психокоррекции как на специальных занятиях с психологом, так и во время учебных занятий. Формы и задачи воздействия могут быть различными, но подчиняться они должны единым целям;

3) единство подходов в психокоррекции, которое задается общей тематической на-

правленностью, регуляцией взаимодействия специалистов, осуществляемой психологом;

4) тематическую направленность, определяемую содержанием и структурой аффективной дезадаптации детей, выявленных при помощи специально разработанных диагностических средств;

5) осуществление стабилизации и стимулирования каждого из уровней базальной аффективной организации как традиционными методами (психодрама, аутотренинг), так и нетрадиционными (занятия эвритмией, актерским тренингом, при этом специальное обучение детей методу физического действия, развивающему эмоциональные потребности, осуществляется через ряд последовательных и поэтапно вводимых занятий: «Движение», «Пластика», «Речь», «Драматические этюды»;

6) специальное обучение, а также теоретическую подготовку, которую должны получать педагоги, работающие с детьми;

7) обязательное участие в психологической коррекции родителей, также получающих знания и навыки на специально организованных для них тренингах.

Для детей 5–6 лет, наряду с общеобразовательными дисциплинами можно вводить элементы групповой игротерапии. Используемые игры можно условно классифицировать следующим образом:

1) шумные игры для снятия напряжения и создания положительного восприятия группы;

2) игры в различные эмоции;

3) игры, направленные на снятие мышечных блоков и зажимов;

4) сюжетно-ролевые игры как коррекция механизмов эмоционального реагирования и профилактика ригидных психологических защит.

Условия и сюжеты игр, как правило, определяются детьми и не предполагают никакой соревновательности. Методы и приемы игрового взаимодействия с ребенком или группой детей имеют в основе обязательное эмоциональное принятие ребенка, отказ от манипулирования детьми, отказ от формирования терапии и уважение его личных интересов (принципы, сформулированные V. Axline). Мы исходим из необходимости разделения таких понятий, как психическое развитие, воспитание и обучение.

Для воспитанников детских домов большое значение приобретает диагностика последствий материнской и социально-эмоциональной депривации. Разработка на-

правления работы по профилактике и коррекции нарушений поведения у детей и подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях и неблагополучных семьях, является серьезной проблемой, имеющей мультидисциплинарный характер и требующей повышенного внимания со стороны различных государственных, юридических и научных инстанций.

Высокий уровень тревожности и агрессивности у детей из детского дома дают основание для разработки психолого-педагогических программ, направленных на их снижение и организацию психотерапевтической работы.

Проведение этой работы затрудняют: отсутствие системного подхода, недостаточность психолого-педагогических знаний о природе школьной дезадаптации и нарушенного поведения и путей его предупреждения. Неправильное общение педагога с детьми-сиротами может привести к конфликтам; такое отношение может быть спровоцировано социально негативной установкой общества и незнанием особенностей детей с психическим недоразвитием. Неблагоприятное отношение со стороны педагога является серьезной помехой для адаптации ребенка к условиям детского дома, а также серьезной опасностью для возникновения стойких отклонений в поведении.

Основным путем оказания помощи дезадаптированным детям-сиротам с трудностями в обучении, общении, поведении должен быть путь последовательной социальной интеграции их в нормально развивающуюся среду сверстников.

В этом процессе должны быть взаимосвязаны и скорректированы интересы ученика, учителя, школы и детского дома. Создание микросоциума, готового понять и принять проблемного ребенка, не может быть осуществлено без специально организованной помощи и поддержки. Для их организации необходимо внедрение в интернатные учреждения системы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения развития каждого учащегося с момента поступления в детский дом. Это сопровождение предполагает комплексную диагностику проблем ребенка в динамике развития, составление индивидуальной программы, включающей не только коррекцию проблем учащегося, но и одновременную помощь учителю и воспитателю. В основу программы должны быть положены коррекция психических функций и эмоционально-личностной сферы ребенка, формирование самооценки, навыков адекватного об-

щения со сверстниками и взрослыми в окружающем социуме.

Описанные особенности эмоционально-личностной сферы не могут не сказаться на качестве отношений с людьми. Для всех детей, воспитывающихся в домах ребенка, детских домах характерны искажения в общении со взрослыми. С одной стороны, у детей обострена потребность во внимании и доброжелательности со стороны взрослого, в человеческом тепле, ласке и положительных эмоциональных контактах, а с другой – полная неудовлетворенность этой потребности: малое количество обращений взрослых к детям (в 4–10 раз реже, чем к их сверстникам, живущих в семье), сниженность в этих контактах личностных, интимных обращений, их эмоциональная бедность и однообразие содержания, в основном направленное на регламентацию поведения, частая сменяемость взрослых, взаимодействующих с детьми, перевод воспитанников из одной группы в другую, из одного детского учреждения в другое.

Уже в дошкольного возраста у детей-сирот отмечаются особенности в развитии общения как со взрослыми, так со сверстниками. Частая сменяемость взрослых в учреждениях интернатного типа, несовпадение их программ поведения, снижение интенсивности и доверительности связей взрослого с ребенком, эмоциональная отстраненность взрослых в сочетании со стремлением подавлять и навязывать детям свое мнение, уплотненный эмоциональный фон общения, преобладание групповой отнесенности, направленность общения с ребенком в основном в сторону регламентации поведения – все это ведет к нарушению межличностного общения. По мнению ряда исследователей, испытывая дефицит общения со взрослым, воспитанники интернатных учреждений спонтанно вступают в контакт с посторонними «чужими» людьми, отдавая предпочтение непосредственному физическому контакту с ними. И.В. Дубровина и А.Г. Рузская считают это своеобразной формой ситуативно-личностного общения, в которой средства общения не соответствуют мотивам и потребностям.

У дошкольников-сирот не проявляется активность в сотрудничестве, стремление и способность к совместной деятельности со взрослым. Деловые контакты со взрослым возникают поздно, осуществляются в примитивной форме. Неудовлетворенность потребности в общении со взрослыми проявляется

уже с первых дней пребывания ребенка в детском доме. И может, следовательно, рассматриваться как наследство дошкольного детства, проведенного вне семьи.

Для младших школьников, воспитывающихся в детском доме, в качестве ведущих выступают два симптомокомплекса – «тревога по отношению ко взрослым» и «враждебность по отношению ко взрослым».

Первый, отражающий беспокойство, неуверенность ребенка в том, интересуется ли им воспитатель, принимает ли его, любит ли, проявляется в таких симптомах, как очень охотное выполнение своих обязанностей; проявление чрезмерного желания здороваться с воспитателем; излишняя словоохотливость, болтовня; ребенок очень часто приносит и показывает воспитателю найденные им рисунки, предметы и т.п., «всегда находит предлог, чтобы занять воспитателя своей особой, постоянно нуждается в помощи и контроле со стороны воспитателя» и т.п.

Второй свидетельствует о различных формах неприятия ребенком взрослых и может быть началом враждебности, депрессии, агрессивности, асоциального поведения – «исключительно нетерпелив, кроме тех случаев, когда находится в «хорошем» настроении; иногда стремится, а иногда избегает здороваться с воспитателем; в ответ на приветствие может выражать злость или подозрительность; очень переменчив в поведении; иногда кажется, что он умышленно плохо выполняет работу; неприятен, в особенности, когда защищается от предъявляемых ему обвинений; всегда на что-то претендует и всегда считает, что несправедливо наказан» и т.п.

В общении детей-сирот со взрослыми можно выделить два момента: с одной стороны, напряженность данной потребности, а с другой – примитивность и неразвитость форм общения. Два доминирующих симптомокомплекса, по существу, свидетельствуют о том же самом: «тревожность» – о неудовлетворенности потребности в принятии со стороны взрослого, а «враждебность» – о неадекватности форм взаимодействия со взрослыми. Подобные факты трудностей в общении со взрослыми могут быть связаны с тем, что ребенок в детском доме с раннего возраста сталкивается с большим количеством людей, в результате чего у него не формируются устойчивые эмоциональные связи, развивается эгоцентризм и незаинтересованность в социальных отношениях.

Гипертрофированная потребность в общении со взрослым и полная ее неудовлетворенность приводят к тому, что на фоне выраженного стремления к общению с воспитателем младшие школьники-сироты проявляют агрессивность по отношению ко взрослому. Потребность в доброжелательном отношении взрослого сочетается с глубокой фрустрированностью потребности в интимно-личностном общении с ним.

Межличностное общение воспитанников детского дома друг с другом также очень отличается от общения детей, воспитывающихся в семье. И в той, и в другой группах конфликт с другими детьми чаще всего вызывает экстрапунитивные, обвиняющие реакции, причем в основном это реакции самозащитного типа «сам дурак». Однако если в детском доме такие реакции абсолютно преобладают, а все остальные буквально единичны, то в школе их, во-первых, намного меньше, чем в детском доме, а во-вторых, почти в такой же степени представлены интропунитивные реакции по типу фиксации на удовлетворении потребности. Но замечено, что ни в школе, ни в детском доме при конфликтах с другими детьми практически совсем не встречаются интропунитивные реакции самозащитного типа: «Извини меня, пожалуйста, я больше так не буду».

Воспитанники детского дома менее успешны в решении конфликтов в общении со взрослыми и со сверстниками, чем учащиеся обычной школы. Бросается в глаза агрессивность, стремление обвинить окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, т.е., по существу, доминирование защитных форм поведения в конфликтных ситуациях и, соответственно, неспособность конструктивно решить конфликт. В детском доме ребенок постоянно общается с одной и той же достаточно узкой группой сверстников, причем он сам не властен предпочесть ей какую-либо другую группу, что доступно любому ученику обычной школы, но одновременно он не может быть и исключен из нее. Принадлежность к определенной группе сверстников для него как бы безусловна. Это ведет к тому, что отношения между сверстниками складываются не как приятельские, дружеские, а по типу родственных, как между братьями и сестрами.

Такую безусловность в общении со сверстниками в детском доме можно, с одной стороны, рассматривать как положительный фактор, способствующий эмоциональной стабильности, защищенности, когда группа сверстни-

ков выступает определенным аналогом семьи. С другой стороны, подобные контакты не способствуют развитию навыков общения со сверстниками, умению наладить равноправные отношения с незнакомым ребенком, адекватно оценить свои качества, необходимые для избирательного, дружеского общения.

В детском доме у детей дошкольного возраста контакты выражены гораздо слабее, чем у их ровесников из детского сада, они очень однообразны, малоэмоциональны и сводятся к простым обращениям и указаниям. В основе отставания лежит отсутствие эмпатии, т.е. сочувствия, сопереживания, умения и потребности разделить свои переживания с другим человеком. Можно отметить также, что полноценные, эмоционально насыщенные контакты не формируются у воспитанников детского дома, когда дело касается и их родных братьев и сестер. Наблюдение за воспитанниками, у которых не было опыта общения со старшими братьями и сестрами, показывают, что дети не имеют к ним родственной привязанности, а в процессе общения их отношения находятся на низком уровне (им нечем заняться друг с другом, они не проявляют ни доброжелательности друг к другу, ни заботы, ни заинтересованности). Трудности общения со сверстниками обусловлены неудовлетворительным уровнем общения со взрослыми, несформированностью навыков практической и речевой коммуникации, неадекватностью эмоциональных реакций, ситуативностью поведения, неспособностью к конструктивному решению проблем. Нарушения в сфере общения сказываются на развитии личности ребенка-сироты, искажая его представления о себе, отношение к самому себе, затрудняя осознание себя как личности.

Рассмотренные, а также другие психологические особенности детей, растущих в сиротских учреждениях, по-разному и в неодинаковой степени обнаруживают себя на каждом возрастном этапе. Но все они чреватые серьезными последствиями для формирования личности подрастающего человека.

Литература

1. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития // Под ред. Е.А. Стребелевой. – М.: Полиграфсервис, 2004. – 336 с.
2. Дубровина, И.В. Психическое развитие воспитанников детского дома / И.В. Дубровина, А.Г. Рузская. – М.: Просвещение, 2005. – 157 с.
3. Иовчук, Н.М. Об одной из моделей психолого-медико-педагогической поддержки детей-сирот, воспитывающихся в семьях / Н.М. Иовчук, Е.И. Морозова, А.М. Щербакова // Сироты России: права ребенка на семью / Материалы общероссийской конференции. – М., 2007. – С. 105–116.
4. Конева, О.Б. Психология развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / О.Б. Конева; отв. ред. Н.А. Батулин // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 301–316.
5. Ослон, В.Н. Замещающая семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России / В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 79–90.
6. Пресс-конференция по проблеме беспризорности // Дети улиц. Информационно-консультативный вестник. – 2000. – № 2. – С. 51–55.
7. Раттер, М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – СПб., 2000. – С. 55–67.
8. Реан, А.А. Уличные дети и общество: социальные и психологические аспекты проблемы / А.А. Реан // Мир детства. – 2002. – № 2. – С. 8–12.
9. Реан, А.А. Защита детства. Комплексная социальная психолого-педагогическая программа / А.А. Реан, С.П. Коростелев. – М., 2002. – С. 56–58.
10. Сырцев, А.В. Психологические характеристики личности и особенности поведения детей и подростков групп риска / А.В. Сырцев // Мир детства. – 2007. – № 2. – С. 12–17.

Поступила в редакцию 5 мая 2009 г.

Конева Оксана Борисовна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Южно-Уральского государственного университета: 8-(351)-2679981

Oksana B. Koneva. Candidate of psychological sciences, docent of department of general psychology, South Ural State University: 8-(351)-2679981.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИКИ ДЕЗАДАПТАЦИОННЫХ РАССТРОЙСТВ У ДЕТЕЙ-СИРОТ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Л.С. Рычкова, С.А. Супрун, Д.Ю. Гузанова

Установлены типологии дезадаптационных расстройств у детей-сирот с легкой умственной отсталостью, которые могут быть представлены в виде 3-х основных типов: агрессивно-дисфорического, астено-гипобулического и аддиктивного. Описываются психолого-психопатологические особенности каждого типа в зависимости от возрастных параметров развития, приводится их динамика, даются конкретные рекомендации по осуществлению решений медико-психологической диагностики и дифференцированному подходу к профилактическим и реабилитационным мероприятиям.

Ключевые слова: дезадаптационные расстройства, дети-сироты, умственная отсталость, типология, агрессивно-дисфорический, астено-гипобулический, аддиктивный типы.

Актуальность исследования. На современном этапе развития детско-подростковой психиатрии наиболее актуальными и значимыми являются проблемы, связанные с нарушениями поведения, дезадаптационными расстройствами, которые чаще формируются у контингента, относящегося к «группам риска». В последние десятилетия отмечается увеличение как числа лиц с умственной отсталостью (УО), особенно ее легких форм, так и количества детей-сирот. В нашем государстве насчитывается более 715 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5]. Сочетание, действующих на детей-сирот с легкой умственной отсталостью (ЛУО), комплекса неблагоприятных биологических и социальных факторов, обуславливает легкое возникновение у них дезадаптационных расстройств в виде непсихотической психопатологической симптоматики [1,3,4]. По данным Генпрокуратуры, из выпускников детских домов 40 % являются больными наркоманией или алкоголизмом, 10 % кончают жизнь самоубийством, 40 % совершают преступления [6].

Дезадаптационные расстройства (ДР), начинающиеся в различные периоды развития ребенка, при отсутствии адекватной помощи приводят в дальнейшем к выраженной социальной дезадаптации, в связи с чем особую значимость приобретает выявление «групп риска», возможность ранней диагностики и адекватной реабилитационной помощи при развитии данных нарушений [2].

Следовательно, изучение возрастных особенностей дезадаптационных расстройств позволит дифференцированно подойти к проведению профилактических и реабилитационных мероприятий у контингента детей-сирот с ЛУО.

Целью исследования явилось установление типологии дезадаптационных расстройств у детей-сирот с легкой умственной отсталостью с определением их возрастных особенностей, что позволит осуществлять раннюю диагностику и дифференцировать подход к профилактическим и реабилитационным мероприятиям.

Задачи исследования:

1) изучить клинико-психопатологические и психолого-педагогические проявления дезадаптационных расстройств у детей-сирот с легкой умственной отсталостью;

2) разработать типологию дезадаптационных расстройств у исследуемого контингента и определить их возрастные психопатологические особенности;

3) выработать принципы профилактических и реабилитационных мероприятий, в зависимости от установленных особенностей дезадаптационных состояний.

Материал и методы исследования. Было обследовано 112 детей-сирот с легкой умственной отсталостью экзогенно-органического генеза, принадлежащих к мужскому полу, в возрасте от 7 до 18 лет, проживающих в школе-интернате и обучающихся по специ-

альной (коррекционной) образовательной программе VIII вида (вспомогательной). Все исследованные имели те или иные дезадаптационные расстройства. Основными методами исследования явились: клинико-психопатологический, параклинический и статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. Деадаптационные расстройства определялись при наличии у ребенка устойчивых (более 6 месяцев) нарушений в виде полиморфной непсихотической психопатологической симптоматики, проявляющейся различными формами девиантного поведения, нарушениями обучения, невозможностью усвоения социальных норм, а также неспособностью справляться с обязанностями и требованиями, предъявляемыми в процессе воспитания, школьного, трудового обучения, с учетом как его индивидуальных способностей, так и особенностей среды, в которой он проживает и развивается.

Анализ полученных данных привел к необходимости систематизировать выявленные нарушения, которые определяли сущность дезадаптационных состояний. В соответствии с ведущими клиническими проявлениями, обследованный контингент был распределен по трем группам, которые были обозначены в виде основных типов дезадаптационных расстройств: агрессивно-дисфорического, астено-гипобулического и аддиктивного. Преобладающим оказался агрессивно-дисфорический тип (50,9 %, $n = 57$), аддиктивный тип встречался в 26,8 % ($n = 30$), астено-гипобулический тип был обнаружен у 22,3 % ($n = 25$).

Агрессивно-дисфорический тип – характеризуется симптомокомплексом в виде повышенной эмоционально-волевой возбудимости, вспыльчивости, гневливости, суетливости, расторможенности. У детей с данным типом отмечалась неустойчивость настроения, со склонностью к аффективным разрядам, вспышкам гнева и агрессией, сопровождавшимися криками, бранью, разрушительными действиями, возникающими даже по незначительному поводу или без провоцирующих причин.

Астено-гипобулический тип – обусловлен декомпенсацией расстройств преимущественно астенического спектра, определяется задержка психомоторного, речевого развития, бедность движений, склонность к реакциям тормозимого типа с обидчивостью, преобладают эмоционально-волевые нарушения в виде безынициативности, несобранности, слабо-

сти побуждений с неспособностью к длительным действиям, требующим волевых усилий.

Аддиктивный тип – наблюдается у детей при ранней алкоголизации и употребления психоактивных веществ (ПАВ). Аддиктивные расстройства сопровождались агрессивным поведением, драчливостью, прогулами школы, уходами из интерната, воровством, лживостью.

Агрессивно-дисфорический тип ДР преобладал у детей в возрасте 13–15 лет (50,9%, $n=29$), что можно объяснить происходящими в период пубертата изменениями. Примерно одинаковыми, но достаточно высокими показателями по распространенности были периоды 10–12 и 7–9 лет, составившие – 22,8 % ($n=13$) и 19,3 % ($n=11$) соответственно. Вероятно, это обусловлено тем, что в данных возрастных периодах происходило изменение жизненного стереотипа, связанное с поступлением в государственное учреждение, началом школьного обучения. В наименьшем количестве, всего в 7 % ($n=4$) данный тип дезадаптации встречался в группе детей 16–18 лет, что может быть связано, с одной стороны, с осуществлением в школе-интернате профилактической коррекционной программы, а с другой – переходом части детей в данном возрасте в аддиктивный тип. Таким образом, происходило постепенное увеличение числа детей с агрессивно-дисфорическим типом дезадаптации, начиная с младшего школьного возраста, которое продолжалось в периоды препубертата и пуберта. Наиболее распространенными нарушениями поведения в возрастной группе 7–9 лет была лживость (19,6 %, $n=11$), воровство (17,9 %, $n=10$), драчливость и хулиганство (17,9 %, $n=10$). У 10–12-летних преобладающими оказались вызывающее провокационное поведение (21,6 %, $n=11$), откровенное постоянное непослушание (17,6 %, $n=9$), тяжелые вспышки гнева (15,7%, $n=8$), драчливость и хулиганство (15,7 %, $n=8$). В возрасте 13–15 лет преобладали вызывающее провокационное поведение (20,2 %, $n=21$), драчливость и хулиганство (17,3%, $n=18$), прогулы в школе и ухода из интерната (15,4 %, $n=16$), откровенное постоянное непослушание (14,4 %, $n=15$). В группе 16–18-летних в 26,7 % ($n=4$) встречались тяжелые вспышки гнева, в 20 % ($n=3$) откровенное постоянное непослушание (14,4 %, $n=15$), в 13,3 % ($n=2$) драчливость, хулиганство и вызывающее провокационное поведение.

Астено-гипобулический тип ДР несколько чаще встречался у детей в возрасте 16–18 лет (32 %, $n=8$) и 13–15 лет (28 %, $n=7$), что вероятно связано с прогрессивным течением и слабой подверженности методам коррекции дезадаптационных состояний у детей-сирот с преобладанием астенического радикала в структуре общего психического недоразвития. У детей в возрасте 16–18 лет с астено-гипобулическим типом ДР преобладали волевые нарушения в виде спонтанности и адинамии, были слабо развиты трудовые, учебные навыки. В группе 7–9-летних количество детей с данным вариантом (24 %, $n=6$) преобладало над количеством детей в возрасте 10–12 лет (16 %, $n=4$), что можно объяснить началом обучения в школе и проживания в интернате, обуславливающим повышение интеллектуальной нагрузки, увеличение коммуникативных контактов, появлением новых требований, необходимости соблюдения распорядка. В этот период возрастная дестабилизация усугубляла и без того низкие интеллектуальные возможности, декомпенсировала экзогенно-органическую церебральную неполноценность, что провоцировалось возрастанием психофизиологических нагрузок. Вследствие этого усиливалась церебральная симптоматика, на фоне которой углублялись невротоподобные расстройства.

Аддиктивный тип ДР не встречался у детей в возрасте 7–9 лет, а у 10–12 летних составил только 6,7 % ($n=2$). Резкое увеличение распространенности данного варианта дезадаптации происходило в возрастных группах 13–15 и 16–18 лет, в каждой из которых он был распространен в 46,7 % ($n=14$). Вероятно, это связано с началом пубертатного периода, расширением круга общения, знакомством с социальной средой вне государственного учреждения, которая зачастую оказывается асоциальной или криминальной, тем более что первыми, кто приводит детей к началу употребления алкоголя и ПАВ, оказываются сверстники вне интерната и воспитанники с уже сформированными аддиктивными формами поведения. В возрастной группе 10–12 лет преобладающими оказались прогулы школы и уходы из интерната, драчливость и хулиганство, вызывающее провокационное поведение, каждое из которых встречалось в 18,2 % ($n=2$). У 13–15-летних значительно чаще определялись прогулы в школе и уходы из интерната (16,4 %, $n=12$), воровство (16,4 %, $n=11$), лживость (16,4 %, $n=11$), вызывающее

провокационное поведение (13,4 %, $n=9$). В 16–18 лет наиболее распространенными являются прогулы в школе и уходы из интерната (20,5 %, $n=9$), лживость (18,2 %, $n=8$), откровенное постоянное непослушание (18,2 %, $n=8$), воровство (15,9 %, $n=7$).

Следовательно, при агрессивно-дисфорическом типе наибольшее количество дезадаптированных детей-сирот с ЛУО приходилось на период 13–15 лет, при астено-гипобулическом наиболее уязвимым оказался возраст 16–18 лет, а при аддиктивном как 13–15 лет, так и 16–18 лет. Характерными поведенческими расстройствами, проявляющимися при декомпенсации по агрессивно-дисфорическому типу являлись драчливость и хулиганство, вызывающее поведение и откровенное постоянное непослушание. Дезадаптация детей-сирот с ЛУО по астено-гипобулическому типу проявлялась стойкими и выраженными нарушениями и соответствовали своеобразной трансформации, проявляющейся переходом от преобладающего в более раннем возрасте полюса астенических расстройств к нарушениям апатического спектра. При аддиктивном типе наиболее частыми нарушениями оказались прогулы школы и уходы из интерната, вызывающее провокационное поведение, воровство, лживость.

При разработке профилактических и реабилитационных программ необходимо учитывать как психопатологические, так и возрастные особенности дезадаптационных расстройств у детей-сирот с ЛУО. Лечебно-коррекционная и реабилитационная работа с детьми-сиротами с ЛУО должна осуществляться полипрофессиональной бригадой специалистов при качественной интеграции деятельности врача-психиатра, психолога, педагога, воспитателя, социального работника. При агрессивно-дисфорическом типе ДР роль специалистов должна заключаться в обучении позитивным коммуникативным навыкам, методам самообладания, в условиях психиатрического стационара необходимо осуществлять комплексную помощь, включающую медикаментозную коррекцию имеющихся нарушений. Формирование ДР по астено-гипобулическому типу требует взаимодействия учителя, дефектолога, логопеда, психолога, психиатра с целью выработки индивидуальной программы обучения и развития. Необходимо уделять внимание коррекции наиболее поврежденных психических функций, в сочетании с медикаментозной терапией орга-

нического поражения головного мозга. При аддиктивном типе ДР необходимо тесное сотрудничество психиатра, нарколога, психолога, социального работника. Акцент следует делать на санитарном просвещении подростков, стационарном лечении, прерывании асоциальных и криминальных контактов, дальнейшем целенаправленном наблюдении и предотвращении рецидивов.

Вывод. Выявление клинико-психопатологических и возрастных особенностей дезаптационных расстройств, формирующихся у детей-сирот с легкой умственной отсталостью, является необходимым условием при разработке дифференцированных лечебно-профилактических и реабилитационных программ с учетом установленных типов, что позволит повысить эффективность оказания помощи лицам с интеллектуальным недоразвитием.

Литература

1. Буторина, Н.Е. *Начальные проявления психических расстройств в детском и подростковом возрасте (метод. рекомендации) /*

Н.Е. Буторина, Л.С. Рычкова, Г.Г. Буторин. – Челябинск: УГМАДО, 1998. – 19 с.

2. Гурьева, В.А. *Социальные факторы и психические расстройства у детей и подростков / В.А. Гурьева, Н.В. Вострокнутов, Е.В. Макушкин; под ред. Т.Б. Дмитриевой // Руководство по социальной психиатрии. – М.: Медицина, 2001. – С. 117–136.*

3. Дмитриева, Т.Б. *Основные направления социально-психиатрической помощи несовершеннолетним с проблемами развития и поведения / Т.Б. Дмитриева // Российский психиатрический журнал. – 2001. – № 4. – С. 4–13.*

4. Куган, Б.А. *Социально-трудова адаптация детей группы социального риска / Б.А. Куган. – Курган; Челябинск, 1995. – 80 с.*

5. Прихожан, А.М. *Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. – СПб.: Питер, 2005. – 400 с.*

6. *Новости России [Электронный ресурс] / Четверг, 1 июня 2006. Генпрокуратура РФ: родители в России за пять лет убили более тысячи детей. – Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/01_jun_2006/parents.html.*

Поступила в редакцию 7 июня 2009 г.

Рычкова Лидия Сергеевна. Доктор медицинских наук, профессор кафедры общей психологии: 8(351)2679981.

Lydia S. Rychkova. Doctor of medical sciences, professor of department of general psychology, South Ural State University: 8(351)2679981.

Супрун Станислав Александрович. Кандидат медицинских наук, ассистент кафедры детской, подростковой психиатрии и медицинской психологии Уральской государственной медицинской академии дополнительного образования.

Stanislav A. Suprun. Candidate of medical sciences, assistant to chair of children's, teenage psychiatry and medical psychology, Ural state medical academy of an additional education.

Гузанова Дарья Юрьевна. Магистр кафедры общей психологии.

Darya J. Guzanova. Master of department of general psychology, South Ural State University.

Клиническая (медицинская) психология

УДК 616.89+159.9:61
ББК Ю948+Ю937

КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЩЕВА И ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (ЧАСТЬ II)

М.А. Беребин

Продолжается рассмотрение научно-методического основания для разработки новых теоретических подходов исследований в клинической (медицинской) психологии с использованием отечественных общепсихологических концепций (на примере разработки теории психической адаптации на основе концепции отношений личности В.Н. Мясищева). Изложено обоснованное высказываниями В.Н. Мясищева представление о возможности применения положений системного подхода и теории функциональных систем при разработке методологии и теории психической адаптации в медицинской психологии.

Ключевые слова: концепция отношений личности В.Н. Мясищева, теория психической адаптации, медицинская психология.

Введение. В первой части публикации (Беребин, 2008) были рассмотрены и обоснованы некоторые научно-методические основания для разработки новых теоретических подходов исследований в клинической (медицинской) психологии с использованием отечественных общепсихологических концепций (на примере разработки теории психической адаптации на основе концепции отношений личности В.Н. Мясищева). Изложено обоснованное высказываниями В.Н. Мясищева представление о некоторых основополагающих феноменах теории психической адаптации в медицинской психологии. Настоящая публикация является продолжением этого исследования и посвящена изучению связей концепции отношений В.Н. Мясищева и некоторых положений естественно-научных теорий, на которые опирается клиническая (медицинская) психология как отрасль одновременно и психологической, и медико-биологической науки и практики. При этом должно учитываться все многообразие проблем и отношений, возникающих при попытке установления сущности и характера таких связей (Иовлев, Карпова, 1999, Вассерман, Иовлев, Карвасарский и др., 2004). Возникающие перед исследователем вопросы требуют учета широкого круга методологических проблем, например, от проблемы «физиологического редуциро-

низма» (одной из наиболее популярных претензий к клинической (медицинской) психологии при рассмотрении ею вопросов естественно-научных (или, точнее, медико-биологических основ психологических феноменов) до «психологизма» (другой, не менее популярной, претензии к клинической психологии со стороны медицинских специалистов при изучении ею клинических феноменов в рамках методологии психологической науки.

Настоящая статья рассматривает некоторые аспекты связей теории отношений личности В.Н. Мясищева с отдельными концепциями общенаучного и медико-биологического характера.

Методологические и системные подходы к организации научного исследования феномена психической адаптации личности в клинической (медицинской) психологии

Цели научного психологического анализа проблемы психической адаптации с позиции концепции отношений личности требуют рассмотрения ее феноменологии (и характеристик личностно-средового взаимодействия как адекватной модели отношений, в частности) в соответствии с выделенными В.Н. Мясищевым (Мясищев, 1960) сущностными характеристиками, классами и компо-

нентами отношений («частичными отношениями», сторонами или видами отношения).

Понимание психологических отношений человека как «целостной системы индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» приводит к выводу о необходимости применения *принципа целостности и системного подхода* при теоретическом психологическом анализе проблемы психической адаптации личности. Очевидно, что основу подобного рода исследований может составлять не только устоявшаяся в отечественной психологии системная методология, связанная, прежде всего, с именами Б.Г. Ананьева, В.А. Ганзена, Б.Ф. Ломова. Так, предлагая рассматривать личность как единое целое, В.Н. Мясищев вместе с тем подчеркивает, что принцип целостности рассматривается также холизмом и гештальтизмом. Однако самым важным при этом является «не столько само по себе признание целостности личности, но и как понимается природа этого целого, как разрешается проблема связи целого и частей, как трактуются законы развития целого» (Мясищев, «Понятие личности...», 1995, с. 46). Другими словами, целостная личность рассматривается не как нечто фиксированное, а как динамичное образование «взаимосвязанных основных компонентов». При этом в общей структуре личности важное место уделяется ее «пропорциональности, гармоничности и цельности» (там же, с. 52, 53).

Современная научная психология сохраняет свои генетические связи со своими *alma mater* – философией и естественно-биологическими науками, поэтому проявление интереса психологии к любому феномену целесообразно было бы отражать в диалектическом единстве этих двух начал психологического знания. Умение и способность находить при этом сходство и различие, общее и частное, количественное и качественное знание с позиции двух этих начал позволило закрепить дуалистические основы понимания психологической реальности.

Клинической психологии, избравшей исследование психической адаптации одной из центральных своих проблем, сегодня требуется совершенствование методологии исследования этого феномена, являющегося одновременно фрагментом и психологической, и медико-биологической реальности. Представляется, что наиболее полное освещение психической адаптации в клинической психологии сегодня

возможно в том числе и на основе применения, экстраполяции и адекватной интерпретации положений концепции функциональных систем П.К. Анохина, являющейся одной из важнейших теоретических разработок в области системного подхода в естественно-научном направлении медико-биологических наук.

В трудах В.Н. Мясищева не встречается прямых упоминаний об этой теории, но в то же время им отмечается роль учения А.А. Ухтомского о принципе доминанты как основного закона нервной деятельности. Доминанту в определенном смысле можно рассматривать как специфический системообразующий фактор функциональной системы, представленной «доминирующими конstellациями нервных центров, избирательно реагирующими на текущие раздражения в зависимости от предыдущего опыта» и определяющей «поведение животных и человека в их натуральной среде» (Мясищев, «Теория отношений и принцип доминанты...» 1995, с. 96). Во избежание возможного упрека в «физиологическом редуционизме» при рассмотрении роли функциональных систем в теоретическом исследовании проблем психической адаптации, приведем и мнение самого В.Н. Мясищева о том, теория отношений (вместе с теорией установок Д.Н. Узнадзе) «являются выражением физиологического принципа доминанты, примененного к сложным психическим актам человека» (там же, с. 96), а сам принцип доминанты является «психологическим принципом, которому подчиняется психическая деятельность» (там же, с. 97).

Необходимость обращения к теории функциональных систем как одного из теоретических оснований при исследовании проблемы адаптации личности продиктована несколькими важными, на наш взгляд, факторами.

В системе медико-биологических наук наиболее глубоко вопросы адаптации человека изучались в физиологии (в контексте описанных нами задач – в психофизиологии), и, прежде всего, в разработках П.К. Анохиным проблемы теории функциональных систем. Многие отечественные психологи причисляли П.К. Анохина к числу выдающихся физиологов, работавших на стыке физиологии с психологией и внесших большой вклад в исследование физиологических оснований психики. В то же время А.В. Брушлинский указывает, что П.К. Анохин сознательно избегал использования психологических обозначений для объяснения выявляемых особенностей

высшей нервной деятельности, пытаясь преодолеть отмеченную им пропасть между классической физиологией и психологией, к заполнению которой раньше почти не делалось никаких попыток (Брушлинский, 1995). Так, использование методологии функциональных систем в целях изучения проблем интеллекта привело самого П.К. Анохина к выводу о том, что разработанная им теория открывает доступ «к конкретному научному и экспериментальному исследованию тех аспектов, которые еще совсем недавно были прерогативой психологии, а часто оказывались основой для идеалистических интерпретаций» (Анохин, 1978, с. 123. Поэтому впоследствии П.К. Анохин рассматривал теорию функциональных систем как методологическую основу любого естественно-научного исследования. Целесообразность применения этой теории при исследовании психической адаптации вытекает из самого определения функциональной системы как «всякой организации нервных процессов, в которой отдаленные разнообразные импульсы нервной системы объединяются на основе одновременного и соподчиненного функционирования, заканчивающегося полезным **приспособительным** эффектом для организма» (выделено нами – М.Б.). В рассматриваемом нами контексте можно считать, что приспособление (достижение адаптации) есть результат деятельности соответствующей функциональной системы как своеобразного «функционально-материального субстрата» адаптации («функциональная система адаптации»). В пользу такого вывода свидетельствует тот факт, что в теории П.К. Анохина формирование функциональной системы определяется целями деятельности и наличием физиологического аппарата обратной связи, открывающим большие возможности для обеспечения целостной интегральной деятельности головного мозга. Поэтому интегрированная многомерная психическая деятельность как основная цель адаптации и наличие многоуровневой системы гомеостатических либо «гомеокинетических» («гетеростатических») механизмов адаптации можно рассматривать как одни из предпосылок формирования функциональной системы адаптации.

Системообразующим фактором такой функциональной системы может являться «психологическая доминанта адаптации», отражающая субъективно-важную необходимость приспособления к изменяющимся тре-

бованиям среды. Именно потребность и осознание такой необходимости можно рассматривать как своеобразную форму «воспитания доминанты» (в терминах А.А. Ухтомского), направленную обеспечение того, «чтобы она все время соответствовала бы текущим условиям в центрах, с одной стороны, и в окружающей обстановке – с другой» и при адаптации выполняла роль «маховых колес нашей машины, помогающих сцепить и организовать опыт в единое целое» (Мясищев, «Теория отношений и принцип доминанты...», 1995, с. 97).

Подобное видение применения теории функциональных систем к задачам исследования психической адаптации в целом согласуется с взглядами В.Н. Мясищева: «каждый рефлексорный акт, ...соответствующий психической деятельности, осуществляется совокупностью центров (нейронных групп), часто расположенных в различных этажах нервной системы и образующих функциональную констелляцию этих центров, необходимую для осуществления данного простого или сложного акта» (там же с. 96). При этом принципиально оговаривается возможность формирования совокупности взаимосвязанных таких функциональных систем, обеспечивающих в целом согласованную реакцию человека на раздражители среды: «Центры – участники данной констелляции – могут входить в разных комбинациях и с другими темпами и ритмами активности в состав других констелляций, осуществляющих другие рефлексы или другие произвольные акты. (...) Рекрутирование одних нейронных групп в состав новой констелляции и выключение других групп из данной констелляции определяют возможность сонастраивания ритмов и темпов активности этих групп с ритмом и темпами активности ведущих кортикальных центров» (там же, с. 96).

Очевидно, что введение понятия «функциональной системы адаптации» позволяет создать теоретические посылки для объяснения проявлений психофизиологической, психической и социально-психологической адаптации. В данном случае можно предполагать, что функциональная система адаптации включает в себя взаимосвязанные структуры разных уровней, соответствующих упорядоченной иерархичности организации субъекта – биологическое, психическое, социальное. В основе психической адаптации человека также лежит интегрированная функциональная система («функциональная система психической адаптации»). Такая функциональная сис-

тема представляет собой «систему систем» и иерархично включает в себя, во-первых, функциональную систему, обеспечивающую биологическую адаптацию индивида (собственно морфофункциональную, в частности, физиологическую и психофизиологическую адаптацию – в их буквальном понимании в медико-биологических науках). Такая адаптация осуществляется посредством интеграции простейших нервно-психических актов, регулирующих биологические процессы в организме. Во-вторых, «функциональная система систем психической адаптации» включает в себя и функциональную систему, обеспечивающую достижение психической адаптации как интегральной формы процессов и результатов адаптации, протекающих на нервно-психическом, собственно психологическом и личностном (в узком, клиническом смысле понимания этого термина) уровнях. Предлагаемый иерархический подход к представлению проблемы адаптации человека был бы неполным без анализа ее социального уровня. По приведенной выше логике следует вести речь и о функциональной системе социальной (в узком контексте – социально-психологической) адаптации.

Следует отметить, что все сказанное выше в отношении системной иерархической организации психической адаптации и в отношении необходимости опоры на достижения физиологии (исключающей риск «физиологического редуционизма»), хорошо согласуется с мнением В.Н. Мясищева: «Общепринятым и в физиологии, и в психологии является положение о том, что высшее определяется низшим, сложное – элементарным. Но ошибки сведения как раз и заключаются в том, что сложное и высшее в невропсихике пытаются объяснить низшим и элементарным» (Мясищев, «Проблема личности...», 1995, с. 84). Кроме того, следование принципам целостности при изучении личности, и отдельных психических образований «обязывает к разделению психического и физиологического, к учету переходов от элементарного к сложному, от низшего к высшему» (там же).

При исследовании проблемы психической составляющей адаптации человека вышеприведенные тезисы требуют адекватного обращения, прежде всего, к истокам и концептуальным положениям существующей теории адаптации. Приоритет медико-биологических наук в изучении феномена адаптации бесспорен. В силу этого представляется оправдан-

ным описание всех проявления адаптации человека (на всех уровнях его организации) при помощи понятийного и терминологического аппарата, созданного медико-биологическими науками, и в контекстах, принятых этими науками. Только при выполнении этого условия возможно достижение взаимопонимания исследователей при сохранении их прав на свои представления о предмете своего научного поиска. Справедливости ради следует заметить, что понятийная и терминологическая базы теории адаптации в медико-биологических науках (а по существу – в физиологии и психофизиологии) на сегодняшний момент остается несовершенной и незавершенной. Но и на фоне подобной дефицитности существующие теории достаточно аргументированно объясняют значительное число наблюдаемых проявлений адаптации человека. Поэтому разумно предположить, что исследовательские перспективы связаны преимущественно с использованием, развитием и обогащением накопленного научного знания, а не с созданием глобальных «неологических» теоретических конструкций адаптации. Дальнейшее же развитие концептуальной и дефинитивной базы теории адаптации на основе достижений смежных наук может рассматриваться только в качестве положительного факта.

Представляется, что именно концепция функциональных систем может задавать основное содержание современных теоретических представлений о психической адаптации. Краеугольным камнем подобных представлений может являться представление о феномене «функциональной системы психической адаптации». В такой логике любое наблюдаемое проявление психической адаптации обладает всеми атрибутами функциональной системы:

- специфической организацией (*полезным приспособительным результатом как ведущим системообразующим фактором ФС; рецептором результата; обратной афферентацией от рецепторов результата в центральные образования ФС; специфическим архитектурным образованием, представляющим собой избирательное объединение функциональной системой нервных элементов, принадлежащих различным уровням; исполнительными соматическими, вегетативными и психоэндокринными компонентами, включающими организованное целенаправленное поведение*);

- саморегуляцией как общим принципом организации функциональной системы;
- изоморфизмом функциональных систем различного уровня;
- избирательной мобилизацией структурных элементов в целостную организацию функциональной системы и взаимодействием этих элементов достижению конечных результатов;
- иерархией функциональной системы;
- мультипараметрическим регулированием функциональной системы по конечным результатам.

Такая точка зрения на функционально-системное понимание феномена психической адаптации приводит к пониманию феноменологии психической адаптации как проявлениям функционирования адекватного примера либо аналога функциональной системы систем. Эта позиция логично согласуется с принятыми в школе П.К. Анохина представлениями о функциональной системе как «динамической саморегулирующейся организации, избирательно объединяющего различные органы и уровни нервной и гуморальной регуляции для достижения определенных, полезных для организма результатов». (Анохин, 1978, с. 63). Даже в первом предъявлении текста очевидно сходство, а в некоторых контекстах и тождественность рассматриваемых понятий – функциональной системы и феномена психической адаптации.

Выделение концепции функциональной системы как глобальной методологической основы изучения психической адаптации вовсе не означает, что автор статьи фиксируется на примате и исключительности физиологического подхода для исследования этой проблемы.

В развитие этого тезиса можно вести речь о иерархически организованных функциональных системах психофизиологической, психической и социально-психологической адаптации, рассматриваемых в контексте и **биопсихосоциальной парадигмы**, принятой в современной отечественной психиатрии и психологии. В этом случае биопсихосоциальная парадигма может рассматриваться как еще одна исследовательская плоскость отображения теории психической адаптации. В этом случае такая плоскость при системном подходе может рассматриваться, по терминологии Б.Ф. Ломова, как другой «план исследования» макро- и микросистем (Ломов, 1984,

с. 92). Проблему соотношения социального и биологического В.Н. Мясищев предлагает рассматривать «дифференцированно по этапам социально-психологического развития в связи с различными условиями макро- и микросоциальной среды», в совместном проявлении личностного психогенного с социогенным и социально обусловленным соматическим. (Мясищев, «О соотношении биологического и социального...», 1995, с. 70, 71). Такой подход вытекает из высказанного В.Н. Мясищевым (Мясищев, «Понятие личности в аспектах нормы...», 1995., с. 46) положения о целостности личности («Личность представляет собой единое целое»), развивающейся в единстве и взаимодействии образующих ее составляющих: «С позиций монистически материалистического и исторического понимания личности человек есть сложное развивающееся единство физиологического и психического, биогенного и преобразующего его социогенного» (с. 53). При этом преобразование биологического социальным происходит следующим образом: «...социальное из внешних условий, воздействий, требований...переходит во внутреннее...требования к себе и к окружающим», а «...индивидуальное постепенно...реорганизуется социальным и становится социальным...» (там же, с. 52). В этом понимании представления В.Н. Мясищева о взаимообусловленности биологического и социального в психике человека соотносятся со ставшими классическими тезисами отечественной психологии: с выдвинутым С.Л. Рубинштейном тезисом «внешние причины действуют через посредство внутренних условий»; полемическим антитезисом А.Н. Леонтьева «внутреннее (субъект) действует через внешнее», а так же с диалектически интегрирующей эти тезисы позицией А.В. Брушлинского. Проведенный А.В. Брушлинским анализ теоретических построений позволил соотнести некоторые положения субъектно-деятельностной концепции, системного детерминизма и теории функциональных систем (Брушлинский, 1999). Представляется, что концепция В.Н. Мясищева имеет основания для проведения исследования аналогичного плана.

Очевидно, что представленные выше мнения отражают лишь некоторые из теоретико-методологических оснований, которые можно применить при системном исследовании проблемы психической адаптации с по-

зий теории отношений личности В.Н. Мясищева. При этом очевидно, что приоритет в исследовании должен быть отдан именно краеугольным положениям, разработанным В.Н. Мясищевым.

Литература

1. Анохин, П.К. *Философские аспекты теории функциональной системы*/ П.К. Анохин // *Избранные труды* – М.: Наука, 1978. – С. 70–123.
2. Беребин, М.А. *Концепция отношений В.Н. Мясищева и теория психической адаптации личности*/ М.А. Беребин // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2008. – № 33(133). – Вып. 3. – С. 18–25.
3. Брушлинский, А.В. *Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем*/ А.В. Брушлинский // *Вопросы психологии*. – 1999. – № 5. – С. 110–121.
4. Иовлев, Б.В. *Психология отношений. Концепция В.Н. Мясищева и медицинская психология* / Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова. – СПб.: «Сенсор», 1999. – 76 с.
5. Ломов, Б.Ф. *О системном подходе в психологии*/ Б.Ф. Ломов // *Методологические и теоретические проблемы психологии*. – М.: Наука, 1984. – 439 с.
6. *Мясищев и медицинская психология (к 110-летию со дня рождения и 30-летию со дня смерти)* / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Б.Д. Карвасарский, Э.Б. Карпова // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*. – 2004. – Т. 1. – № 1.
7. Мясищев, В.Н. *Психология отношений / В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева*. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
8. Мясищев, В.Н. *Понятие личности в аспектах нормы и патологии*/ В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева // *Психология отношений*. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
9. Мясищев В.Н. *О соотношении биологического и социального в психике человека*/ В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева // *Психология отношений*. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
10. Мясищев В.Н. *Проблема личности и ее роль в вопросах соотношения психологии и физиологии*/ В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева // *Психология отношений*. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
11. Мясищев В.Н. *Теория отношений и принцип доминанты в психофизиологической деятельности человека*/ В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева // *Психология отношений*. – М.: Изд-во «институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
12. *Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / Психологическая наука в СССР*. – Т. 2. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Поступила в редакцию 20 мая 2009 г.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

ПСИХОСЕМАНТИКА БОЛИ В СТРУКТУРЕ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ У НЕВРОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

А.В. Штрахова

Рассматриваются психологические аспекты боли и их место в формировании внутренней картины болезни. Описываются особенности использования психосемантических методов при клинико-психологических исследованиях. Приводятся результаты изучения факторной структуры представлений о боли у неврологических пациентов и здоровых лиц.

Ключевые слова: психосемантика, боль, психосоматика, внутренняя картина болезни.

Актуальность исследования. Изучение внутренней картины болезни (ВКБ) и внутренней картины здоровья (ВКЗ) в медицине и клинической психологии имеет несколько аспектов. Очевидные различия в клинической симптоматической картине любого заболевания, в том числе и в картине ее болевой симптоматики, формируют и различные формы субъективного отношения пациента к своему недугу, опосредованного, в частности, особенностями личностного означивания своих болезненных ощущений. При этом особая субъективная оценка своего состояния может отражать не только особенности восприятия интрацептивных ощущений, а также наличие и силу имеющегося личностного конфликта, его осознанность и актуальность для больного. Последнее объясняется включением в процесс означивания непосредственно мотивационно-потребностной сферы человека. Этот тезис особо актуален при исследовании психосоматических нозологий, характеризующихся высоким уровнем взаимосвязи личностных конфликтов и симптомов болезни. При этом наблюдаются сложные кольцевые зависимости между собственно физической болью как одним из патогномичных признаков болезни, ее многомерным и многоуровневым характером ее восприятия и субъективно-опосредованным ее означиванием (в том числе и опосредованным смыслом и содержанием личностного конфликта). В отдельных случаях такие сложные кольцевые зависимости приобретают характер патологических кругов, осложняя объективную и субъективную картину заболевания.

Болевая симптоматика имеет и биологическую, и нервно-психическую, и психологическую природу, что позволило клинической медицине выделять соматогенные, неврогенные и психогенные болевые синдромы (11, 12). При этом в многомерной картине боли выделяются шесть составляющих ее компонентов боли, указывающих на различные уровни ее формирования: 1) чувственный (восприятие, соматическая перцепция); 2) нейрофизиологический (автономно-биохимический); 3) аффективно-мотивационный; 4) поведенческий (вербально-моторный); 5) интерперсональный; 6) информационно-процессуальный (центральный контроль).

Особенности восприятия боли, оценка степени и качества ее восприятия зависит от многих факторов, в числе которых выделяются (Мелзак, 1981):

1. Культурные особенности среды, опосредующие характер восприятия и реагирования на боль;

2. Предшествующий опыт переживания боли, включая особенности влияния наследственности, опыта детства и опыта болезни на отношение взрослого человека к боли;

3. Значение ситуации, связанной с болевыми ощущениями и переживаниями, способной трансформировать весь спектр восприятия боли и реагирования на нее;

4. Особенности организации внимания и уровень внушаемости пациента, субъективно трансформирующие степени и качества восприятия и переживания боли, лежащие в основе многих клинико-терапевтических психо-

логических феноменов, например, гипноза, плацебо и др.

Вышеизложенное представляет собой важные аргументы в пользу необходимости психологического исследования феноменологии восприятия и отражения боли субъектом. Классические положения отечественной психологии со времен А.Р. Лурия (1944) позволяют подчеркнуть, что процесс восприятия боли – это прежде всего процесс означения или категоризации поступившего стимула. Базовые положения учения А.Р. Лурия – А.Н. Леонтьева позволяют следующим образом описать процесс репрезентации боли субъектом. Прежде, чем означаться, любое явление должно выделиться из привычного образа жизни. Например, интрацептивное ощущение боли связано с выделением ее из схемы тела. Как только субъект не может каким-либо привычным образом «поместить» данное ощущение в привычную схему тела, это ощущение становится объективированным. Выделенные стимул или явление должны быть не только перцептивно выделены из окружения, но и им должны были приписаны определённые качественные характеристики. Такая первичная категоризация приводит к формированию перцептивного компонента того психологического образования, которое впоследствии может означиться как «боль». Особенности такой категоризации во многом зависят характеристик от мотивационно-потребностной сферы, определяющих содержание мотивационного компонента субъективной картины боли. В свою очередь, порождение мотива поведения испытывающего боль субъекта приводит к формированию предварительной ориентировки, имеющей очевидную аффективную природу. Фактически происходит идентификация воспринимаемой боли со следом эмоционального состояния, составляющая своеобразное «первовидение» произошедших жизненных событий. Базовой формой субъективного существования явления, которое впоследствии означится субъектом как боль, выступает категоризация в виде эмоционально-оценочных конструктов, составляющих аффективный компонент будущей боли.

Являясь формой обобщения, такие конструкты могут выступать одновременно и как операторы классификации, упорядочивающей объекты, события окружающей действительности. Семантические компоненты значения, определяющие основания такой классификации, могут быть выделены в ряде процедур, выступающих в виде особым образом организованной деятельности испытуемых. Такие

процедуры достаточно подробно описаны в базовых учебно-научных изданиях по проблеме психосемантики (Артемьева, 1980, 1991; Петренко, 1983, 1997; Шмелев, 1983(а), (б)).

Одним из базовых положений психосемантики является постулат о том, что действительность репрезентируется субъекту либо через призму чувственной модели мира (перцептивный образ) или через знаковые, концептуальные модели, имеющие сложную семантическую организацию категорий и систем их взаимоотношений и взаимосвязей. Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человеком, о некоторой содержательной области.

Одной из задач экспериментальной психосемантики является реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя.

В практическом плане для медицины и медицинской психологии представляется важным исследование всего комплекса психологических образований, вызванных и связанных с болью как центральным в этимологическом и этиологическом плане феноменом.

Начальный этап в такого рода исследований связан, в частности, с изменением интенсивности боли – алгометрией (Гусев, Измайлов, Михалевская, 1998). Относительная простота таких измерений и лежащих в их основе «измерителей», тем не менее, не лишена влияния различного рода искажений результатов исследования (прежде всего искажений, связанных с субъективным фактором и собственно погрешностями измерения). Более перспективной для исследований подобного рода представляется использование словесной рейтинговой шкалы, представленной перечнем слов, максимально описывающих весь спектр феноменологии боли, с различными способами формирования итоговых данных (выбор, ранжирование, группировка, сравнение и т.д.).

Вместе с тем, использование такого рода измерителей и процедур не позволяет, во-первых, учесть клинические особенности восприятия, оценки и реагирования на боль. Очевидно, что при обобщении результатов такого рода исследований необходимо учитывать многие факторы, например, характер заболевания (острый либо хронический, стабильный либо рецидивирующий), его фазу и динамику (начало либо исход заболевания, прогресси-

рование либо реконвалесценция), нозологическую специфику (витально-угрожающее либо тривиальное заболевание, соматическое либо психическое) и др. Во-вторых, стандартный характер стимульного материала и алгоритма его обработки не позволяет выделить персональные факторы, опосредующие особенности перцепции и репрезентации боли и связанных с ней клинических и психологических феноменов. В-третьих, само актуальное состояние пациента также способно внести искажения в результаты исследования, например, реактивность, уровень эмоционального фона, наличие установок и др.

В психологическом плане важным является понимание того, в какой контекст «вписываются» результаты исследования. Особенности т.н. «жалоб» больного, в значительной степени построенных на репрезентации боли в субъективном пространстве больного, сформировавшегося опосредованно под влиянием характера заболевания, особенностей личности больного, специфика формирования субъективного отражения болезни и т.п., являются одним из важнейших составляющих структуры субъективного мира больного, рассматриваемого в конкретной ситуации конкретного больного, страдающего конкретным заболеванием. Последние феномены наиболее полно рассматриваются при изучении важного в клиническом и психологическом плане образования, получившего названия «внутренняя картина болезни», «отношение к болезни», «реакция личности на болезнь» и т.п. Однако описание и анализ всей совокупности такого рода явлений не является предметом настоящей публикации и в дальнейшем будет использоваться наиболее распространенный термин «внутренняя картина болезни», и, с учетом специфики частного случая настоящего исследования – «субъективное пространство отражения болезни».

В диагностическом плане центральной задачей является получение описаний этой особой психологической реальности субъекта, страдающего определенным заболеванием. В экспериментальной психосемантике оптимальной признается такая форма описания, которая одновременно выступает и описанием, и средством анализа, интерпретации содержания этой психологической реальности. Решение этой задачи производится в три этапа методом реконструкции субъективных семантических пространств. Методы формирования семантических пространств (включая

процедурные и математические методы) достаточно подробно описаны в специальной литературе (Сидоренко, 2000) и в теоретическом и практическом отношении не представляют собой особой сложности для их применения. На первом этапе выполняется определение перечня объектов предметной области и выделение семантических связей между ними. Результатом этого этапа является построение матрицы сходства (расстояний) анализируемых объектов. На втором этапе применяются методы математического анализа данных исходной матрицы сходства (факторный, кластерный, дискриминантный и другие виды математического анализа) с целью выделения лежащих в ее основе феноменов. Эксперименты в области психолингвистики, связанные с построением семантического пространства, обладают высокими степенями свободы в плане выбора методов установления семантических связей (первый этап) и способов математической обработки (второй этап). Третий этап построения семантического пространства связан с качественной и количественной интерпретацией выделенных структур на основе поиска смысловых инвариантов, объединяющих объекты в определенном факторе (кластере, группе).

Учитывая представленные выше аргументы о необходимости экспериментально-психологического (экспериментально-психосемантического) изучения репрезентации боли в субъективном семантическом пространстве больных было проведено исследование 50 неврологических пациентов с выраженным болевым синдромом. В качестве контроля рассматривались материалы исследования 48 здоровых испытуемых. Группы сопоставимы по гендерным, возрастным и социально-демографическим характеристикам.

Целью исследования являлось изучение специфики представленности категории «боль» и репрезентативно связанных с ней понятий в структуре субъективного пространства отражения болезни у неврологических больных с выраженным болевым синдромом.

Задачами исследования являлись:

- создание диагностического инструментария для клинико- и экспериментально-психосемантического исследования репрезентации боли у пациентов;
- построение психосемантических моделей репрезентации боли у лиц, страдающих

неврологическими заболеваниями в выраженным болевым синдромом;

- выделение закономерностей взаимосвязей категории «боль» и репрезентативно связанных с ней понятий в структуре субъективного пространства отражения болезни

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе исследования был сформирован тезаурус, включающий в себя:

Термины, описывающие сенсорные качества боли во временных и пространственных терминах, в терминах давления, температуры и других свойств;

Термины, описывающие эмоциональные качества боли в терминах напряжения, страха и вегетативных проявлений, которые являются частью испытываемой боли;

Термины в форме оценочных конструкций, описывающие общую субъективную оценку испытываемой боли.

В формате ассоциативного эксперимента были получены совокупности множественных выборов терминов, субъективно связанных с испытываемой и переживаемой пациентами болевой симптоматикой (с представлениями о боли – у здоровых испытуемых). В группах больных и здоровых лиц выполнялся частотный анализ выборов, фрагмент результатов которого представлен в табл. 1.

Были выделены 43 термина, встречавшиеся не менее чем в 50% выборов. Для этих терминов были рассчитаны значения коэффициентов сопряженности (попарной совместной встречаемости в выборах всех пациентов и здоровых испытуемых). Эти значения коэффициентов сопряженности рассматривались в дальнейшем как адекватные аналоги коэффициентов попарной корреляции и ис-

пользовались на входе процедуры факторного анализа. Последняя выполнялась с помощью пакета статистических программ Statistica ver 6.0 выбором опции анализа главных компонент и факторного анализа данных, полученных в значениях порядковых шкал, с последующим вращением факторных решений по методу Varimax. При этом полученные на первом этапе данные по каждому испытуемому были преобразованы в виде индивидуальных значений главных компонент и в такой форме подавались на «вход» процедуры Varimax-вращения.

На этапе получения главных компонент были выделены по 12 первоначальных (ортогональных) главных компонент в группе неврологических больных и в группе здоровых. В соответствии с качественным содержанием некоторые главные компоненты имели одинаковый либо сходный состав и в группе пациентов и в группе здоровых. Эти главные компоненты были квалифицированы как «Название эмоций, чувств и событий, связанных с болью»; «Знаки эмоциональной оценки»; «Боль как эмоционально трудно переносимые ощущения»; «Боль как нарушение или ограничение чего-либо»; «Боль как причиняющее ущерб». Только в группе неврологических больных были получены констелляции представлений о боли, проинтерпретированные как «Боль как внешние эмоциональные проявления»; «Боль как причиняющее несчастье»; «Симптомы болезни или сама болезнь»; «Предметы и явления связанные со смертью»; «Тяжесть воздействия боли»; «Неожиданность, внезапность». Только в группе здоровых испытуемых содержательная интерпретация сопряженности выборов позволила проинтерпретировать главные компоненты

Таблица 1

Частота выборов терминов, описывающих представления о болевой симптоматике у неврологических больных и у здоровых лиц

	Представление о боли	
	у больных	у здоровых
	Частота выбора	Частота выбора
Понятия	1	2
Выводит из себя	29	41
Выкручивающая	33	20
Вырывающая	34	20
Грызущая	33	38
Давление	39	30
Зуд	38	21
Интенсивная	41	30
...		

Клиническая (медицинская) психология

следующим образом «Оценка боли как наказания»; «Образное описание боли»; «Боль как телесное неблагополучие»; «Боль как физическое изменение»; «Боль как степень изменений»; «Боль как нарушение целостности»; «Реакция на боль»; «Прочее».

После процедуры Varimax-вращения главных компонент, являвшихся первичными данными для факторного анализа, получены вторичные факторные решения с общей дисперсией значений в каждой группе более 60%, представленные 4 ортогональными факторами в группе неврологических пациентов и 3 факторами – в группе здоровых лиц. Состав выделенных факторов с значениями образующих их переменных представлен в табл. 2 и 3 соответственно.

Содержательная интерпретация первого фактора, описывающего репрезентацию представлений о боли у неврологических пациен-

тов, описывающий 34,2 % дисперсии результатов, позволяет определить его как «Фактор эмоционального восприятия боли». Наиболее полной интерпретацией второго фактора (18,1 % дисперсии) является его описание как «Эмоционально-ипохондрическая фиксация на болевой симптоматике». Третий фактор (информационная нагрузка 11,4 %) был определен как «Последствия переживания боли». Четвертый выделенный фактор (5,9 % общей дисперсии) проинтерпретирован как «Боль как сигнал нарушения».

Качественная характеристика выделенных факторов, выполненная на основании анализа весового вклада формирующих эти факторы главных компонент и названий образующих их переменных (терминов-характеристик боли), позволяет описать первый фактор эмоционального восприятия боли как «не-

Таблица 2

Результаты факторного анализа представлений о болевой симптоматике у неврологических больных

Первичные факторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Название эмоции и чувств	0,754	0,252	0,318	0,132
Знак эмоциональной оценки	0,792	0,122	0,264	0,053
Внешние эмоциональные проявления	0,687	0,467	0,503	0,187
Эмоционально трудно переносимые	0,376	0,766	0,339	0,117
Предметы и явления, связанные со смертью	0,196	0,340	0,411	0,652
Боль как причиняющее несчастье	0,487	0,150	0,715	0,431
Симптом болезни	0,106	0,713	0,116	0,219
Тяжесть воздействия	0,062	0,339	0,254	0,271
Нарушение чего-либо	0,045	0,355	0,398	0,613
Степень нарушения	0,461	0,04	0,205	0,646
Боль как причиняющее ущерб	0,291	0,181	0,674	-0,260
Неожиданность, внезапность	0,484	0,006	0,312	-0,032

Таблица 3

Результаты факторного анализа представлений о болевой симптоматике у здоровых лиц

Первичные факторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Название эмоции и чувств	0,478	0,589	0,407
Эмоциональная оценка события	0,362	0,554	0,317
Знак эмоциональной оценки	0,119	0,093	0,121
Оценка боли как наказания	0,313	0,176	0,521
Указание на ограничение в чем-либо	0,061	0,372	0,513
Образное описание боли	0,264	0,292	0,247
Телесное неблагополучие	0,642	0,463	0,002
Физическое изменение	0,006	0,413	0,511
Степень изменения	0,176	0,091	0,217
Нарушение целостности	0,291	0,158	0,503
Реакция на боль	0,652	0,217	0,367
Прочее	0,167	0,381	0,451

гативная эмоциональная оценка боли» – 0,792 («неприятно», «плохо», «ужасно»), «негативные эмоции при боли» – 0,754 («огорчение», «досада», «злость», «страх», «тревога»), «внешние проявления эмоциональной оценки боли» – 0,687 («жалобы», «стон», «упадок сил», «вопл»).

Второй фактор «Эмоционально-ипохондрическая фиксация на болевой симптоматике» описывается как «эмоционально трудно переносимая болезнь» – 0,766 («усталость», «затруднение», «изнеможение», «слабость») и «Переживание симптомов заболевания или самой болезни» – 0,713 («мигрень», «похмелье», «зуд», «глухота»).

Третий фактор «Последствия переживания боли» образуют «представления о боли как причинении ущерба» – 0,715 («нарушение», «убыток», «упадок», «помеха», «разрыв») и «представление о боли как причинении несчастья» – 0,674 («страдание», «мучение»).

Четвертый фактор «Боль как сигнал нарушения» представлен «проявлениями нарушений» – 0,613 («искривление», «искажение», «сковывающая», «ломающая»), «степенью нарушений» – 0,646 («малая», «умеренная», «сильная»), «символикой смерти и умирания» – 0,652 («гибель», «траур», «казнь», «смерть», «пытка»).

Общая интерпретация четырехфакторной структуры, описывающей репрезентацию боли в структуре субъективного пространства отражения болезни, выполненная в соответствии традиционно рассматриваемой в отечественной клинической психологии 4-х компонентной модели ВКБ, разработанной А.Р. Лурия и его учениками, свидетельствует, что представленность понятия боль в структуре ВКБ у больных в большей степени относиться к ее эмоциональному компоненту. Одним из объяснений полученных данных является понимание того, что при хронической стадии в психосоматическом варианте болевой синдрома комплекс переживаний болезни сосредоточен не на чувственном компоненте (как это наблюдается в острой стадии), а в большей степени на эмоциональном переживании боли. Последнее свидетельствует о наличии определенного опыта совладания с болезнью и наличии ее первичной, главным образом – эмоциональной оценки.

Анализ полученной факторной структуры представлений о боли исследованных здоровых испытуемых свидетельствует, что их система представлений менее сложная и представлена тремя факторами, проинтерпретированными

как «Реакция на боль как негативный стимул» (64,8 % дисперсии переменных), «Эмоциональное восприятие боли» (5,4 %) и «Боль как признак физических нарушений» (3,2 %).

Важно, что структура второго фактора у здоровых лиц оказалась схожей со структурой первого фактора у неврологических больных и была образована главными компонентами «негативная эмоциональная оценка боли» – 0,554 («неприятно», «отвратительная», «ужасно», «противная»), «негативные эмоции при боли» – 0,554 («огорчение», «досада», «стыд», «злость», «страх», «тревога»). Вместе с тем, отсутствие компонента «негативная эмоциональная оценка боли» наиболее вероятно объясняется неактуальностью либо отсутствием на момент обследования опыта переживания боли у здоровых.

Качественный состав первого фактора «Реакция на боль как негативный стимул» представлен компонентами «реакция на боль» – 0,652 («выводит из себя», «бесит», «мобилизует», «борьба»), «ощущение телесного неблагополучия» – 0,642 («зуд», «мигрень», «мозоль»). Третий фактор в силу его минимальной информационной ценности не представляет интереса для интерпретации.

Таким образом, у здоровых людей представленность понятия «боль» в структуре ВКБ в большей степени соотносится с мотивационно-поведенческим компонентом ВКБ. Реакции на болевой стимул порождают определенные поведенческие реакции организма, укладывающиеся в традиционный паттерн «борьба, ступор, бегство». Описываемые репрезентации представлений о боли у здоровых людей описывают все три реакции. Вместе с тем, выявленные закономерности семантической картины репрезентации болевых ощущений позволяют дифференцированно осуществлять выбор «мишеней» психотерапевтического вмешательства при различных вариантах болевых синдромов в клинической и субъективной картине болезни.

Литература

1. Артемьева, Е.Ю. Психология субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Издательство «Пирамида», 1980. – 252 с.
2. Артемьева Е.Ю. Семантические измерения как модели / Е.Ю. Артемьева // Вестник МГУ. – 1991. – № 1. – С. 15–24.
3. Гусев, А.Н. Измерение в психологии / А.Н. Гусев, Ч.А. Измайлов, М.Б. Михалевская. – М.: Наука, 1998. – 325 с.

Клиническая (медицинская) психология

4. Лурия, Р.А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания / Р.А. Лурия. – М.: Мир, 1944. – 138 с.
5. Мелзак, Р. Загадка боли / Р. Мелзак. – М.: Медицина, 1981. – 231 с.
6. Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В.Ф. Петренко. – М.: Наука, 1983. – 271 с.
7. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – Смоленск, 1997. – 345 с.
8. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2000. – 352 с.
9. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А.Г. Шмелев. – М.: Речь, 1983. – 246 с.
10. Шмелев, А.Г. Концепции систем значений в экспериментальной психосемантике / А.Г. Шмелев // Вопросы психологии. – 1983. – №4. – С. 12–38.
11. Клиническое измерение боли. <http://www.adobe.com/products/acrobat/readstep.html>
12. Фундаментальные проблемы боли. Российская научно-практическая конференция. www.ama-assn.org/special/migraine/migraine.htm.

Поступила в редакцию 1 июня 2009 г.

Штрахова Анна Владимировна. Кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Anna V. Shtrahova. Candidate of Medical Science, docent of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: 8(351)2679758.

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

УДК 159.9
ББК Ю9

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О.В. Глухова

Исследуются подходы к изучению проблемы профессионального самоопределения в 22 диссертационных работах по педагогике и психологии. Описаны результаты анализа этих работ по объекту, предмету, целям и задачам исследования, представлена систематизация факторов профессионального самоопределения.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, факторы и составляющие профессионального самоопределения.

В современных условиях социально-экономической действительности большое внимание уделяется изучению проблем, связанных с выбором личности своей будущей профессии, и, как следствие, выбором профильного образования. Эта тема актуальна как для педагогики, так и для психологии. Понятийное поле этой проблемы опирается на основополагающие понятия психологической и педагогической науки: «самосознание личности», «выбор профессии», «профориентация», «профессиональное становление», «профессиональное самоопределение». Одной из главных задач этого направления психолого-педагогической науки является исследование жизненных этапов, на которых происходит определение человеком своих профессиональных предпочтений, изучение факторов, влияющих на выбор профессионального пути, определение психологических феноменов, определяющих формирование профессиональной деятельности субъекта.

Изучение проблемы профессионального самоопределения (ПС) личности является одним из традиционных направлений классических психологических исследований и связано с именами С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Е.А. Климова, А.К. Марковой, Н.С. Пряжниковой, Э.Ф. Зеера и др. В их работах были определены важнейшие аспекты изучения проблематики ПС:

– ПС как психологический феномен, существующий на протяжении всей жизни;

– ПС как осознание необходимости нахождения личностного смысла в профессии;

– ПС как важное проявление психического развития;

– ПС как фактор сознательного и эффективного планирования и реализации профессиональной карьеры и потребности в самореализации.

Классическим определением ПС считается определение Е.А. Климова «профессиональное самоопределение уместно понимать в общем виде как деятельность человека, обретающую то или иное содержание в зависимости от этапа его развития как субъекта труда» [13, с. 27].

Основные аспекты процесса ПС, отраженные в классических исследованиях отечественных психологов, нашли свое продолжение в диссертационных работах по всем основным научно-педагогическим специальностям – по общей психологии и психологии личности, психологии труда, педагогической психологии, общей педагогики, теории и методики профессионального образования и др. В настоящей статье представлены результаты анализа 22 диссертационных исследований по проблеме ПС личности. С целью определения закономерностей в организации и проведении исследования проблемы ПС наукометрический анализ проводился по следующим параметрам: цель исследования, задачи исследования, объект исследования и предмет исследования.

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

Результаты анализа свидетельствуют, что комбинация направлений и подходов в изучении рассматриваемой темы во всех 22 работах носит вариативный характер: от изучения отдельных вопросов профорientации и выбора профессии, влияния личности на ее профессиональное становление и роста и до исследования особенностей организации и содержания учебного процесса общеобразовательной школы и профессионального учебного заведения.

Выявленная в диссертационных исследованиях вариативность подходов к изучению проблемы ПС послужила основанием для создания классификации представленных в этих исследованиях подходов в изучении проблем ПС личности. В качестве системообразующих (таксономических) оснований предлагаемой классификации выбраны следующие: «факторы ПС личности»; «временной аспект личностного роста в ситуации ПС»; «деятельность субъекта и ее роль в ситуации ПС личности»; «процессуальный характер ПС и его динамика»; «психолого-педагогические условия процесса ПС личности».

В первой группе классификации спектра проблем ПС личности объединены работы, в которых рассматриваются факторы этого процесса. В исследованиях *Д.Е. Беловой (2004)*, *О.Г. Кагальницкой (2006)*, *С.А. Бутковской (2007)* ПС рассматривается именно как процесс. К факторам процесса ПС личности авторы относят жизненные смыслы личности, систему ценностных ориентаций, гендерную идентичность. В других работах акцентируется внимание на психологических свойствах и интеллектуальных характеристиках личности (*М.Г. Потапова, 2006* и *Н.Е. Касаткина,*

2000). Эти качества провоцируют возникновение проблемной ситуации в ПС человека, и, тем самым, способствуют его изменению. В работе *А.В. Мартыновой (2005)* исследовано психологическое образование старших школьников как фактор ПС личности и делается вывод о том, что эффективность ПС напрямую зависит от психологической культуры личности. *Н.Л. Кирт (2007)*, *Е.В. Солотина (2007)* и *В.В. Белоусова (2007)* рассматривают планирование профессиональной карьеры как один из факторов успешности ПС, опирающийся на систему представлений о себе и своем месте в мире. Решения, которые принимает молодой человек на этапе формирования профессиональной карьеры и ее развития, определяют в целом Я-концепцию личности и ее жизненный путь. Перечень факторов ПС каждой конкретной личности на этапе выбора профессии индивидуален и может зависеть, в частности, от семейной ситуации. Так, подросток из неблагополучной семьи, находящийся в реабилитационном учреждении, в ситуации выбора профессии более всего ориентирован на идентификацию с родителями и зависим от мнения значимых лиц (*Е.В. Солотина*).

Обобщенное представление об изучаемых группах факторов процесса ПС личности представлено в таблице.

Ко второй группе предлагаемой классификации изучаемых проблем профессионального самоопределения личности отнесены работы, направленные на изучение роли временного аспекта в развитии личности и ситуации профессионального самоопределения. Соискатели ученых степеней подчеркивают тот факт, что осознание человеком своего

Систематизация факторов профессионального самоопределения личности, изученных в диссертационных исследованиях

	Факторы профессионального самоопределения личности					
	Личностные		Социальные		Профессиональные	
Авторы	С.А. Бутковская, О.Г. Кагальницкая, Д.Е. Белова	М.Г. Потапова, Н.Е. Касаткина	А.В. Мартынова	Е.В. Солотина	Н.Л. Кирт	В.В. Белоусова
Список факторов	Гендерная идентичность, система ценностных ориентаций, жизненные смыслы личности	Психологические свойства и интеллектуальные характеристики личности	Психологическая культура личности	Идентификация с родителями и зависимость от мнения значимых лиц	Планирование профессиональной карьеры	Субъективные представления о мире профессий и об «образе специалиста»

возраста порождает у него желание соответствовать общественным законам и выбирать индивидуальный профессиональный путь. Исследование вопросов времени и его связи с процессом ПС, изменения внутреннего плана развития личности в связи с его нацеленностью на будущее и желание строить свои профессиональные перспективы представлены в работах С.А. Иванушкиной (1997) и В.А. Карташева (2007).

Третья группа диссертационных работ представлена работами, рассматривающими ПС как человеческую деятельность и как смысл жизни личности (Д.Е. Белова, 2004, Е.С. Засыпкина, 2004), О.В. Овчинникова, 2004), Д.И. Ляхов, 2004), С.А. Калашиникова, 2006). Процесс ПС личности, протекающий, с одной стороны, как внутренние искания человека, а с другой – как ожидания окружающей действительности, по мнению Д.Е. Беловой и Д.И. Ляхова, никогда не может быть односторонним. Более того, именно при взаимодействии этих двух начал ПС может быть успешным (Е.С. Засыпкина и С.А. Калашиникова). Оно может быть выражено в самоудовлетворении личности от своих действий, в сознательном раскрытии личностью активной деятельностной позиции как внутренней деятельности выбора в ситуации ПС (О.В. Овчинникова, 2004)

В четвертой группе представлены диссертации, в которых исследуется динамика ПС как процесса. Отдельным проблемам, связанным с выделением этапов или стадий процесса профессионального самоопределения, посвящены диссертационные исследования Е.М. Борисовой (1995), С.А. Бутковской (2007), Е.В. Лобовой (2006), Д.Е. Беловой (2004), Я.В. Дидковской (2000). Исследуется формирование психологической готовности к профессиональному выбору, осуществление этого выбора, профессиональное обучение, овладение профессиональным мастерством, творческий вклад в развитие самой деятельности и передача профессионального опыта другим людям [3, с. 22]. Изучается детская игра, подростковая фантазия, предварительный выбор профессии, выбор специальности [4, с. 67–68]), профессиональный выбор, профессиональная адаптация, формирование карьерных планов и контроль за их реализацией, самореализация, профессиональная отставка [14, с. 26]). В некоторых исследованиях утверждается, что динамику профессионального самоопределения необходимо рассмат-

ривать не только с точки зрения этапов или стадий, но и с позиции временного аспекта как направленности на будущее (Д.Е. Белова (Екатеринбург, 2004), Я.В. Дидковская (Екатеринбург, 2000)).

Таким образом, диссертационными исследованиями подтверждается сам факт динамики ПС. Диссертантами последовательно проводится мысль, что ПС как процесс зарождается в подростковом возрасте, когда дети учатся в старших классах и только начинают задумываться о своих профессиональных пристрастиях, и не заканчивается, пока человек занимается трудовой деятельностью. Этот процесс продолжается и у взрослого, уже профессионально самоопределившегося человека. Длительность и многоэтапность процесса ПС личности обуславливает тот факт, что однозначное его завершение невозможно.

Пятая группа включает в себя работы, рассматривающие психолого-педагогические условия процесса профессионального самоопределения личности. Реализация психологических и педагогических условий, как утверждают Л.В. Лезова (2001), Ю.Н. Соловьева (2007), О.А. Чуднова (2008), возможна лишь при научной организации системы профильного образования. Отдельным проблемам влияния внутриличностных новообразований в период ПС посвящены исследования Н.В. Сорокиной (2004) и О.Г. Кагальницкой (2006).

Таким образом, анализ диссертаций по цели исследования позволил определить основные явления процесса ПС личности и обосновать его актуальность для личности на каждом этапе ее развития.

Определение цели исследования предполагает и формулирование задач как средств освещения проблемы. По характеру исследования задачи могут быть исследовательского, интегративного, системного и аналитического плана.

Примером исследовательских задач являются выявление условий формирования мотивации ПС (Н.В. Сорокина, 2004), исследование методов обучения для успешного ПС (Л.В. Лезова), определение структуры профессионально-консультативной деятельности (Е.В. Лобова), уточнение сущности ПС у молодых специалистов (Д.И. Ляхов). Эти диссертационные работы привносят некое новое знание, новые научные факты в области ПС.

Задачи интегративного плана преследуют цель локализации выявленных новых научных фактов в сферу уже имеющихся знаний о

процессе ПС личности: ПС и смысловые аспекты будущего (*Д.Е. Белова*), ПС и тип гендерной идентификации (*С.А. Бутковская*), личная профессиональная перспектива или карьера и ПС (*С.А. Иванушкина, Н.Л.Кирт*), успешность в профессии и ПС (*Е.С. Засыткина, С.А. Калашикова*)

Примерами реализации задач системного характера при исследовании проблемы ПС в контексте ее системных взаимосвязей с другими явлениями в жизни личности являются исследование ПС личности в сфере информационных технологий (*В.В. Белоусова*), изучение ПС личности в сфере музыкального образования (*В.А. Карташев*), определение особенностей ПС личности в сфере психологического (*А.В. Мартынова*), агроинженерного (*О.А. Чуднова*) и профильного туристского (*Ю.Н. Соловьева*) направлений образования).

Внутренние составляющие процесса ПС личности выделяются посредством решения задач аналитического плана. Примерами решения такого рода задач является исследование этапов ПС (*Е.М. Борисова, Н.Е. Касаткина*) выделение критериев эффективности ПС (*Е.В. Солотина, О.Г. Кагальницкая*), ситуации выбора профессии в контексте ПС (*О.В. Овчинникова, Я.В. Дидковская*).

Направление исследования процесса ПС личности в каждом случае имеет узконаправленный характер. Такого рода задачи исследования носят также социокультурный, исследовательский и прикладной характер. Примером решения задач прикладного характера являются исследования *Е.С. Засыткиной, Д.Е. Беловой, С.А. Калашиковой*. Эти диссертации объединяются общим центральным звеном – изучением влияния успешности в профессии на развитие личности в целом. Внутренние механизмы, обеспечивающие осознание человеком необходимости определения своего места в мире профессиональной деятельности, рассматривают *О.Г. Кагальницкая* (оценочно-смысловая сфера), *О.В. Овчинникова* (внутренняя деятельность выбора профессии), *Н.В. Сорокина* (формирование мотивации деятельности). Решение социокультурных задач ставят перед собой *А.В. Мартынова*, *А.В.* и *В.А. Карташев*.

Таким образом, широта охвата задач исследования ПС позволяет говорить о достаточной, но неполной разработанности указанной проблематики. Выполненное нами исследование системного классификационного характера позволило определить подходы дис-

сертационных исследований в определении места ПС в общей структуре формирования Я-концепции личности.

Научность и достоверность анализируемых диссертационных работ подтверждается фактами общности и частности выделенных объектов и предметов исследования.

Анализ работ по объекту исследования выявил неоднородный характер их формулировок, несмотря на то, что все они посвящены изучению проблемы ПС личности. Некоторые исследования заключаются в подтверждении процессуального характера ПС. Соискатели ученых степеней рассматривают его особенности на различных этапах развития личности. Исследования *Е.С. Засыткиной, Д.Е. Беловой, Н.Е. Касаткиной, Я.В. Дидковской, О.Г. Кагальницкой* направлены на изучение особенностей развития личности, в соответствии с выбранной профессией, на этапе обучения в профильных учебных заведениях.

Отмечается выбор непосредственно субъектов ПС в качестве объекта исследования. При этом обсуждались природа ПС, проявляющегося в выборе профессии и его мотивах, а также роль развития личности подростков и студентов. Так, *Е.В. Солотина* и *В.В. Белоусова* прослеживали отношения между выбором профессии и средствами его реализации у подростков, *О.Г. Кагальницкая, О.А. Чуднова, Л.В. Лезова* выполнили анализ основных условий, способствующих ПС у студентов. Диссертанты выделяют тенденции процесса ПС, являющиеся общими и для подростков, и для профессионально самоопределившихся студентов. Зависимость ПС от различных аспектов социальной действительности как объект изучения исследуется в работах *С.А. Бутковской* (ПС и гендерная идентичность), *Н.Л. Кирт* (ПС и профессиональная карьера), *О.В. Овчинниковой* (ПС и внутренняя деятельность выбора), *Н.В. Сорокиной* (ПС и мотивация деятельности).

Предметами изучения ПС в диссертационных работах наиболее часто являлись:

1) психологические составляющие процесса ПС (работы *Е.М. Борисовой, О.Г. Кагальницкой, Н.Е. Касаткина, С.А. Бутковской, Я.В. Дидковской, С.А. Калашиковой, А.В. Мартыновой, Н.Л. Кирт*);

2) особенности процесса ПС, отличающие его от других процессов в жизни человека (работы *Д.Е. Беловой, С.А. Иванушкиной, Л.В. Лезовой, О.В. Овчинниковой, М.Г. Потановой, Д.И. Ляхова, Е.В. Лобовой*);

3) частные случаи процесса ПС (работы В.В. Белоусовой, В.А. Карташева, Ю.Н. Соловьевой, Е.В. Солотинной, Н.В. Сорокиной, О.А. Чуднова, Е.С. Засыпкина).

Значительное внимание в анализируемых диссертационных работах было уделено тематике, представленной исследованием выбора профессии, внутренних механизмов личности в ситуации ПС, взаимовлияния профессии и личности. Анализировались существо и виды социальных влияний, психологические и педагогические составляющие процесса ПС и его социокультурные условия.

Приведенный анализ показывает, что проблема ПС личности затрагивает достаточно широкий пласт жизни человека. Несмотря на очевидную актуальность, в рассмотренных диссертационных исследованиях отсутствует довольно большой круг проблем, связанных с изучением ПС в структуре Я-концепции специалиста для выбравших, обучающихся либо работающих по специальностям финансово-экономического профиля.

Представляется, что процесс ПС личности – это сложное многокомпонентное образование личности на пересечении влияния областей социальной действительности, как культуры, психологии и педагогики. Поэтому следует рассматривать это явление, как необратимо изменяющее личность, и добиваться его улучшения и совершенствования для развития человечества.

Литература

1. Белова, Д.Е. *Смысловое будущее в контексте профессионального самоопределения студентов-психологов: дис. ... канд. психол. наук / Д.Е. Белова. – Екатеринбург, 2004.*

2. Белоусова, В.В. *Самоопределение студентов и школьников в сфере профессий, связанных с информационными технологиями. Дис. ... канд. психол. наук / В.В. Белоусова. – М., 2007.*

3. Борисова, Е.М. *Профессиональное самоопределение: дис. ... д-ра психол. наук / Е.М. Борисова. – М., 2002.*

4. Бутковская, С.А. *Становление гендерной идентичности в процессе профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Бутковская. – Хабаровск, 2007.*

5. Дидковская, Я.В. *Профессиональное самоопределение студенчества: современные проблемы: дис. ... канд. социол. наук / Я.В. Дидковская. – Екатеринбург, 2000.*

6. Засыпкина, Е.С. *Ситуация успеха-неуспеха как фактор профессионального самоопределения студентов педагогического колледжа: дис. ... канд. пед. наук / Е.С. Засыпкина. – Екатеринбург, 2004.*

7. Иванушкина, С.А. *Восприятие старшеклассниками событий собственного жизненного пути и профессиональное самоопределение: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Иванушкина. – М., 1997.*

8. Кагальницкая, О.Г. *Психологические особенности стереотипизации смысловых ориентаций девушек на начальном этапе профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук / О.Г. Кагальницкая. – Ростов-на-Дону, 2006.*

9. Калашикова, С.А. *Адекватность профессионального самоопределения и ее проявление в развитии синдрома «профессиональное выгорание» в особых условиях деятельности: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Калашикова. – М., 2006.*

10. Карташев, В.А. *Профессиональное самоопределение будущих учителей музыки в условиях среднего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук / В.А. Карташев. – М., 2007.*

11. Касаткина, Н.Е. *Психологические факторы профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук. / Н.Е. Касаткина. – СПб., 2000.*

12. Кирт, Н.Л. *Динамика представлений о профессиональной карьере психологов образования в процессе профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук / Н.Л. Кирт. – М., 2007.*

13. Климов, Е.А. *Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – М.: Издат. центр «Академия», 2004.*

14. Кон, И.С. *В поисках себя. Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984.*

15. Лезова, Л.В. *Активные методы обучения как средство профессионального самоопределения студентов УСПО: дис. ... канд. пед. наук / Л.В. Лезова. – М., 2001.*

16. Лобова, Е.В. *Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. – Е.В. Лобова. – Екатеринбург, 2006.*

17. Ляхов, Д.И. *Профессиональное самоопределение выпускников вузов на рынке труда: дис. ... канд. социол. наук / Д.И. Ляхов. – М., 2004.*

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

18. Мартынова, А.В. Влияние школьного психологического образования на профессиональное самоопределение школьников: дис. ... канд. психол. наук / А.В. Мартынова. – СПб., 2005.

19. Овчинникова, О.В. Внутренняя деятельность выбора в ситуации профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук / О.В. Овчинникова. – Екатеринбург, 2004.

20. Потапова, М.Г. Развитие прогностических способностей как условие профессионального самоопределения личности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук / М.Г. Потапова. – Ставрополь, 2006.

21. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства: учебное пособие для студ. вузов / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001.

Соловьева, Ю.Н. Профессиональное самоопределение учащихся в процессе профильного туристского обучения: дис. ... канд. пед. наук / Ю.Н. Соловьева. – М., 2007.

22. Солотина, Е.В. Профессиональное самоопределение подростков из неблагополучных семей в условиях реабилитационного учреждения: дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Солотина. – Тамбов, 2007.

23. Сорокина, Н.В. Формирование мотивации профессионального самоопределения студентов средних специальных учебных заведений: дис. ... канд. психол. наук / Н.В. Сорокина. – М., 2004.

24. Чуднова, О.А. Психологическое сопровождение личностно-профессионального самоопределения студентов агроинженерного профиля: дис. ... канд. психол. наук / О.А. Чуднова. – Ростов-на-Дону, 2008.

Поступила в редакцию 13 июня 2009 г.

Глухова Оксана Владимировна. Аспирант факультета психологии ЮУрГУ: 8(351)2679758.

Oksana V. Gluhova. Post-graduate student of faculty of psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

В.С. Гурьянова

Представлено обоснование возможности использования метафорического материала в целях диагностики социального интеллекта. Особенности понимания, обработки и интерпретации метафорического материала отражают специфику развития интеллектуальных механизмов, обеспечивающих решение социальных задач. Выполнено исследование особенностей понимания метафор представителями различных социальных групп. Исследована взаимосвязь понимания метафор различной структурно-смысловой организации и общих интеллектуальных способностей¹.

Ключевые слова: социальный интеллект, метафора, перцептивный опыт, мыслительные операции, дивергентные задачи, мышление, культура.

Введение

В настоящее время феномен социального интеллекта является одним из популярных предметов научных исследований, однако в научном сообществе до сих пор нет единого мнения по поводу определения социального интеллекта. В частности, социальный интеллект рассматривается либо как «дальновидность в межличностных отношениях», либо как способность высказывать быстрые, почти автоматические суждения о людях, прогнозировать наиболее вероятные реакции человека, либо как «социальный дар», обеспечивающий «гладкость» в отношениях с людьми, продуктом которого является социальное приспособление, либо как умение понимать причины поступков, обычаев, традиций, умение улавливать логику и последовательность событий, либо как «способность понимать людей и социальные ситуации» [6].

Д.В. Ушаков выделяет ряд характерных структурных особенностей социального интеллекта:

- 1) континуальный характер;
- 2) использование невербальной репрезентации;
- 3) потеря точности социального оценивания при вербализации;
- 4) формирование в процессе имплицитного научения;
- 5) использование «внутреннего опыта» (Д.В. Ушаков, 2004).

Специфика феномена социального интеллекта создаёт трудности для его диагностики. Дж. Гилфорд говорил о том, что для диагностики социального интеллекта должны использоваться дивергентные типы задач, которые допускают возможность многовариантных решений. Он особо подчеркивал то, что диагностика данной способности должна проводиться поведенческими, невербальными способами, чтобы избежать возможных ошибок, связанных с самоотчетом и способностью к интроспекции (цит. по А.И. Савенков, 2005). Следовательно, для диагностики не подходят традиционно используемые в интеллектуальных тестах задачи с единственно верным вариантом ответа. Использование опросников на социальную осведомленность сводит социальные способности к предмету, диагностируемому тестами достижений.

Метафорический материал для диагностики социального интеллекта впервые был применен Д. Векслером для диагностики показателей шкалы «Понятливость», которые интерпретировались им как способность ориентироваться в социуме, умение понимать причины поступков, обычаев, традиций (А. Анастаси, С. Урбина, 2001).

Научные исследования, связанные с ролью метафор в повседневной жизни, дают основания предположить, что метафорический материал может быть использован для диагностики многих аспектов социального интеллекта.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, гранты 07-06-00835а, 07-06-00631а.

Г. Бэйтсон связывает эффективное социальное взаимодействие со способностью понимать сообщения различного уровня (уровень информации, уровень отношений, уровень социальных ролей и др.). Понимая сообщения с различным метафорическим смыслом и соотнося этот смысл с ситуацией и предметом, о котором говорится, человек ориентируется в широком спектре социальных ситуаций (Бэйтсон Г., 2000).

Ж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и чувствуем, метафорична по самой своей сути (Ж. Лакофф, М. Джонсон, 2004).

Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также повседневной деятельностью, включая самые обыденные ее детали. Понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если Ж. Лакофф и М. Джонсон были правы в своем предположении, что понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается. В повседневной деятельности чаще всего люди думают и действуют более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Один из способов выявления этих схем состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественноречевое общение базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что представляет собой эта система понятий.

Вывод о том, что обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные. В работе «Метафоры, которыми мы живем» Ж. Лакофф и М. Джонсон приводят примеры и доказательства того, как метафоры структурируют восприятие, мышление и действия, а также того, что наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры.

Можно предположить, что способность к

пониманию и верной интерпретации метафор может служить индикатором способностей к пониманию широкого спектра социальных явлений.

В исследовании О.Н. Аристовой были получены данные, что искажения в понимании метафорического материала связаны с наличием мотивационно-аффективного конфликта у взрослых испытуемых. Мотивационно-аффективный конфликт был вызван тем, что сообщение в пословице неосознанно ассоциировалось с актуальной социальной проблемой испытуемого (О.Н. Аристова, 2006).

Способность устанавливать ассоциативные связи между сообщением в пословице и элементами ментального опыта является важным параметром для понимания метафорического смысла.

С этим согласуются выводы о том, что люди с полнезависимым когнитивным стилем лучше понимают и прогнозируют социальные ситуации, поскольку у них развита способность выделять нужные условия (элементы) задачи из сложно воспринимаемого целого.

Широкое использование метафор в консультативной и психотерапевтической практике обусловлено тем, что метафорические конструкции дают возможность работать с бессознательным, избегая необходимости полного осознания. Данная особенность очень важна для диагностики психологических феноменов, лежащих в основе социального интеллекта, которые невозможно вербализовать.

Особыми метафорами являются народные пословицы и поговорки. Они содержат проверенный поколениями универсальный эмоциональный и социальный опыт.

Верное понимание пословиц (народных поговорок, пословиц других культур, современных пословиц, антипословиц, афоризмов) может указывать, с одной стороны, на высокую способность к пониманию социальных закономерностей, а с другой стороны, на способность к соотносению метафорического сообщения с элементами ментального опыта.

Понимание метафор другой культуры может служить показателем открытости новому опыту и социальной гибкости, поскольку при её интерпретации значительно чаще возможны расхождения метафорического послания с актуальным ментальным опытом испытуемого.

При семантическом подходе к анализу

понимания вообще, и при понимании метафор в частности, исследователи чаще всего говорят о языковом переносе. Внутри лексики метафора является межсистемным переносом, осуществляя переход от одной категориальной системы к другой. И в зависимости от того, сколь далека одна из составляющих системы от другой, можно говорить о глубине метафоризации, о глубине метафоры. При свободном описании несемантизированных изображений выявляются шесть типов метафор по глубине: предметные, культурные, собственно метафоры формы, социально-антропоморфные метафоры, функциональные и межмодальные метафоры. Успешность решения проблемы смысловой обработки в значительной степени определяется эффективностью решения проблемы репрезентации (что человек знает, когда понимает что-либо), так как смысловая обработка и репрезентация – это взаимообусловленные компоненты «семантического поля» психики понимающего объекта.

Особенности обработки метафорического материала, необходимость привлечения элементов ментального опыта и внутренних репрезентаций, обусловленность метафорами способов мышления и действий, а также структуры основных понятий культуры заставляет предположить, что по тому, как человек способен понимать и интерпретировать метафорический материал можно судить о развитии интеллектуальных механизмов, связанных со способностью успешно решать социальные задачи.

Организация и методы исследования

Для исследования понимания и интерпретации пословиц в качестве стимульного материала было выбрано 100 метафор: русские и зарубежные пословицы, а также современные фразеологизмы и идиомы. По результатам оценивания экспертами по специальному алгоритму эти метафоры были разделены на группы, в зависимости от сложности структурно-смысловой организации.

В первую группу вошли метафоры с простой структурно-смысловой организацией, имеющие однозначную интерпретацию, метафорический смысл их согласовывается и не противоречит их буквальному значению. Вторая группа (сложные метафоры) включает метафоры, которые могут иметь несколько одинаково верных интерпретаций. Например, метафора «не мни себя катком» может иметь

значение «Не сминай себя» и «Не возмни себя катком». Третью группу составили парадоксальные метафоры, в которых смыслы сообщения могут противоречить друг другу. Например, древнеиндийская метафора «Радость кончается горем, горе – радостью» содержит в себе противоречие, которое заключается в наличии логического противопоставления последовательно расположенных и последовательно воспринимаемых противоположных по смыслу понятий.

Согласованность мнений экспертов при отнесении метафор в ту или иную группу оценивалась на основании значений коэффициента конкордации Кендала (W). Метафорический материал, по поводу которого оценки экспертов не были согласованными, исключался. В итоге в каждой группе структурно-смысловой организации были определены по 10 метафор, которые в дальнейшем и предъявлялись испытуемым для интерпретации. Порядок предъявления метафор осуществлялся по принципу «от простого к сложному» – сначала предъявлялись простые метафоры, затем сложные и парадоксальные. Для простых метафор испытуемым давалась инструкция с требованием указания смысла каждой метафоры. Для сложных и парадоксальных в инструкции содержалось требование указания всех возможных значений, которые может принимать данная метафора.

В исследовании участвовали 60 человек в возрасте от 17 до 47 лет. Анализ результатов исследования проводился с учетом стратификации испытуемых по следующим признакам: пол; профессиональная группа (студенты, менеджеры по продажам, прочие профессии, несвязанные с постоянным общением); наличие–отсутствие опыта управления коллективом; наличие–отсутствие карьерного роста.

Квалификация ответов испытуемых проводилась в соответствии со значениями метафор, приведенными в толковом словаре В.И. Даля и в прочих литературных источниках, принятых в настоящем исследовании в качестве эталонных. Значение оценки принимало от 0 до 10 баллов, при этом величине 10 баллов соответствовала максимальная оценка. У 20 испытуемых были исследованы общие интеллектуальные способности при помощи методики КИТ СПЧ. Обработка результатов производилась с помощью процедуры контент-анализа. Для статистической обработки полученных результатов применялись U-критерий Манна–Уитни, H-критерий Кру-

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

скала–Уоллиса, рассчитывались значения коэффициенты корреляции Спирмена r_s .

Результаты исследования

По результатам оценок экспертов к группе простых метафор были отнесены: «Как рыба в воде»; «Не в своей тарелке»; «Сыпать соль на рану»; «Бальзам на душу»; «Ни сесть, ни статья»; «Взять быка за рога»; «Как уж на сковородке»; «Как с гуся вода»; «Держать нос по ветру»; «Небо с овчинку».

В группу сложных метафор вошли: «У семи нянек дитя без глазу»; «Лиха беда начало»; «Не мни себя катком»; «Сводить концы с концами»; «В единстве сила»; «МАЗАЙ, НЕ НОЙ»; «Дурак задним умом крепок»; «Бог и плач в радость обращает»; «Двум смертям не бывать, а одной не миновать»; «Покою глубины тебе волны бегущей».

К парадоксальным метафорам были отнесены: «Чем темнее ночь, тем ярче звезды»; «Деньги не пахнут»; «Ночью все кошки серы»; «Ссору шляпой не прикроешь»; «Высокие деревья больше страдают от ветра»; «Нет чертей для скитающихся людей»; «И из кривой трубы дым ровно идёт»; «В мелких водах волны шумят громче»; «Радость кончается горем, горе – радостью»; «Глуп тот, кто ест суп из рыбы фугу, глуп и тот, кто его не ест».

Средние показатели верных интерпретаций испытуемыми вышеуказанного метафорического материала составили: для простых метафор – 7 баллов; для сложных метафор – 6 баллов; для парадоксальных – 5 баллов.

Значения H -критерия Крускала–Уоллиса в понимании и интерпретации пословиц испытуемыми в группах, отличающихся по роду деятельности составили: для простых метафор – 0,398 (при уровне значимости $p=0,82$); для сложных метафор – 4,674 ($p=0,10$); для пара-

доксальных – 1,670 ($p=0,43$); в целом по всем группам метафор – 3,168 ($p=0,21$). Поскольку ни одно из значений H -критерия не достигает критических значений при уровне значимости $p<0,05$, в дальнейшем исследовании полученные значения H -критерия не рассматривались.

Различия в оценке и интерпретации метафор, установленные по значениям U -критерия Манна–Уитни для групп испытуемых, имевших опыт управления коллективом и не имевших опыта руководства составили: для простых метафор $U=32$ ($p=0,01$); для сложных метафор $U=67$ ($p=0,05$); для парадоксальных метафор $U=69$ ($p=0,05$); в целом по всем трем группам метафор – $U=52$, при $p=0,01$ (Справочно-критические значения для исследуемых выборок: $U_{0,01}=60$, $U_{0,05}=77$). Средние показатели верных интерпретаций испытуемыми простых, сложных и парадоксальных метафор в группе лиц, имевшей опыт управления, составили 8; 7 и 7,5 баллов, а в группе лиц, не имевших опыта руководства – 6; 5 и 4,5 балла соответственно.

Различия в оценке и интерпретации метафор, установленные по значениям U -критерия Манна–Уитни для групп испытуемых с опытом продвижения в карьере, и испытуемых без карьерного роста, составили: для простых метафор $U=53$ ($p=0,05$); для сложных метафор $U=67$ ($p=0,07$); для парадоксальных $U=48$ ($p=0,06$); в целом по всем трем группам метафор – $U=89$, при $p=0,06$ (Критические значения для исследуемых выборок: $U_{0,01}=78$; $U_{0,05}=99$).

Значения коэффициентов корреляции Спирмена с общими интеллектуальными способностями составили от 0,40 до 0,81. Значения коэффициентов корреляции (с указанием уровня их значимости p) указаны в таблице.

Матрица интеркорреляций показателей шкал методики социального интеллекта с общими интеллектуальными способностями

Шкалы	Эрудиция	Поленезав.	Арифм.	Аналогии	Искл. изоб.	Логика	Общ. интеллект
Сумма по 3 группам	0,40* 0,17**	0,38 0,20	0,60 0,03	0,81 0,01	0,69 0,01	0,66 0,02	0,69 0,04
Простые	0,58 0,05	0,04 0,91	0,48 0,12	0,46 0,11	0,24 0,42	0,50 0,08	0,47 0,05
Сложные	-0,50 0,86	0,49 0,04	0,38 0,20	0,64 0,02	0,77 0,01	0,32 0,28	0,54 0,00
Парадоксальные	0,54 0,05	0,31 0,30	0,61 0,03	0,77 0,00	0,58 0,03	0,71 0,01	0,62 0,02

* В верхней части ячейки указано значение коэффициента корреляции (r_s) Спирмена.

** В нижней части ячейки указано значение уровня значимости полученных результатов рангового корреляционного анализа (p).

Обсуждение

В выборках испытуемых, разделенных по роду их профессиональной деятельности, не было получено различий в понимании метафор различных по сложности структурно-смысловой организации. Результаты исследований в группах студентов, менеджеров по продажам и представителей прочих профессий достоверно не отличаются по количеству верно интерпретированных пословиц. Это свидетельствует о том, что специфика профессиональной деятельности, по-видимому, не оказывает какого-либо существенного влияния на особенности понимания и интерпретации метафорического материала.

В группах испытуемых с опытом управления коллективом наблюдаются значимые различия в интерпретациях всех групп метафорического материала. Так, испытуемые с наличием опыта управления коллективом от 1 года значительно лучше понимают и более точно интерпретируют метафорический материал, чем испытуемые, не имевшие опыта руководства коллективом. Вероятно, что способности к пониманию метафорического материала могут быть связаны с теми же когнитивно-эмоциональными механизмами, которые способствуют занятию лидерской позиции.

В группах испытуемых, разделенных по критерию наличия–отсутствия карьерного роста, существенные различия отмечаются лишь по показателям понимания смысла простых метафор.

Анализ взаимосвязей полученных результатов с показателями общего интеллекта свидетельствует о том, что разные показатели общего интеллекта по-разному коррелируют с показателями понимания метафор различной глубины структурно-смысловой организации. Больше всего корреляционных связей со шкалами общего интеллекта имеют верно интерпретированные парадоксальные метафоры, а наименьшее число связей – у простых метафор. Это объясняется тем, что простые метафоры были, как правило, известны испытуемым, при их понимании, как правило, не возникает затруднений. Отметим, что в группу парадоксальных метафор в основном вошли метафоры зарубежных культур, ранее, как правило, незнакомые испытуемым. Из этого можно сделать вывод о том, что для интерпретации простых метафор испытуемые больше задействовали накопленный социальный опыт, чем интеллектуальные механизмы, а при восприятии, оценке и интерпретации

парадоксальных метафор отсутствие репрезентативных элементов опыта компенсируется интеллектуальным фактором. Вместе с тем, значения коэффициентов корреляции не выше 0,81 свидетельствуют о том, что механизмы понимания и интерпретации метафорического материала не сводимы только к интеллектуальным операциям.

Наличие различий только в понимании простых метафор в группах испытуемых с разным уровнем продвижения в карьере, возможно, связано с тем, что испытуемые с опытом карьерного роста обладают более высокой способностью к интеграции социального опыта, лучше оперируют элементами внутренней репрезентации. Однако следует учитывать и возможное действие других значимых факторов (мотивация, социальная ситуация, личностные особенности испытуемых и др.), способных оказать существенное влияние как на социальные достижения, так и на точность интерпретации в ответах. Изучение этих факторов может рассматриваться в качестве перспективного направления при дальнейших исследованиях в этой области.

Выводы

Задания с использованием метафорического материала могут использоваться для диагностики аспектов социального интеллекта, связанных с интеллектуальной обработкой социальной информации и внутренними репрезентациями опыта.

Механизмы, которые задействуются для понимания и интерпретации метафорического материала, различаются в зависимости от сложности структурно-смысловой организации этого материала, а также от того, является ли метафора знакомой или предьявляется впервые.

Способности к пониманию и интерпретации метафорического материала связаны со способностями к пониманию широкого спектра социальных явлений и способов мышления.

Понимание и интерпретация метафорического материала могут быть связаны с лидерской компетентностью и другими социальными достижениями.

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001. – 688 с.
2. Арестова, О.Н. Аффективные иска-

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

жения в понимании пословиц / О.Н. Арестова // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 1. – С. 83-93.

3. Бейтсон, Г. *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии* / Г. Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.

4. Лакофф, Д. *Метафоры, которыми мы живем* / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Смысл, 2004. – 212 с.

5. Савенков, А.И. *Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и твор-*

чества / А.И. Савенков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 94-101.

6. Ушаков, Д.В. *Социальный интеллект как вид интеллекта* / Д.В. Ушаков; под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова // *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 11–29.

7. Холодная, М.А. *Психология интеллекта: парадоксы исследования* / М.А. Холодная. – СПб.: Изд. «Питер», 2002. – 278 с.

Поступила в редакцию 18 июня 2009 г.

Гурьянова Вера Сергеевна. Магистр кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404.

Vera S. Guryanova. Magistr of the chair «Psychological testing and counseling», South Ural State University: 8(351)2679404.

Научная жизнь

УДК 159.99
ББК Ю937

ОДИННАДЦАТЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНГРЕСС ПО ПСИХОЛОГИИ (ЕСР 2009, НОРВЕГИЯ, ОСЛО, 2009)

А.А. Бормотов, Ю.Л. Юсупова

Приводится информация об 11 Европейском Конгрессе по психологии, который проходил в Осло с 7 по 10 июля 2009 г. Авторы подробно описывают программу конференции, предоставляется информация о докладах участников «Русского дня», проводимого в рамках конгресса. Акцент делается на наиболее интересных симпозиумах по психодиагностике, тестированию и сертификации тестов и услуг.

Ключевые слова: конференция, программа, доклады, симпозиумы, Русский день.

11-й Европейский Конгресс по Психологии проводился Норвежской Психологической Ассоциацией под эгидой и патронажем Европейской Ассоциации Психологических Ассоциаций (EFPA) с 7 по 10 июля 2009 г. в Осло, Норвегия. Основной целью Конгресса стало собрать вместе теоретиков и практиков для представления исследований во всех областях психологии.

Программа Конгресса была представлена докладами, отвечающими теме Конгресса: «Быстро изменяющийся мир – вызовы для психологии». Этот девиз четко прослеживался в пяти различных направлениях:

1. Мир, права человека и психология.
2. Современные изменения и разнообразие в повседневной жизни.
3. Психология обучения.
4. Организационная психология.
5. Тесты и тестирования.

В состав научного оргкомитета конгресса вошли Gerd Kvale и Inger Hilde Nordhus (Берген), An-Magritt Aanonsen, Hanne Haavind и Annika Melinder (Осло), Magne A. Flaten (Тромсе), Mariane Hedegaard (Копенгаген), Lars-Göran Nilsson (Стокгольм), Torbjørn Rundmo (Тронхейм), Anu-Katriina Pesonen (Хельсинки) и Jakob Smari (Рейкьявик).

На конгрессе были представлены доклады важнейших для мировой психологии ученых, таких как Ф. Зимбардо и П. Коста.

Конгресс осуществлялся в виде следующих мероприятий: устные и стендовые доклады, мастер-классы, лекции, симпозиумы. Было представлено 32 темы, среди которых и

такие глобальные как «теория психологии», «социальная психология», «клиническая психология» и более узкие, такие как «Психология кризисных ситуаций, катастроф и травм», «Мир и конфликты, человеческие права и психология», «Тесты и тестирование».

Также в рамках Конгресса были организованы «Итальянский день» и «Русский день», посвященные исследованиям итальянских и русских психологов.

Первая секция «Русского дня» была посвящена здоровью и когнитивной психологии, вторая – важным историческим и современным вопросам российской психологии.

Впервые на психологическом Конгрессе такого уровня были представлены доклады пяти русских психологов.

Сессия 1. Здоровье и когнитивная психология.

1. **Цветкова Л.А.** Поведение российских студентов, связанное со здоровьем

2. **Аллахвердов В.М.** Сознание в когнитивной деятельности человека.

Сессия 2. Исторические и современные проблемы российской психологии.

1. **Батурин Н.А.** Психодиагностика в России: вчера, сегодня, завтра.

2. **Леонова А.Б.** Исследования благополучия и профессионального стресса в России.

3. **Малых С.Б.** Генетика поведения в России: традиции и перспективы

В целом, в работе конгресса приняли участие 2100 человек из 60 стран. Делегация из России стала четвертой по количеству участников, приехавших на конгресс. Всего из раз-

личных городов России приехало около 100 человек.

Челябинская делегация была представлена пятью участниками (декан факультета психологии Южно-уральского государственного университета, профессор, Н.А. Батури, зав. кафедрой «Психология развития», д-р психол. наук, Е.Л. Солдатова, аспиранты кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» А.А. Бормотов и Ю.Л. Юсупова, А.С. Науменко, канд. психол. наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование»).

В программу стендовых докладов (постеров) вошли 5 докладов:

1. **Батури Н.А.** Российская современная психодиагностика (Russian contemporary psychodiagnostics).

2. **Бормотов А.А.** Психологическая диагностика честности в России (The psychological measurement of honesty in Russia).

3. **Науменко А.С.** Отбор экспертов для создания тестов множественного выбора (Selecting Experts for Developing Multiple-Choice Tests).

4. **Солдатова Е.Л.** Эго-идентичность в нормативных кризисах развития (Ego-identity in the normal developmental crises).

5. **Юсупова Ю.Л.** Факторы, влияющие на изменчивость оценок (Factors influencing the variability of evaluation).

Сразу после окончания конференции Российское психологическое общество было принято в члены EFPA (Европейская федерация психологических ассоциаций), членами которой являются национальные ассоциации из 34 стран Европы; совокупное количество индивидуальных членов федерации – двести тысяч человек (без российских психологов).

Особый интерес для большинства участников Конгресса из Челябинска представляло направление Конгресса, связанное с психодиагностикой (тестированием).

Для конгресса 2009 Международная Тестовая Комиссия (ITC) и Комитет EFPA по тестам и тестированию работали вместе, чтобы представить в полном объеме лекции, симпозиумы и доклады по тестированию.

Один из ведущих психодиагностов Европы **Дэвид Бартрам** (David Bartram, UK) сделал доклад на тему «Воздействие Интернета на тесты и тестирования».

В рамках направления тесты и тестирования были проведены следующие симпозиумы:

1. Квалификация пользователей тестов в Европе.

2. Международные принципы и стандарты, связанные с тестами и тестированием.

3. Прогресс в науке и технологии тестов, проводимых в Интернете.

4. Новое и важное в применении Теории тестовых заданий (Item Response Theory).

5. Создание Руководств ITC по Контролю качества при обработке, анализе и интерпретировании результатов тестирования.

6. Национальные подходы к сохранению качества тестов.

7. Локализация и адаптация тестов на профессиональную пригодность: обучение на основании проектов, охватывающих 30 языков.

8. Искусство и наука тестов ситуативных решений: от конструкторов до индустриализированного производства тестов ситуативных решений и обучение на основании больших многоязычных проектов.

9. Пересмотр норм, их конструирование и их значение в принятии обоснованного решения.

10. Объективная оценка персонала в ситуациях реструктурирования и сокращения – что мы знаем?

11. С Востока на Запад: генерализуемость опросника кросс-культурной оценки личности в западной среде.

12. Новые тенденции в планировании тестов и их реализация для вступительных тестов высшего образования: международные перспективы.

13. Разнообразные предметы, постмодернистские применения классической тестовой модели личности.

14. Адаптация и создание теста: методологические и практические требования.

Одной из самых актуальных тем обсуждения была тема стандартов пользователей и тестов, а также тема сертификации пользователей тестов. Стало ясно, что во многих странах Европы сертификация пользователей тестов находится далеко не на высоком уровне и по большому счету, активное включение членов психологического сообщества в процесс сертификации и создание стандартов пользователей и тестов происходит только сейчас. На данный момент в проект EFPA по сертификации включены следующие страны: Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды. Некоторые страны (Германия, Финляндия) представляли свой опыт создания стандартов для

пользователей тестов. В Испании же процесс создания стандартов и системы сертификации только начинается.

Английские сообщества на данный момент являются передовыми в создании стандартов: их стандарты для уровня А¹ были созданы еще в 1989 г., и сама система и структура стандартов совершенствуются до сих пор. В связи с этим становится понятным, почему все европейские страны ориентируются на них.

Как уже отмечалось, основной доклад Конгресса в области тестирования был посвящен проблеме Интернет-тестирования. Так, Дэвид Бартрам (David Bartram), член совета Международной Тестовой Комиссии (ITC), а также член постоянного комитета по тестам и тестированию EFPA, привел в своем докладе статистику использования разных форм тестирования, отметив, что Интернет-тестирование занимает лидирующее место на рынке психологических услуг. Он также определил формы проведения Интернет-тестирования в зависимости от уровня контроля безопасности информации тестового материала, отчетов и личной информации респондентов.

Большое внимание уделялось на Конгрессе рассмотрению проблемы перевода и адаптации тестов для использования в психологической практике в других культурах. Большинство ученых, после 20-летнего опыта применения принципа прямого и обратного перевода психодиагностических методик пришло к выводу о недостаточном уровне качества перевода теста при использовании данного метода. Директор по дизайну продуктов

и инновациям крупнейшей корпорации по разработке и развитию психодиагностических методик более чем в 50 странах мира SHL Group Юджин Бёрке (Eugene Burke) предлагает оценивать возможные риски перевода (ограничения языка), а также отбирать и обучать переводчиков («непсихологов») для более точного и непосредственного перевода. Этот процесс он называет «локализацией» (по аналогии с процессом распространения компьютерного обеспечения для пользователей другой страны), что означает приспособление теста к языку и рынку страны, где он будет продаваться или использоваться.

Голландский психолог Фонс Ван де Вийвер (Fons van de Vijver) особо подчеркнул важность соответствия психологических конструктов в языке оригинального теста и языке, на который производится перевод. Зачастую это неэквивалентные феномены, что подтверждается разным уровнем социальных и культурных норм взаимодействия человека в обществе. Без учета этих особенностей перевод приведет в лучшем случае к возникновению нового теста, но не языкового эквивалента оригинального теста.

В целом Конгресс прошел на очень высоком уровне, были затронуты практически все области психологии. На данном Европейском Конгрессе стало очевидно, что тема тестирования становится все более актуальной и затрагивает участников всего международного психологического сообщества.

¹ В Англии существует двухуровневая система квалификации психологов: А и В.

Поступила в редакцию 12 июня 2009 г.

Бормотов Александр Александрович. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: bormotovalexander@yandex.ru

Alexander A. Bormotov. Postgraduate student of the Chair Psychological diagnostics and Counseling of South Ural State University: bormotovalexander@yandex.ru

Юсупова Юлия Леонидовна. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: hopeup@gmail.com.

Julia L. Yusupova. Postgraduate student of the Chair Psychological diagnostics and Counseling of South Ural State University: hopeup@gmail.com.

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A., Melnikova N.N. Technology of test development: part I.

In the article the universal process of development of all types of psychodiagnostics tests is described for the first time ever in Russian psychodiagnostics. The process consists of 14 steps grouped in 8 stages. Object realization of each step is necessary condition for test development. Absence of any step or untimely fulfillment of corresponding objects will affected test quality and will increased time spending and input of means. The exposition of material is divided into several parts. First part describes first two initial stages: organizational and substantive. These stages are foundation of test development. In the process of their description the most essential and low-illustrated problems of test development are pointed.

Keywords: psychodiagnostics techniques, process of techniques development, step-by-step technology, test planning, test content.

Naumenko A.S. How effectively recruitment specialists use test results.

The paper explores use of qualitative and quantitative forms of test interpretations by recruitment specialists. The described studies reveal inconsistency in declarative and real use of test interpretations and so far the tendency to underestimate importance of numerical data. The author shows difference between decision-making strategies of novice and experienced recruitment specialists. She argues that recruitment specialists need to acquire skills in analysis of different forms of test interpretations.

Keywords: test interpretations, feedback, test results, HR specialists, recruitment specialists.

Rylskaya E.A. The types of person's resilience.

The results of the investigation of individual types in person's resilience are presented in the article. The empirical classification of the types of resilience is constructed by means of hierarchical cluster analysis. It confirms theoretical assumptions about communicative nature of person's resilience.

Keywords: person's resilience, person's development, living tasks, sense-creative communicableness, operational descriptors of sense-creative communicableness, the types of person's resilience.

Shmelyov A.G., Naumenko A.S. Internet community of test developers as a way to professional integration and protection of professional confidentiality.

The paper addresses use of Internet technologies for overcoming the crisis in contemporary field of psychological testing in Russia. The authors develop a model of Internet community of test developers (ICTD) and describe its tasks and necessary technical prerequisites. The particularly focus is on the protection of professional confidentiality in the ICTD framework. As a prototype of the ICTD the authors analyse Expert community of psychologists functioning on the HT-LINE platform developed by HR-Laboratory «Human Technologies».

Keywords: Internet, informational communicative technologies (ICT), psychological testing, Internet community, community of test developers, professional secret.

Vasilyeva N.L., Ivanova V.Y., Skochilov R.V., Polyakova M.A. Psycho-social escort of personality development as a technology.

The paper is devoted to the problem of supporting the personality development. Psycho-social escort of personality development has been chosen as a way to make this support. In order to provide a psycho-social escort of personality development on all the society levels, the ecological model has been chosen. This model is presented in the paper. In order to carry out a psycho-social escort of personality development in practice the technology of case management has been chosen and described.

Keywords: psycho-social escort, personality development, age stages, emotional needs.

Tishevskoy I.A. Models of psychological work on increasing of prevalence of breast feeding.

The author elaborated the training program for expectant mothers and for the following psychological support of interaction in the breast feeding situation. This program is realized in the frameworks of "Interaction guidance" approach. The program realization in antenatal clinics allowed increasing breast feeding continuance, improving mother competence in baby behavior understanding in the feeding situation as well as in other interaction types, and raising motherhood satisfaction.

Keywords: psychological support of breast feeding, early child-parental interactions.

Koneva O.B. Psychological peculiarities of social-emotional personality disorder of orphaned children.

In the work main specific features of development of orphaned children at various age periods are revealed. Causes of interpersonal relationships disorders, causes of social-emotional disorders of orphaned children with mental retardation are explored. Basic ways of correction of emotionally-personality sphere

of orphaned children are defined and psycho-correction influence technologies are presented.

Keywords: orphanancy, deprivation, deprivation disorders, mental retardation, adaptation, social-emotional disorders.

Rychkova L.S., Suprun S.A., Guzanova D.Y. Age-related peculiarities of disadaptation disorders systematics of orphaned children with mild mental defectiveness.

The article is devoted to ascertainment of disadaptation disorders typology of orphaned children with mild mental defectiveness, which can be presented in the form of 3 main types: aggressively-dysphoric asthenia-hypobulical and addictive. Psychologically-psychopathologic features of each type depending on age-related development characteristics are described, their dynamic is provided, specific recommendations on performance of decisions of medical-psychological diagnostics and on differentiated approach to preventive and rehabilitation actions are given.

Keywords: disadaptation disorders, orphaned children, mental defectiveness, typology, aggressively-dysphoric, asthenia-hypobulical, addictive types.

Berebin M.A. Myasishev's conception of personality' attitude and the theory of psychic adaptation of personality in medical psychology (part II).

In the article, author considering scientific and methodical basis for development a new theoretical approaches of the researches in clinical (medical) psychologies with use a domestic concept of general psychology (on models of the theory of psychic adaptation that be founded on the conception of personality' attitude by Myasishev V.N.). The ideas about the some basic phenomenon's of theory of psychic adaptation in medical psychology, having been proved by the Myasishev's pronouncements, was worded.

Keywords: Myasishev's conception of personality' attitude, theory of psychic adaptation, medical psychology.

Shtrahova A.V. Psychosemantics of pain in the structure of the internal picture of disease in neurological patients.

We consider the psychological aspects of pain and their place in the formation of internal picture of disease. The features of Psychosemantical methods in clinical psychological research. The results of the study the factor structure of perceptions of pain in neurological patients and healthy individuals.

Keywords: psychosemantics, pain, psychosomatics, internal pictures of disease.

Gluhova O.V. Analysis of approaches to studying of professional self-determination in dissertational researches.

This article is devoted to study approaches to address the problems of professional self-determination in the 22 dissertations on psychology and pedagogy. There are the results of the analysis of these works on the object, subject, aims and objectives of the study, presented systematization factors of professional self-determination.

Keywords: professional self-determination, the factors and components of professional self-determination.

Guryanova V.S. Research of possibilities of application of a metaphorical material for diagnostics of social intelligence.

The article presents the rationale use metaphorical material for the diagnosis of social intelligence. Features of the understanding, processing and interpretation of metaphorical material reflect the specifics of the development of intelligent tools that provide solutions to social problems. Completed study of the understanding of metaphors of the various social groups. To examine the relationship of understanding metaphors varying structural and semantic organization, and general intellectual abilities.

Keywords: social intelligence, metaphor, perceptual experience, mental operations, divergent objectives, thinking and culture.

Bormotov A.A., Yusupova J.L. The 11th European Congress of Psychology (ECP 2009, Norway, Oslo, 2009).

In article the information about 11 European Congress of psychology which was in Oslo from 7 to 10 of July, 2009 is given. The authors describe the conference program in detail. The information about reports of participants of «Russian day» which was held during the congress is presented. The most interesting symposiums on psychodiagnostics, testing and certification of tests and services are emphasized.

Keywords: conference, programs, reports, symposiums, Russian day.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ MS Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы и должность для всех авторов работы, контактная информация ответственного за подготовку рукописи).

2. Структура статьи: название (не более 12–15 слов), список авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов, текст работы, литература (ГОСТ 7.1–2003). Внутри работы должны иметься ссылки на литературу (в круглых скобках). После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 11 pt. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Формулы. Стиль математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 11 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки все черно-белые. Если рисунки созданы не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции Вестника ЮУрГУ, серия «Психология»: Россия 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, Факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestniksusu@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научные исследования» → «Издательская деятельность» → «Вестник ЮУрГУ» → «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 30 (163) 2009

Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 6

Редактор Е.П. Павлухина
Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 10.09.2009. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 11,11. Тираж 500 экз. Заказ 366/404.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.